

Соломон Бен-Эмануэль
Агабабаев

Ну и ну!

Соломон Бен-Эмануэль

Ну и ну!

Рассказы

и

Маленькие повести

*Охраняется законом об авторском праве. Воспроизведение
любой части книги сопровождать ссылкой на автора.*

Корректоры: Фрида Юсуфова, Иосеф Берелехис, Галина
Рубштейн, Диана Тартаковская.

Перевод на иврит: Иосеф Берелехис.

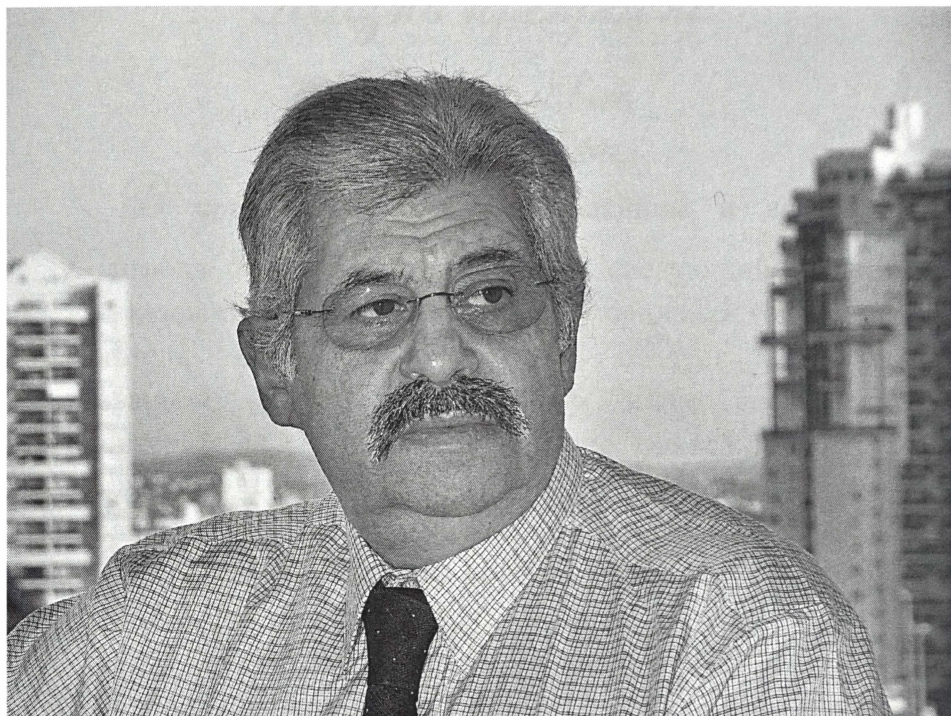
Художественное оформление книги: Фрида Юсуфова.
Иллюстрации: Фрида Юсуфова, жена и дочери автора
Галина, Камилла, Мор.

© copyright 2012, Israel.
mail: esejazz@gmail.com
tel. (972) 052-82-12-725

Компьютерный набор: Соломон Бен-Эмануэль.
Компьютерная графика, верстка, дизайн: Фрида Юсуфова.

Хайфа, Израиль 2012

ИЗРАИЛЬ 2012

*Дорогому читателю от автора рассказов и
маленьких повестей «Ну и ну!!!».
С уважением и добрыми пожеланиями.
Солюшон Бен-Амиуэль - член Союза
писателей Израиля.
Кирият-Ям - Израиль, 2012 год.*

*Рассказы достойны, чтоб их написали,
и заслужили, чтоб их прочитали! -
Ф. Юсуфова.*

Жизнь прекрасна

Предисловие

В продолжении книги «Бакинцы и другие...» Соломона Бен-Эмануэля, появился следующий сборник рассказов «Ну и ну». Название сразу привлекает внимание читателя, ведь любопытно, что следует за таким названием, о чём пишет автор, какое впечатление произведёт на нас? Мы живём в мире, где всё приходит и уходит полосами – ясными, а иногда далеко не светлыми. Такими её делает не только погода на дворе, но и «погода» на душе. А если вспомнить выражение «не хлебом единым жив человек», то хочется и духовной пищи.

Если нет духовной сытости, то жизнь проходит уныло и тоскливо. Так уж устроен человек, что он тянется к чему-то доброму, радостному. Этой тяге отвечает талантливый человек, уроженец преКрасной Слободы – Соломон Бен-Эмануэль.

Его книгу «Бакинцы и другие...» с удовольствием и восторгом читают не только в Израиле, где она издана на русском языке, но и в США, в России, в Азербайджане, в Германии и в других странах.

В продолжении творческого замысла автора книги вышли новые рассказы и повести. Интересно, чем обрадует нас автор, ведь он охватывает всё то, что составляет смысл нашего бытия: «Наши улыбки», «Наша жизнь», «Наши мысли». Это всё является тем самым

главным, чем духовно сыт человек. Автор удачно нашёл свою нишу в большой писательской семье.

Рассказы написаны остроумно, легко читаются. Автор умеет уловить и подметить тонкие нюансы человеческого характера. Он задевает такие вопросы, которые заставляют читателя призадуматься: «а не смешон ли я? Как бы я поступил в той или иной ситуации?» Поневоле вспомнишь своё поведение в обществе. В этом видна роль психологического воспитания. Будучи одарённым рассказчиком, автор уверен в себе и повествует блестяще.

Общеизвестно, что смех, улыбка, радость удлинит жизнь человека. Медицина ещё не придумала лекарства, чтобы продлить жизнь человека, хотя бы исполнения завета «жить до ста двадцати лет». Но природа дала людям дар приносить радость своему окружению. Такую радость, от широты своей души даёт нам автор книги.

Кажется, что эти слова одного из стихотворений писательницы, поэтессы, пропагандиста быта и культуры горско-еврейского народа Фриды Юсуфовой, касаются также и Соломона Бен-Эмануэля: *«Даруемое им сердечное тепло, да растворится в душах им любимых».*

Бен-Эмануэль широко использует интересные слова и выражения, характерные для жителей Кавказа. Словечки, обороты речи, описания жестикующий соответствуют реалиям жизни. Они знакомы жителям и выходцам с Кавказа, и смешны, даже, тем людям, кто никогда там и не жил. Главное, что они умело, показаны автором.

Надо прожить на Кавказе, и правильно воспринять своё окружение, чтобы так красочно описать кавказскую ментальность. В этом очень помог его жизненный опыт и

профессиональная деятельность. Будучи фотохудожником по призванию, он владел искусством «остановить время на мгновение». Его фотоснимки показывают людей в разных ракурсах. Чётко видны на лицах: удивление, страх, восторг, добрая улыбка или многие другие эмоции. Запечатлённые мгновения говорят о многом.

Ступив на стезю писателя, автор передаёт нюансы, уже не фотоснимком, а описанием характера своих персонажей, причём с большой убедительностью.

Другая профессиональная деятельность Бен-Эмануэля связана с музыкой. В своё время он играл в ансамбле Азербайджана «Дан Улдузу» («Утренняя Звезда»). В музыке каждая нота играет свою роль. Как в музыке, так и в писательской деятельности играет свою роль умелое описание поведения человека. Ведь надо показать, почему так или по-другому повёл себя герой рассказа, в чём заключается этот мотив. Автор не только уловил это, но и сумел передать описать его.

В результате мы читатели, как бы оказываемся при всём этом. Присутствуем и являемся свидетелями происходящего.

Не пересказывая содержания книги, хочется отметить, что автор провёл своё детство среди окружения, имеющего кавказскую ментальность, и это автором тонко подмечено, когда пишет об особенностях разных национальностей Кавказа. Акцент, говор, поведение и уклад жизни, разнятся даже, среди людей одной национальности, но проживающих в разных районах. Надо иметь дар от Б-га, чтобы не только уловить это, но так передать читателю,

чтобы было смешно, а смех был добрым и не звучал насмешкой.

При всём указанном выше, произведение имеет и познавательное значение. Так, например, в рассказе «Чудо избавления» вызывает массу положительных эмоций и очень смешно. Наряду с этим автор показывает обычаи и традиции местных жителей – обычай выбора невесты, обычай обязательного чаепития и так далее.

Жизнь становится радостней, когда читаешь подобные произведения.

Я и моя семья выражаем благодарность автору, и желаем ему дальнейших творческих успехов.

*Агабабаев Владимир Эмануилович –
член Союза писателей Израиля.
США, штат Коннектикут.*

Часть первая

Очень просто!

Нечаянное счастье

Кому это надо было придумывать, что за всё нужно платить? Деньги какие-то изобрели. Люди из-за этого только страдают.

Вот мы, например, будучи совсем новыми репатриантами, жили себе на схар дире, ну жили и жили, так нет, плати и всё

тут. А где взять, эти деньги, никто толком не говорит? Схар дира – это съёмная квартира, вот именно, что съёмная, не своя же, в конце концов. Была бы своя, чёрт с ним, платил бы, а так с чего вдруг? Житья не дают – давай деньги, и всё тут. Делать нечего, буду платить, только вот денег найду, и заплачу.

Как-то заглянул я в отдел абсорбции новых репатриантов, чтобы узнать новости, о каких-то внезапных льготах, да и вообще, о чём это говорит наш вечно любопытствующий еврейский народ. И не напрасно. Одни любопытствующие говорили о разных любопытных вещах, удовлетворяя любопытство других любопытствующих.

У-уф, сплошное любопытство.

Я всё внимательно слушал, потому, как сам являюсь, пусть маленькой, но частью этого народа. И узнал, кстати, весьма интересную штуку. Оказывается, если кто-то в

семейной паре не работает, то министерство строительства выплачивает денежную помощь для оплаты схар-диры, причём в трёхкратном размере. Я сразу, как бывший советский человек, не признающий никаких калькуляторов, взял листок бумажки и подсчитал, сколько денег мне выплатят, и как ими можно распорядиться. Получилось, что заплачу за полгода вперёд, и ещё немного останется.

Я бегом в Битуах Леуми (Институт Национального Страхования), прибегаю, благо в этот день институт работал после обеда. Честно и безропотно отсидел свою очередь, даже не ввязался ни в один спор, не возмущился долгим ожиданием, в общем, был паинькой.

Наконец, вхожу в нужный кабинет.

– Шалом, – радостно вскричал я.

– Шалом, – весело ответила сотрудница Битуах Леуми, зазавившись моей жизнерадостностью.

Ну, я без обиняков, со всей прямоотой и выдал, что денег хочу, побольше или, по крайней мере, не меньше того, чем мне полагается. Проверив всё по компьютеру, девушка с сожалением сказала:

– Я не уверена, что вам полагается повышенная помощь. За прошедший год ваша жена проработала четыре дня, а это уже не считается, что она безработная.

Мир рухнул в течение секунды. Нарисовалась мрачная картина исхода одной отдельно взятой семьи из схар-диры (провалилась она в тартарары), в неизвестность, в небытие.

– Это недопустимо!!! – Стучало в голове. – Ведь всё было так реально, так близко.

Обдумывая свои дальнейшие действия, я взялся за переносицу (такая у меня привычка) и стал покачиваться.

Ощущаю руку девушки на своём плече.

– Ата ло маргиш тов? (Ты плохо себя чувствуешь?) – С участием спрашивает она на иврите.

Я сразу понял, вот он, момент истины, если сейчас не сыграю как надо, то плакали мои «мани-мани». Я качнулся сильнее и уселся на любезно подставленный под меня стул.

– Воды, – простонал я.

Отпив пару глотков, я с горечью и печалью произнёс:

– Жизнь кончилась, где здесь есть гора повыше?

Я всегда считал, что во мне умер артист, но то, как я сыграл «горечь и печаль», своей правдивостью и безукоризненностью поразили даже меня самого. Вовсе не помешало бы включить этот эпизод во все учебники, для начинающих и маститых актёров. Итак, то ли она увидела во мне человека похожего на её отца, то ли хорошего человека, а может, просто человека, но вот как-то прониклась.... А ведь, бывает так, сидит себе чиновник и выполняет свои обязанности, то есть «ни за что и никогда». Посетители приходят и уходят, и всем что-то надо «и это дай и то дай, и даже то, что не полагается, тоже отдай». У чиновников, между прочим, тоже имеются амбиции. С какой такой радости, он, то бишь чиновник, должен что-то отдать. Ну и что, что полагается? А вот нет настроения и всё тут! И приходится бедному чиновнику тратить своё здоровье на этих нуждающихся посетителей. И не имеет никакого значения, что чиновник этот, существует благодаря этим самым посетителям.

На данную сотрудницу в этот день, снизошла божья благодать, и она увидела во мне не посетителя, а человека:

– Вы так сильно не переживайте, я дам вам справку, но

обязательно укажу все объективные данные. Беседер?

– Беседер, – выдавил я из себя сквозь рыдания. Мои плечи, при этом выделяли такое, что, клянусь вам, самая лучшая танцовщица-цыганка заплатит любые деньги за то, чтобы взять у меня несколько уроков цыганского танца.

На следующий день, с утра, я занял очередь в банке, где должен был получить деньги. Народу много, но на какие только жертвы не пойдёшь ради достижения благородной цели. В коридорчике были две скамеечки, которых было вполне достаточно, чтобы все посетители уместились. Наши же посетители предпочитали толпиться в дверях кабинета, а это вопиющая жестокость по отношению к начальнику этого отдела. Он иногда выходил из кабинета, потом входил, продираясь сквозь посетителей, не дававших даже прикрыть двери. Он всё время взывал к нашему разуму, уговаривал всех воспользоваться скамейками. Скажите на милость, как можно следовать такому совету, если он звучит так: «Господа! Все садитесь на скамью!» Как можно такое говорить, пусть бывшему, но советскому человеку. Всем, сразу рисовалась одна и та же скамья. Да, да, именно та самая скамья! Конечно, никому садиться не хотелось. Постепенно настроение начальника стало портиться, и, наконец, достигло апогея. Он стал дёргаться, вздрагивать, и кого он видел в нас остаётся только догадываться.

Очередь, хоть и медленно, но продвигалась. Мужчина, стоявший передо мной, выкрикивал какие-то лозунги. Негромко, но нервно, например: «Врёшь, не возьмёшь меня голыми руками!», «Но пасаран, скотина!», «Вы все

обязаны мне по гроб вашей жизни!», «Я тебе ещё устрою кузькину мать!» Вообще-то надо говорить «покажу кузькину мать», если я не ошибаюсь?!

И я заинтересовано спросил:

– Простите, а как устраивают «кузькину мать», её обычно показывают, не так ли?

Он резко повернулся ко мне, выставил против моих глаз два своих пальца – указательный и средний и процедил сквозь зубы.

– И ты из них, как я вижу. Вот сейчас я тебе и устрою и покажу эту мать.

Мне почему-то стало грустно-грустно, и я сразу выпалил:

– Извините, я, кажется, был не прав, и сморозил внеочередную глупость.

Тут, к счастью, подошла его очередь, и он как цунами ворвался в кабинет:

– Ты, сволочь! Вот ты кто, понял? – с ходу выпалил он по-русски.

На его счастье, начальник ничегошеньки по-русски не понимал, но ошалело спросил:

– Ма ата коль ках агрессиви? Ма кара? (Почему ты так агрессивен? Что случилось? – иврит).

– Твои папа и мама «агрессиви», понял? Идиот такой!

– Ми идиот? Ани идиот? Мияд ани экра ле миштара! – (Кто идиот? Я идиот? Немедленно вызываю полицию).

– Вот все вы такие скоты, вместо того, чтобы помочь страждущим, вы сразу «миштара». Я сразу понял, что ты гнида, у-у-х, задушил бы голыми руками! – прокричал посетитель, и сделал жест руками, якобы душит

Тот, серьёзно перепугавшись за свою молодую жизнь,

сразу потянулся к телефону. При этом лицо задёргалось в нервном тике, и казалось, вот-вот бухнется в обморок. Посетитель представил неблагоприятную перспективу и предпочёл ретироваться со скоростью несколько уступающей скорости третьей ступени ракетополетителя.

Видю, мой час пробил, вхожу в кабинет и голосом полным сострадания говорю на иврите:

– Что за человек? Что за люди вообще? Как так можно? Люди совсем потеряли человеческий облик! Никогда в жизни я не смог бы работать на твоём месте. Давай так, если я тебе сейчас мешаю, то я могу уйти и прийти в другой раз.

– Ты видел, что здесь творилось? Главное, я не понимаю, что он говорит, но прекрасно чувствую, что он меня прокликает. А за что? За то, что я всю душу вам, репатриантам, отдаю? – чуть не плакал начальник.

– Ну, извини, пожалуйста, я тебе не буду мешать, пойду домой.

– Нет, нет хабиби (дорогой – араб.), давай, что там у тебя? – по-братски сказал он.

Кладу справку на стол и он, видя стандартный бланк, не вчитываясь, выписывает мне чек на нужную сумму. Попрошались как лучшие друзья. Пожали друг другу руки.

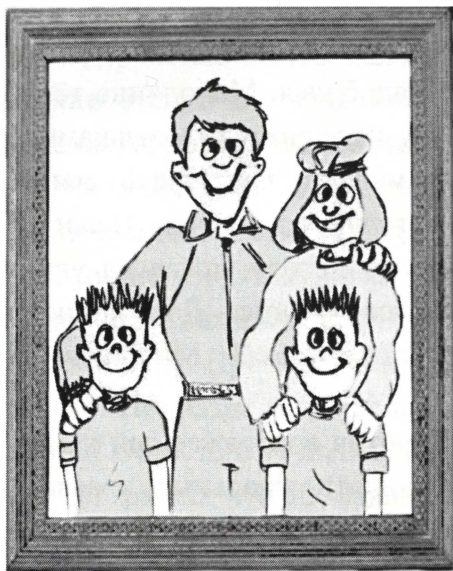
– Если что понадобится, то сразу ко мне, беседер?

– Беседер, ах шели! (Ладно, брат мой – иврит).

Получил деньги в кассе, заплатил за квартиру – и хорошо на душе. Есть хорошие люди на земле, есть! Особенно тот, нервный посетитель. Если бы не он то, кто знает, как бы оно обернулось. Вот счастье привалило, хоть и нечаянное, но СЧАСТЬЕ.

Быть холостяком - опасно!!!

Согласитесь, что телевизионные и радиопередачи, а также газетные статьи, очень познавательны. Они развивают кругозор, информируют нас, а кроме того, можно задавать вопросы. Письменно — газетным асам, а по телефону — корреспондентам телевидения или радио. А как приятно получать конкретные ответы на конкретные вопросы? Ну,

просто здорово!

Это я так, вроде как предисловие. А теперь: «Быть холостяком — опасно!».

Вся моя семья, жена, в которой, кстати, я души не чаю, с нашими маленькими пацанами уехала на неделю отдыхать в Эйлат. Вообще-то, мы должны были ехать всей семьёй, но моя срочная работа всё изменила. Я остался дома на всю неделю, с четверга по четверг, а семья поехала отдыхать. Вот так я впервые остался один. Первые два дня, не скучал, некогда было. А сегодня суббота, у меня выходной. Что делать? Вот и придумал я себе занятие. Решил, что весь день проведу, как истинный английский джентльмен, он же убеждённый холостяк.

Ещё вчера купил хорошую, дорогущую сигару.

Поставил на столик бутылочку настоящего шотландского виски. Собственноручно заварил крепкий, чёрный кофе. Облачился в шёлковый (ни разу не надевал) халат. Вот этот халат мне подарила тёща на мой день рождения несколько лет назад. Тогда я подумал, что он никогда мне не понадобится, а нет – понадобился. Молодчина тёща! Мысленно представил камин с горящими головешками, а что делать, если на улице мелкий, противный дождь, пропитывающий каждую клеточку организма. Нелёгкое занятие представлять себе такую погоду, когда на улице плюс тридцать пять и жаркое солнце. Для полноты ощущений включаю кондиционер. Всё! Микроклимат создан!

Я в шёлковом халате, напротив воображаемый камин. Далее: не воображаемое, а абсолютно реальные; кресло, в которое я уселся, журнальный столик, сигара, виски и пульт от телевизора. Хотя нет, телевизор не годится, я его мысленно убираю. Всё, нет его! Вот радиоприёмник годится, в те годы слушали радиосериалы.

Может создаться впечатление, что я алкоголик какой-то. Типа, с утра натошак пью виски и так далее. Нетушки, с утра приготовил себе отменный завтрак и уже съел его. А завтрак-то, какой!? Пальчики оближешь! Нарезал толстыми кусочками докторскую колбасу, пожарил на сковороде до коричнево-хрустящего состояния. В эту же вкусноту бросил нарезанные помидоры, и всё это залил яйцами. И прежде чем выложить завтрак на тарелку, приготовил горбушку чёрного хлеба, огурцы и хасу (листья зеленого салата). Когда ел, представлял, что я в кирпичном домике на окраине Лондона, и передо мной

яичница с беконом (честно говоря, что такое бекон, знаю лишь понаслышке).

Совсем забыл сказать о главном, у меня есть шикарный стакан. По объёму – мечта российского алкаша, по содержанию – что нальёшь, то и будет, по форме – тонкие стенки и очень массивный низ. Налил, сколько хочешь напитка и блаженствуй себе!

Наливаю виски, включаю приёмник последней модификации, но представляю, что приёмничик допотопнейший. Закуриваю не затягиваясь потому, что не курящий. Запах дыма приятно щекочет ноздри и заполняет всю комнату. Пригубил виски, отхлебнул кофе. Кайф да и только. Но, разве дадут человеку побалдеть? Да никогда в жизни! Обязательно должны всё испортить.

По радио что-то акали, бэкали и мэкали. Я и не обращал особого внимания, потом пошла реклама, которая сразу ввергла меня в депрессию.

Бодрый, не терпящий возражения женский голос ввинчивается в каждый нерв слушателя:

«Вы до сих пор страдаете от геморроя? Хватит вам страдать! Обратитесь в нашу клинику «Не болит!» и получите путёвку в настоящую и полноценную жизнь».

Я онемел! Сосредоточился! Вдруг у меня есть геморрой, и я об этом даже ничего не знаю. Прислушивался к своему организму, очень добросовестно. Но слава Создателю ничего нигде не болело, но какой-то зуд всё-таки появился. «Это самовнушение», – самовнушал я себе. Несмотря на неприятную рекламу, испортиться своему настроению я не позволил и как зашёл, так и вышел из депрессии. Выпил виски, попил кофейку, подымил. Не

такой я себе представлял холостяцкую жизнь! Ох, не такой!

Радиослушательница: – Алло, алло это радио?

Ведущий: – Да, да это ваша радиостанция. Говорите, пожалуйста.

Радиослушательница: – А это я с вами говорю?

Ведущий: – Говорите, мы вас слушаем.

Радиослушательница: – Алло, алло, а вы меня слышите?

Ведущий: – Мы вас прекрасно слышим. Говорите.

Радиослушательница: – А это всё-таки я говорю с вами?

Ведущий: – Уважаемые господа, хочу напомнить вам, что передача наша, ограничена во времени, и поэтому задавайте свой вопрос. Иначе, мы просто не успеем ответить на наши вопросы. И вообще...

Радиослушательница: – Я всё поняла, задаю свой вопрос.

Ведущий: – Так, сначала выключите, пожалуйста, свой приёмник, а то никакого разговора не получится.

Радиослушательница: – Всё, всё выключаю. А, теперь я могу задать свой вопрос?

Ведущий: – Да, да задавайте, пожалуйста.

Радиослушательница: – Значит так! У меня такой вопрос. Скажите, а вы меня хорошо слышите?

Ведущий: – Уважаемая слушательница, я вынужден повторить, уже который раз: задавайте свой вопрос, иначе у нас ни на что времени не хватит.

Радиослушательница: – Так я давно бы уже спросила. Вы же не даёте слово вставить! – Возмутилась она.

Ведущий: – Всё, всё молчу. Хотя, времени было более чем достаточно. – Ворчливо присовокупил он.

Радиослушательница: – Скажите, до каких пор эти некультурные израильтяне будут ходить по тротуару не по левой стороне? Куда это годится, я вас спрашиваю? Я всегда хожу по правой стороне, а они почти всегда сталкиваются со мной. Это вопиющее безобразие.

Ведущий: – Простите, но я двадцать лет живу в Израиле и ни разу ни с кем не столкнулся.

Радиослушательница: – Потому, что вы тоже стали такими же как и израильтяне – некультурными и бестактными. Чего вы меня перебиваете? Думаете, на вас управы не найдётся. Видно, что вам никогда не бывает стыдно...

Ведущий: – Господа, рек-ла-ма.

Скажу честно, во всё это я не очень вникал, но когда услышал слово «реклама» вздрогнул.

Звучал тот самый бодрый женский голос, который был в предыдущей рекламе. Но на этот раз не бодро, а сочувственно-проникновенно и обращался голос только к мужчинам:

«Вы импотент? Вы мучаетесь? Вы лишились главной радости жизни? Знайте! Что только мы сможем поднять вам (небольшая пауза) настроение! Просто приходите в нашу клинику «Я могу» и наши лучшие врачи и медсёстры сделают всё, чтобы привести в норму ваше состояние. Итак, айда к нам!»

Я сразу схватился рукой за это, как его? Ах да, за стакан с виски. Выпил, налил ещё, выпил. Потом кофе, потом сигара. Моему возмущению не было конца. Так

меня оскорбить! Я вообще не верю, что существует такая болезнь, и что кто-то страдает этим. Не верю и точка!

Мой мозг перестал воспринимать радиопередачи, он стал реагировать только на рекламу. Правда, астролога выслушал внимательно. Вот, что она сказала:

– Вы, родившиеся в этом месяце, должны помнить.

А) Отдыхать Вам рановато, есть у Вас ещё дома дела!

(Смешливо пропела она).

Б) Всё, что Вам положено, обязательно получите по истечении определённого срока. (Строго внушила она).

Интересно! Что это мне положено? Не на последнюю ли рекламу она намекает? – Запаниковал я.

В) Вы сами прекрасно можете разобраться во всём происходящем, однако, это не указывает на то, что Вы примете правильное решение. (Издевательски добавила она).

Г) Не идите на поводу собственного самомнения, капризов и слабостей. (Нравоучала она).

Д) Холостякам советуем – не задирайте нос! (Указывала она).

Тут моему терпению пришёл конец.

– Это просто издевательство! – Бушевал я.

И не успел я набушеваться, как вдруг мужской голос неторопливо-гнусаво произнёс:

«Вы хотите расторгнуть брак с ненавистным вам мужем? Приходите к нам!

Он ведёт неподобающий образ жизни? Приходите к нам!

Он завёл себе подружку? Приходите к нам!»

Дальше слушать я не мог. Мне стали рисоваться

мрачные картины развода. И что тогда? Тогда я стану настоящим холостяком? Ну, уж нет. Фиг вам!

Буду слушать! Буду! Буду пить и слушать! Врёшь, меня голыми руками не возьмёшь. Но следующая реклама, которую я услышал через несколько минут, dokonала меня, о-кон-ча-тель-но.

«Мы разделяем ваши сомнения и обязательно поможем. Вас беспокоит то, что вас негде будет похоронить. Отныне можете не думать об этом. Мы вас похороним на альтернативном кладбище, где вам будет сухо и удобно. Обратитесь прямо сейчас, и сразу сможете увидеть своё законное место».

Я потерял дар речи и вместе с ним сознание и сознательность. Очнувшись, почувствовал острое желание: первое, выпить виски, но бутылка почему-то была пустой. Второе, попить кофейку, но в чашке не оставалось, ни капельки. Третье, выкурить сигару, но от неё остался окурочек. Четвёртое, пообщаться с женой, чтобы убедиться, что я не холостяк, что у меня нет геморроя, что я не импотент, и что не буду похоронен на альтернативном кладбище. По крайней мере, в ближайшее время.

Звоню, и скороговоркой выпаливаю:

– Родная, дорогая, милая, любимая, очаровательная, обворожительная, головокружительная, обалденная, одуряющая моя! Ты не представляешь, как сильно я тебя люблю! Как сильно я хочу видеть тебя рядом!

– С тобой что-то приключилось? – Перебила меня жена, осторожно - встревожено.

– Умоляю, возвращайся немедленно! Если не хочешь, чтобы я спился, скурился, перебрал кодеину Если не

хочешь, чтобы я заболел всеми человеческими болезнями. Если не хочешь, чтобы я болел геморроем, стал импотентом и, в конце концов, был похоронен на альтернативном кладбище, то бери детишек и возвращайся.

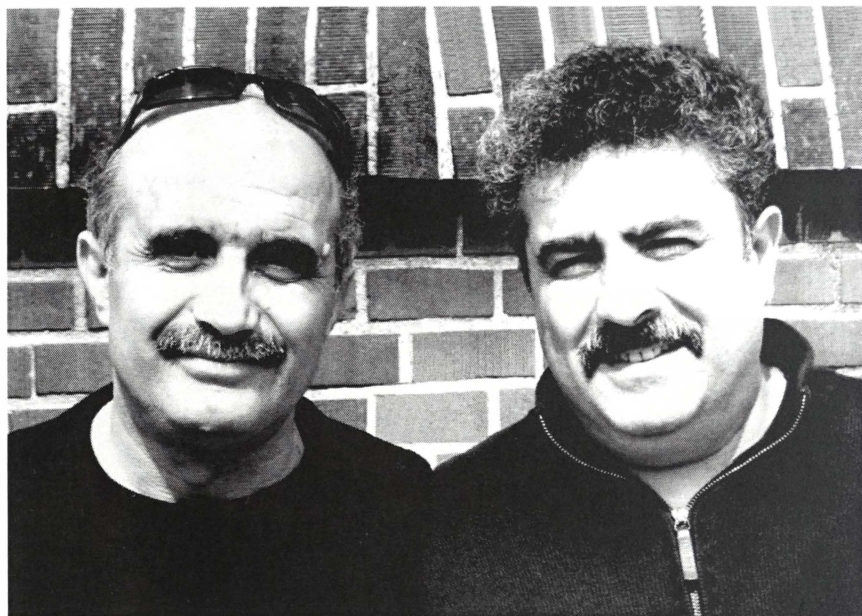
Моя жена не только красавица, но и большая умница, ничего не понимая, но, тем не менее, осознавая, что что-то происходит, моя красавица и самый близкий мне человек, через несколько часов была уже дома. Разумеется вместе с детьми.

Мир и спокойствие в моей душе восстановились, но осадок остался. С тех пор отношусь к английским джентльменам с ба-а-льшим подозрением.

Абрам и Натан

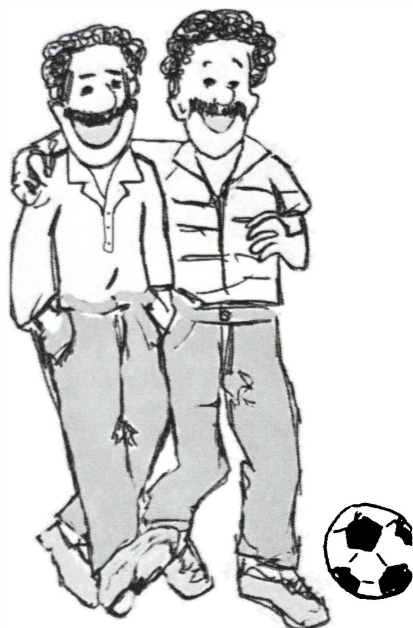
*(История подлинная, правда, дополненная
вымышленными элементами).*

Друзья Натан и Абрам (Бруклин, 2011 год.).

В предвкушении чего-либо хорошего Натан всегда насвистывал мелодию песни «Маленькая страна», исполняемой Наташей Королёвой. Вообще-то его музыкальные пристрастия не ограничивались только Королёвой. Если внимательно прислушаться, то можно различить плавный переход на одну из мелодий из репертуара группы «Константинос», а вот уже звучит Поль Мориа, а вот, пожалуйста, и знаменитая в семидесятые годы песня из первого эротического фильма

«Эмануэлла». Такой вот наш Натан эстет. Кстати, диска этой так сильно любимой Натаном группы «Константинос» в Америке не находилось. Но иногда на помощь приходит палочка-выручалочка.

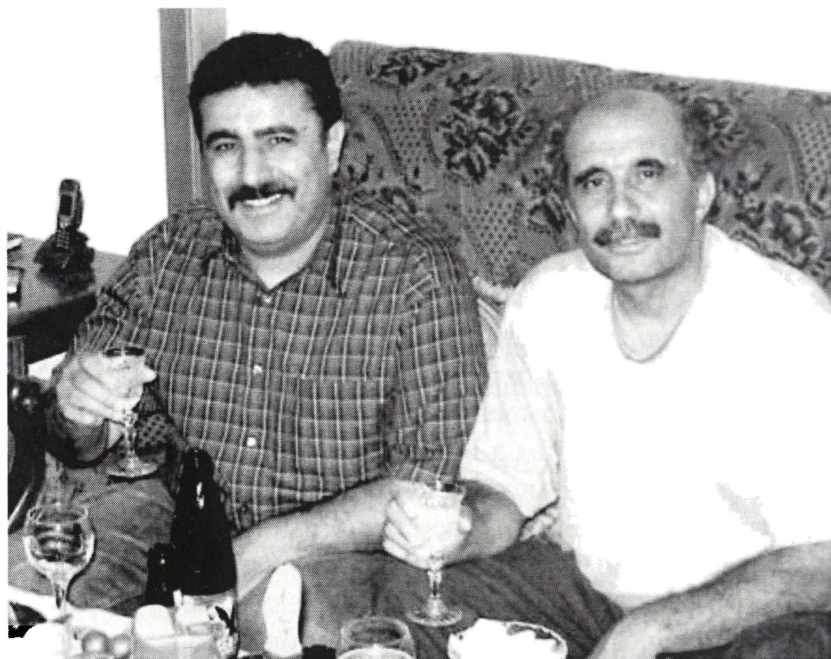
Этой выручалочкой был Абрам, который вот-вот должен был подойти с женой Лией и детьми. Несколько лет назад Абрам, желая сделать приятный подарок, проделал огромную работу, чтобы достать этот диск Натану. В итоге пришлось выписать диск из самой Греции. Радости Натана не было предела. А сейчас Натан раскладывал столовые приборы, ведь скоро придут гости – близкие люди.

Лия и Софа – родные сёстры, обе с прекрасным образованием, обе красавицы, обе спортсменки, но, слава Б-гу, не комсомолки. Софочка, тем временем, возилась на кухне, заканчивая приготовление так любимой Натаном и Абрамом долмы. Действительно, это кавказское блюдо не может оставить равнодушным никого. Молотое говяжье или баранье мясо со всеми специями заворачивалось небольшими порциями в виноградные листья и варилось определённое время. Это сочетание создавало особый вкус и запах, и даже сытый человек не находил в себе сил отказаться от этого чудесного яства.

Натан ждал прихода Абрама с особым нетерпением, вынашивая некий «коварный», и в то же время дружеский

план розыгрыша. Абрам знал, что Натан в очередной раз собирался слетать в Израиль. Натан же, в свою очередь, случайно узнал, что Абрам тоже приобрёл авиабилет, но в Баку. Не раздумывая долго, быстренько, но ненастойчиво выяснил дату отлёта Абрама и купил авиабилет в Израиль, но уже через Баку.

Всё очень просто, ради доброго розыгрыша этим ребятам, и Абраму и Натану, выкинуть пару тысяч баксов было просто по кайфу.

Наконец гости собрались, дети быстренько поели и ушли в другую комнату похвастаться друг перед другом своими компьютерными достижениями, а взрослые, оставшись за столом, продолжили трапезу и беседу. Тут следует отметить такую примечательную деталь. Вот как по-вашему, где ещё можно услышать, чтобы в одной и той же компании одновременно разговаривали на трёх-

четырёх языках? Ну, конечно же – в еврейской среде. Вот и здесь: разговор шёл то на русском, то на джуури (язык горских евреев), то на азербайджанском, а то и на английском языках. Кстати, они владели ещё, как минимум, двумя языками: это язык пауз, которым практически не пользовались, и язык жестов, который использовался ими довольно обширно.

– Ту кэллэймэрэ хараб эрчу сохдэ, э Нэтэн? Сад бо э Ершулаим рафтај, нич нэ бугэ јабо э Боку нэ рај. Чү имбу? Бура һавурһојтурэ виниш, мидани чү биригэ, чү нэ биригэ. Адам киши олар! (Ну, чего ты мне голову морочишь, Натан? Сто раз ты уже побывал в Израиле, один раз возьми и слетай в Баку. Что случится? Посетив товарищей, узнаешь, что было, чего не было. Мужчина должен оставаться мужчиной!) – читал свои наставления Абрам.

– Ара, это ты мне голову морочишь. Нэ көрмәмишәм Бакидэ? (Что я не видел в Баку?) Си сал зүвүстәм э Боку, вәс нист? (Тридцать лет прожил в Баку, не хватит?) – С жаром парировал Натан.

– Гич-гич данышма, адэ. (Глупости не болтай). Уче бист сали эз Боку оморэј э Америка, эз мә пирмер вәги, бијо э мэрэвоз бурайм э Боку (Уже двадцать лет как ты из Баку переехал в Америку. Бери с меня пример. Давай полетим вместе в Баку), – не отставал Абрам.

Имея успешный бизнес, Абрам привык всё держать под контролем и непременно добиваться своего, а если надо, то и надавить на визави. Натан своего бизнеса не имел, но, тем не менее, в своей творческой работе имел успех и добивался своего не напрямую, а несколько по-восточному. Выписывая вязь и ажур, охмурял собеседника так, что тот и не чувствовал как попадал в сети. «Задуманное всегда надо доводить до конца», – этому девизу Натан не изменял.

Сёстры, как настоящие восточные женщины, в их раз-

говор не вмешивались, а вели свою беседу. Они пытались составить хотя бы примерный список подарков в Израиль и в Баку. Задача, прямо скажем, не из лёгких. Что можно послать в Израиль? Там есть всё то, что есть в Америке и наоборот. С Баку, пусть в меньшей степени, было то же самое. Если в Баку и у Абрама, и у Натана были только друзья, то в Израиле – очень много родственников. У Натана, к примеру, мама, старшая сестра Гала, младшая сестра Рита и младший брат Илюша. Ещё зятья, невестка и племянники. Пока женщины решали, кому да что подарить, мужчины продолжали разговор.

– Представь себе, сижу я на берегу седого Каспия, опускаю ноги в ласковые волны родного моря и кайфую, и кайфую.... А что ты? А ты жаришься в своём Израиле. Адэ, адам киши олар, понял? (Мужчина должен оставаться мужчиной).

Натан опустил голову, показывая своё огорчение. Вдруг встрепенулся.

– Ёэри э Боку оморумгэ, чү мисохи эримэ? (Ладно, если полечу в Баку, что ты для меня сделаешь?) – С иронией спросил Натан.

– Адэ, ты только появишься там, толко мэ унчо бирэнги (только когда и я буду там). Гэчреш мешэни таныјырсан Губада? (Гачрешский лес в Кубе знаешь?). Так вот, там отгрохали шикарный ресторан. I love that restaurant very much! (Я очень люблю тот ресторан!) В этом ресторане есть своё подсобное хозяйство. Там разводят барашек на шашлычок, на какого барашка укажешь, тот и будет в наших тарелках. Кстати, можешь взять с собой друзей сколько хочешь. Идёт? – Сказал Абрам и сделал рукой широкий, покровительственный жест.

– Да, озадачил ты меня, э чун Худо, эдем гуфтирэ (клянусь Богом, говорю тебе). Ладно, ловлю на слове, обязательно появлюсь, если не появлюсь, «пусть меня

ругает весь Советский Союз плюс Прибалтика», – эта фраза, брошенная кем-то когда-то давно, всегда вызывала у них смех.

– Натан, давай так, ты знаешь, что я всё привык делать основательно, а не халам-балам (как-нибудь – бакинский сленг). Я сам тебя отвезу в аэропорт, а потом..., ну-ка дай билет, взгляну на него.

– Эээ, сэрмэрэ гич нэ сох дијэ (эээ, не дури мне голову), делать мне нечего, сейчас тебе билет искать. Давай лучше, пэнчо-пэнчо (по пятьдесят) выпьем, – нашёлся Натан.

– В общем, я тебя отвезу, посажу на самолёт, а вечером позвоню в Израиль, чтобы узнать, как ты долетел. Олду, гагаш? (Хорошо, братишка?)

– Хорошо, хорошо, долма остывает, давай покушаем. Настал день отъезда. По дороге в аэропорт во время разговора Абрам опять вспомнил о билете и попросил показать его. Натану пришлось разыграть целый спектакль, что, типа, он (Натан) ребёнок что ли, не знает на какое число билет?

– Ара, ладно, э-э, что ты обижаешься, просто я привык всё проверять лично. О, вот и приехали, – выровнял ситуацию Абрам.

В аэропорту Абрам опять поддразнил Натана:

– Я уже представляю, как сижу на берегу седого Каспия, наслаждаюсь морской прохладой и воспоминаниями о былых днях, а ты жаришься в своём Израиле.

– Ара, не сыпь да, мне соль на раны, ара, да! – Якобы огорчённо воскликнул Натан.

Попрошались, расстались. Абрам поехал по своим делам, а Натан к стойке регистрации билетов.

В самолёте у Натана было достаточно времени, чтобы обдумать план своих действий. Всё продумав, Натан

откинул кресло назад и крепко заснул. В Баку, в аэропорту, Натана встретили друзья. Радость! Крики! Объятия! Восторг! Вопросы, вопросы, вопросы и..., не дожидаясь ответа, снова вопросы, объявления, похлопывания, рукопожатия. В то самое время, когда Натан рассказывал друзьям о своих планах, на другой стороне нашей планеты..... А на другой стороне планеты Абрам нетерпеливо набирал номер телефона Риты.

Какое это удовольствие ещё раз сказать Натану о том, что уже завтра Абрам опустит свои ноги в седой Каспий! Итак, звонить!

– Рита, привет! Натан прилетел?

– Привет Абрам! Да, прилетел. Хочешь с ним поговорить?

– Да, зови его, мне надо напомнить ему кое о чём.

– Ты знаешь, всего пять минут назад Садык взял Натана куда-то с собой. Даже не знаю, когда вернутся.

– Ладно, давай номер мобильного Садыка, – огорчился Абрам.

– В том то и дело, что мобильник остался на столе.

– Ладно, завтра прямо из Баку позвоню – узнаю, как там Натанчик переносит вашу жару.

На следующий день Натан приехал в аэропорт «Бина» на такси. По дороге втолковал таксисту его линию поведения, договорился о цене, и радостно потирая руки, предвкушал будущую встречу с Абрамом. Такси расположили так, что любой пассажир, вышедший из аэропорта, направится именно к этой машине. Таксист сел в сторонке на скамеечку, как будто никакого отношения к такси не имеет. Натан открыл окно на дверце машины со стороны водителя, и, облокотившись, покручивал водительскими ключами. Для полноты ощущений, Натан пририсовал себе на видном месте лица, огромное родимое пятно. Теперь это был вроде бы он и в то же время не он.

– Бакијә кедән, Бакијә кедән (Желающие в Баку, желающие в Баку), – лениво покрикивал Натан.

Стали подходить разные пассажиры, прямо скажем не Абрамы, но когда Натан называл сумму равную перелёту с одного континента на другой, то они шарахались так, что оказывались на несколько километров ближе к вожделенному Баку. Видимо несколько таких прыжков было бы достаточно, чтобы оказаться дома. Но, или люди попадались ленивые, или просто не догадывались о таком способе передвижения.

Наконец появился Абрам с двумя фирменными чемоданами настолько качественными, что, несмотря на тяжесть, катились, как будто, сами по себе. Натан, придав лицу полнейшее равнодушие, продолжал свой ашугский напев «Бакијә кедән».

Сначала, завидев Натана, Абрам присел, потом, выпрямившись, внимательно посмотрел на Натана. Потом тряхнул головой. Глаза его задвигались вперёд и назад, как зум телеобъектива, и он шёпотом произнёс «Натан!?» Затем, приняв свойственный ему уверенный вид, подошёл и сказал:

– Ара, Нат, а ты как сюда попал?

– Ај киши, мәним вахтым бош сөһбәтләрә јохдур. Бакијә кедирсән – отур кедәк, кедмирсән – мәнә ма'ны олма (Эй, мужик, у меня нет времени на пустые разговоры. Едешь в Баку – садись, поехали, не едешь – не мешай).

Впервые в жизни Абрам усомнился в собственных ощущениях, но и не думал сдаваться, не такой он человек, чтобы кто-то мог сбить его с толку.

– Нат, рассказывай, что это за прикол такой? Do you think I believed you? Don't take me for a fool ! (Ты думаешь, я тебе поверил? Ищи фраера!)

– Ај балам, кәлләми лап хараб еләдин. Мәнимлә харичи дилиндә данышма. Мән нә билим, бәлкә сөјүрсән мәни.

Белә шејләрнән әһтијатлы ол! Баша дүшдүн, ара? (Дитя моё, ты совсем заморочил мне голову. Со мной на иностранном языке не разговаривай. Откуда я знаю, может ты ругаешь меня. Будь осторожен с подобными вещами. Ара, ты понял?)

Абрам, сбитый с толку, не знал что и думать. Натан пришёл на помощь.

– Мәнә бах, Бакијә тәләсирәм, ишим вар. Бир килиендә вар, кедирсәнсә отур дүшәк јола. Мәни нерви еләмә. (Послушай, я спешу в Баку, есть дела. Есть ещё один клиент, если едешь, садись, поехали. И не нервируй меня).

Не дожидаясь ответа, Натан погрузил оба чемодана в багажник. Скомандовал по-русски «садис да, ара да» и сам сел за руль. Таксист шустренько сел рядом, а Абрам уселся на заднем сидении. Натан завёл мотор, потом зевнул и обратился к таксисту:

– Гагаш, права вар сәндә? (Братишка, у тебя права есть? Тот кивнул головой, есть, мол.)

– Бу кечә јатмамышам, јорулмагдан ајағ үстә дајана билмирәм. Бәлкә сән сүрәсән машины? Верәрсән гијмәтин јарысыны, олду ара? (Эту ночь я не спал, валюсь с ног от усталости. Может, ты поведёшь машину? Заплатишь полцены, идёт?)

Таксист вроде поколебался, но потом согласился. Поменялись местами и отправились в путь.

Всё это время Абрам не сводил глаз с Натана. Натан закрыл глаза – якобы спит, и вдруг, как будто во сне, громко заговорил:

– Ара, адам киши олар! (Мужчина, должен оставаться мужчиной!) Isn't it, Abraham? (Не так ли, Абрам?)

Сказал, и тут же схлопотал, пусть сильный, но зато дружеский шлепок по шее. И все залились диким хохотом, хотя одному из них было менее весело, чем другим. Кому именно? Оставим это в тайне. Хотя, прозорливый

читатель, подумав хорошенько, сможет вычислить этого героя.

– Ну что, завтра едем в Гачреш?

– Ара, да э, да! Аферист несчастный! Ничего, следующий гол за мной. Кстати, в Америке тебя ждёт сюрприз. Лучше не спрашивай какой, всё равно не скажу. Ну и аферист, ну и аферист! – сокрушался Абрам.

– Аферист, не аферист, а барашек за тобой. Адам киши олар! А? – Подмигнул Натан.

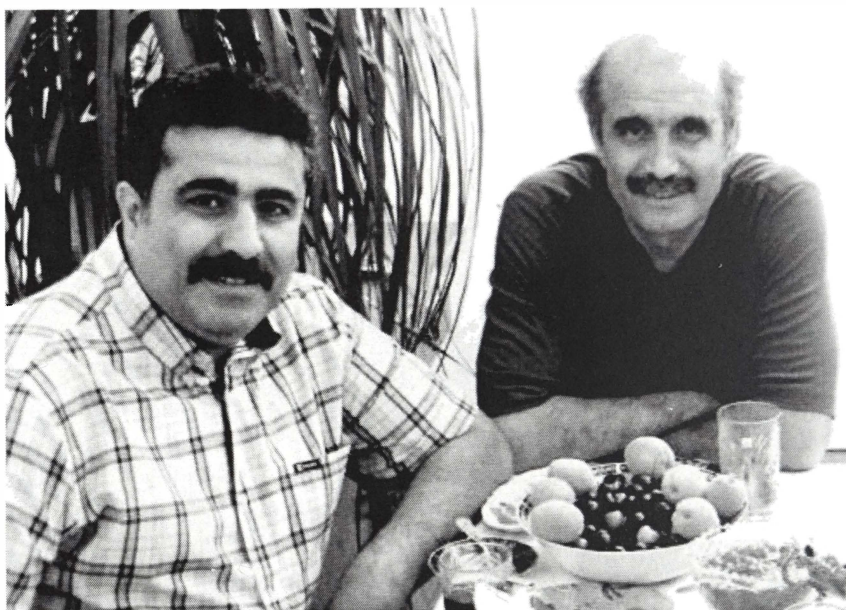
Абрам человек слова! Ни о каком нарушении обещания не могло быть и речи. На следующее утро Абрам и Натан с немалым количеством товарищей отправились в Гачреш, наняв небольшой автобус. Натан указал на приглянувшегося ему барашка. Повара взялись за дело. Впереди был целый день, и торопиться было некуда. Абрам выразил желание съездить на Красную Слободу (до революции – Еврейская Слободка).

У речки Кудиал-чай Абрам распорядился остановить автобус и с криком «Адам киши олар» снял обувь, закатал

обе штанины и опустил ноги в эту с детства родную водную стихию.

Побродили по Красной Слободе, заехали в сам город Куба отведать бюкмэ и пахлава, выпить мэхмэри-чай из стаканчиков «армуды». Стаканчики «армуды» – это небольшая ёмкость для горячих напитков, но сделаны они так, что форма их напоминает женскую фигуру, что и делает эти стаканчики особенно привлекательными для мужского чаепития.

Дабы не вызывать у читателя обильного слюновыделения скажем только, что обед длился несколько часов. Кроме всевозможных блюд из баранины, их угостили и шашлычком из лебединого мяса и кэллэ-почэ (без подробностей, ладно?), и..., ну всё, всё, не будем углубляться, просто отметим, что прямо на территории ресторана был родничок с поистине волшебной водой.

Достаточно самому сытому человеку выпить стакан этой воды, как он уже готов съесть ещё столько же еды.

День прошёл изумительно, не такой Абрам человек, чтобы скупиться. Всё кончается, и в том числе – хорошее. И вот наши герои уже дома, то есть в Америке.

Натан, помня о том, что Абрам обещал ответный ход, ломал себе голову, что же это может быть. Он начисто забыл, что как-то они видели по телевизору сюжет, где один товарищ дарит на день рождения другому товарищу почтовые марки с изображением именинника. Натан, ещё возмутился тому, что показывают неправду, а Абрам только усмехнулся, но промолчал.

В свой день рождения Натан немного приболел, и было вдвойне приятно то, что Абрам пришёл его поздравить.

Натан развернул подарок и..., и потерял дар речи. Да! Да! Именно так, там была тысяча полновесных, годных к обороту, почтовых марок. Но самое главное, надпись на марках гласила: «АДАМ КИШИ ОЛАР» и «Greatest soccer player of Azerbaijan!» («Лучший футболист Азербайджана»).

Кстати, несколько тысяч этих марок находятся в обороте. Вам случайно не попадались!?

Наши ребята

*Крайний справа, Юрий Агабабаев, рядом с ним Лазарь Агабабаев (родные братья), остальные автору не знакомы.
Фото дано в качестве иллюстрации*

П прекрасная пора, эти летние школьные каникулы.

А вот и несколько дней из жизни наших краснослободинских ребят.

Зарбоил, пятнадцатилетний школьник, выскочил за ворота своего дома, и сразу заорал во весь голос:

– Э, Ханух э кучэ вадарафтэни? (Ханух, на улицу выходишь? – язык горских евреев – джуури).

Не успел Зарбоил (впредь Зорик) закончить фразу, как распахнулось окно на втором этаже дома, из которого

он только что вышел. Выглянула его мама и говорит, причём, ничуть не тише Зорика:

– Ёэринэ эрчү зэрэ, чү бири бэгэм? Сэбэһ-сэбэһ бочэһ ни зэнут, бэлькэм и чэһ,мэт хисири. (Что разорался, что случилось? С утра пораньше не кричат, может, народ спит ещё).

– Э мам, бошку дијэ (Ладно, да, мам), – огрызнулся Зорик.

– Бур нэфэстүрэ, э чун бэбэјту, түрэ данистэни чу мисохумгэ? Тикэ-тикэ, вэнчи-вэнчи, варасири? (Замолчи, клянусь твоим отцом, знаешь, что я с тобой сделаю? Перешипаю на куски. Понял?) – не унималась мать.

– Бошку, бошку варасирүм. (Ладно, ладно, я понял), – успокоил мать Зорик.

Пока они «беседовали», вышел из дома напротив друг Зорика – Ханух (впредь Ханик). Надо сказать, что всё это происходило на центральной улице имени В.И.Ленина, Красной Слободы, кубинского района Азербайджанской ССР.

– Сэбэһтү хайр! (С добрым утром!) – поприветствовал друга Зорик.

– Пирвит. (Привет.) – Ответил Ханик.

– Ёэјло э чэи? (А где ребята?) – поинтересовался Зорик.

– Мэ чү дам? (Откуда мне знать?) – отмахнулся Ханик.

– Бијо, ёэјлорэ хорој зэним, фикир сохим, эчучо бурајмгэ имбуруз. (Давай, позовём ребят, и подумаем, чем заняться сегодня), – предложил Зорик.

Пройдя немного по этой же улице, нашли своих друзей – Шомоила (Шамик), и Мослиаха (Салик). Так как, старше всех, правда, совсем чуть-чуть, был Зорик, то он и предложил:

– Э, ёэјло, бијојт э никэрэ бурајм. (Ребята, давайте

пойдём на речку).

– Һәри, чу сохим э никэрэ? (Хорошо, и что будем делать на речке?) – поинтересовался Салик. Будучи немного тугодумом, Салик всегда находился под прицелом шуток своих друзей. Как говорится, у него было другое чувство юмора.

– Э никэрэ чү сохтәнүт. Түрә сә попиткә әдәм дора. (А что делают на речке? Даю тебе три попытки).

– Мәрә попитка - шмопиткәјгү гәрәк нист. (Мне твои попытки - шмопытки не нужны). – Чуть не обиделся Салик.

– Бошку-бошку сокит бош, просто әдәм зарафат сохтә. (Ладно-ладно, успокойся, я просто шучу). Бурајм тәнләјимурә шурим (Пойдём, искупаемся), – успокоил Салика Зорик.

– Әллә, э Һәјлә һәбирдән э һәјилмә јә аникдүт омо (Ой, ребята, я вдруг один анекдот вспомнил), – оживился Ханик.

– Аникдүт чүни? (А что такое анекдот?) – нахмурился Салик.

Ребята переглянулись, вроде: «Что поделаешь – такой вот, наш Салик, и всё тут».

– Аникдүт, зарафатә хуно јә чини (Анекдот, что-то вроде шутки), – не дал ходу насмешкам Зорик.

– Һәри, гуш дорит (Итак, слушайте), – начал Ханик. Шамик, скромно слушавший весь разговор, оживился. Он был большим любителем анекдотов.

– Јәбо, кәчәлә Рашбиль рафт э базар, әри картушка-пијоз фурухтә (Однажды, лысый Рашбиль пошёл на базар продавать лук-картошку), – начал Ханик.

– Дургуни! (Враньё!) – с жаром закричал Салик, – Э һүмүр хүштә кәчәлә Рашбиль картушка-пијоз нә фурухти (Никогда в жизни лысый Рашбиль не продавал лук-картошку).

– Тү, чү одомини эдә! Ә Мослиах? Аникдути әј, аникдут, у, как будто рафт ә базар (Ну, что ты за человек, а, Мослиах? Это анекдот, он как-будто пошёл на базар).

– Ночу нәс бирә ахи (Так же не бывает), – проворчал Салик.

– Нәри, гујум нә гујум? (Так рассказывать, или не рассказывать?) – уже начал обижаться Ханик.

– Гу, гу! (Говори, говори!) – закричали хором Зорик и Шамик.

– Нәчи бисто ки, нә у руз, Баһадურიш эдәбу пијоз-картушкә фурухтә (Так получилось, что в тот день Бахадур тоже продавал лук-картошку), – продолжил Ханик.

– Ә чун холујмә Симанду-метелщик, әдәм гуфтирә ки, мә ә һозуни гоф бовор нисохум (Клянусь своим дядей, метельщиком Симанду, я говорю, что такому не поверю), – категоричноотреагировал Салик.

– Ә Мослиах, јә нумут нәфәстүрә бурра данустәни? Динч бијли имурә, дијә! (Ну, Мослиах, на минуту заткнуться можешь? Оставь, да, нас в покое!) – чуть не полез в драку Шамик.

Видя, что анекдот рассказать не удастся, Ханик неожиданно, даже для самого себя, выдал:

– Нәбирдән, кәчәлә Рашбиль әз сәр Баһадур јә гоппоз зә ки, у офто раси (Вдруг, лысый Рашбиль как даст по голове Баһадуре, что тот сразу упал).

Ребята ошалело смотрели на Ханика, понимая, что с анекдотом явно не то. Но, в эту секунду, Салик так захохотал, что все, заразившись от него, тоже засмеялись. И так, со смехом, они побежали к реке. По дороге Салик клялся, что смешнее шутки он в жизни не слышал, и, что обязательно расскажет своему отцу, большому любителю подобных шуток.

Несмотря на то, что Кудиалчай речка мелководная, и к тому же усеяна мелкими и крупными камнями, по

которым больно ходить, ребята хорошо провели время. Брызгались мутной водой, кидались камешками, безобидно обзывали друг друга разными словами, или просто бегали по берегу. Наконец, уставшие, но довольные, направились по домам. Вот, идут они по родному посёлку, вдруг Зорик, понизив голос, говорит:

– Појит, појит ја нумут. Унчо дэнишит, һэјсәһэт Овгоил, э гунширово чэнг мисоху (Постойте, постойте минутку. Сейчас Овгоил начнёт скандалить со своей соседкой).

Они остановились, якобы, просто так, и, как будто, вовсе не смотрят в ту сторону. А на них никто и не обращал внимания. Перед ними развёртывалась драма, если и не великого Шекспира, то уж какого - ни будь современного драматурга, точно.

Овгоил, подбоченившись, то есть, приняв позу буквы «Ф», кричала:

– Э, Ифрод нэ вэдиroy? Мэ тэрс, турэ һэбирдэн микүшүм, тикэ-тикэ ни сохум. Кук тү, у ғобонэ хуг, данустэни, чү сохтигэ? (Эй, Ифрод, что ты не выходишь? Не бойся, я тебя сразу убью, на куски резать не буду. А ты знаешь, что натворил твой сын – эта жирная свинья?)

– Тү, эз мэ гуфтирэ, духтэр һажвон? Исах,ат, мујһојтүрэ еки-еки мәдэшәнүм. Ҡитијот бош эз мә! (Ах... это ты мне говоришь, что я дочь животного? Сейчас я тебе все волосы по одному повывёртываю. Берегись меня!) – не уступала Ифрод.

– Әллэ, э хун домунош, пачирэ мичав. Тү э ки ухшэз зэрэ, хушкэ чапах (Ой, чтоб ты утопла в своей крови, худюшка. На кого ты похожа, тощая селёдка, – распалялась Овгоил.

Они уже и забыли, с чего начался скандал. Сейчас важен был сам процесс и количество выплеснутых слов и оскорблений.

– Түрә эз хунә вадәшәндә бурчмә гәрдо. Ә пирә кәфтар... һәжилмә ә тү чү сохти? (Выгнать тебя из дома – мой долг. Что тебе сделал мой сын, старая карга?) – не унималась Ифрод. В это время выглянул в окно сын Ифрод, о котором говорила Овгоил, он тут же спрятался обратно. Но, Овгоил его уже заметила:

– А-а-а! – заорала она благим матом, – ини у! Түллјәш бәбәләрә куштә ә Сибир буравош (А-а-а! Вот и он! Чтоб ты убил своего отца, и за это бы тебя сослали в Сибирь!).

– Түрә һәчи микүшүм ки, нумтү эз хәјәлтү мәдәрав, кун нәдәријә хәр (Так тебя изобью, что имя своё забудешь, дура без задницы), – уже не слушала соседку Овгоил.

– Тү ә мә һәләво әрчү бирә? Мә ә тү, һәчу һәләво имбошум ки, нум тү эз хәјәлтү мадарав. Ә хори даравош вәчәй сәг! (Что ты ко мне цепляешься? Если я начну цепляться, то ты своё имя позабудешь. Чтоб ты ушла под землю, собачье отродье!) – стараясь задеть побольнее, орала Ифрод.

– Појһојтурә хүрд мисохум, сволуш-зараза! (Я тебе все ноги перелломаю, сволочь-зараза!) – и вдруг Овгоил выдала такую фразу, что дальнейшим развитием этой истории могло быть только мордобитие, она сказала:

– Әһ дараво ә гур бизмудә бәбәјтү (Чтоб обгадили могилу твоего отца-страшили).

Что тут началось... А началось претворение в жизнь всех произнесённых угроз, причём, с переменным успехом. Наши ребята увидели и клочки выдернутых волос, и попытки обломать ноги, и даже элементы профессионального бокса. Как, например, удары «под дых» со стороны Овгоил, затем «хук» правой в челюсть со стороны Ифрод, что, кстати, вызвало у Овгоил кратковременный «нокаут». Но, не успела Ифрод досчитать до «пяти», как Овгоил оклемалась и снова

приняла стойку боксёра-профи....

Вдоволь натешившись этим зрелищем, ребята собрались уже разойтись по домам, как в этот момент Салик с жаром воскликнул:

– Ә Ханух, сәбәһи јә таза аникдут әз хәјәлтү нә вадарав. Имбурузинә зарафат тү, хандәји бу. Бошку? (Ханух, не забудь завтра новый анекдот рассказать. Сегодняшний был смешным. Ладно?)

Ребята разбежались по домам, чтобы снова встретиться завтра.

Зорик вбежал домой, втянул носом воздух, пытаюсь определить, что приготовлено на ужин. Стряпнёй, обычно, занималась бабушка, но и мама с удовольствием готовила. На этот раз, были любимые Зориком «душпара». Нюх никогда его не подводил. Что такое душпара? Для грубого сравнения, подойдёт слово «пельмени», но это весьма условно. Душпара и заворачивают по-другому, и фарш готовится по-другому, да и кушают его по-другому. Как? А вот так, с большим аппетитом и с большей любовью, и обязательно ещё тарелочку, и ещё тарелочку. Так, и не иначе.

Ужинали всей семьёй, как и принято у горских евреев. После ужина смотрели телевизор. В те годы телевизоры были не у всех, а в семье Зорика – был. Трансляция начиналась в семь часов вечера, и заканчивалась в десять. Телевизор, чёрно-белый «Рекорд» с небольшим экраном, работал исправно. Если пропадал звук, то надо было ударить ладонью сверху, если бежали строчки, то кулаком с правого боку. Ну, а если затемнялся экран, то, ясное дело, надо было бить кулаком по левому боку. Перепутать, куда и как бить, было невозможно. Даже, если бы и забыли, то соседи, которые каждый вечер приходили смотреть телевизор, обязательно напомнили бы, куда и как стукнуть.

Зорик, набежавшись за целый день, устал. Его разморило, и, пожелав всем спокойной ночи, ушёл спать. Под утро, ему приснился сон, якобы, он маленький ребёнок, и его мама говорит ему разные хорошие, приятные слова:

«Годојтүрэ вэгиром, чуклэ балалајмэ. Курбу гэрдом эри тү. Бала һэјиллэјмэ»! (Возьму твою боль. Стану жертвой, ради тебя. Мой маленький!) – ну, и так далее. Слова становились всё явственнее и громче. Наконец, Зорик понял, что это не сон, а явь. Открыл глаза и увидел своего племянника на руках мамы. Все эти слова предназначались ему, но это только обрадовало Зорика. Дело в том, что племянник Шэлму был всеобщим любимчиком, и ещё это означало, что приехала и сестра Зорика, мать малыша. Сразу вскочив с кровати, бросился к умывальнику, но, как назло, воды не было. Быстренько спустился во двор, набрал полное ведро воды, залил в умывальник, умылся, и быстрее к малышу. По пути чмокнул сестру в щёку, поднял на руки Шэлму, и запел речитативом:

– Чү герои тү, чү герои тү, кэлэ багатыр гэрдош.
(Какой ты герой, какой ты герой, чтобы ты стал большим богатырём).

– Ө, Зарбоил, Зарбоил бура э и тукулэ, вистон эри һэјил эз у сула-сулаэ бубликлэһо. (Зарбоил, Зарбоил, сходи в магазин, и купи ребёнку этих дырчатых бубликов).

Зорик молниеносно слетал в магазин, купил «дырчатых» бубликов, и ещё успел докричаться до Шомоила, и распорядился, что встреча здесь же, через час. Войдя в комнату, спросил у малыша:

– Бублик хурдэни? (Хочешь бублик?)

Малыш молча схватил бублик и начал жевать. Было ему уже два с половиной года, и болтать умел неплохо, он помолчал, помолчал, и вдруг выпалил:

– Иди, гуляй, бандит.

Зорик так развеселился, что подхватил малыша и подкинул вверх. Ребёнок от радости завизжал.

Наигравшись с Шелму, Зорик сказал:

– Ёәри вәсси, бијо бурајм, нун имурә хурим. (Ну, всё хватит, пойдём, поедем что-нибудь).

Бабушка, уже с утра, возилась возле печки. Она сказала:

– Бијојт чијшмурә хурит. Ёәммә һәзүри – нун, пәни, кәрә, һәсәл, чой. Хурит чу воистәгә ишмурә! (Идите завтракать! Всё готово – хлеб, брынза, сливочное масло, мёд, чай. Ешьте, что пожелаете!)

Мама и сестра сели за стол, а Зорик спросил у бабушки:

– Эз дијнә дүшпара нә мунди? Мундигә, јә пәнч-шәшц бурчун, хурим. (Вчерашних пельменей не осталось? Если есть, пять-шесть штук поджарь, поедем).

На Кавказе всегда было принято завтракать вчерашним обедом, и Зорик не исключение. С удовольствием поев, и запив всё это чаем, пошёл кребятам.

Собрались в том же составе: заводила – Зорик, скромняга – Шамик, балагур – Ханик, и, наконец, тугодум – Салик. Вот он и начал:

– Аникдут тү һәзури, ә Ханик? (Твой анекдот готов, Ханик?)

– Пој ә аникдуттүрово, ә Мослиах. Гуш дорит мәрә (Подожди со своим анекдотом, Мослиах. Слушайте меня), – остановил Салика Зорик. – И пәрио, ә папарово рафтәбирим ә һомум. Ә Гәлә, ә күјнә һомум. Сәр гирдим тән шуштә. Бәгдә рафтум әри логон. Оморәки дирүм ки, учитил иму Мәһәррәм - мүәллим, әдәј ә папарово гоф сохтә. Јәнчиғир пишово оморум, шинирум ки, әдәј әз мә шикојәт сохтә. Јә гәјри омо мәрә. Чү сохум? Докундум ә логон гип-гәрмә овә, мусурмуһо чү гуфтирәгә – «гајнар

су». Өз пишоју giroштэки, как будто – офторум. Офторэки, и гэрмэ ова тији сохтум э чэндэк учитил иму. Јэ визинэ, јэ һэринэ эз у вэдрома ки, и одомиһој һомум, пэрт бисто домунд э чигэшү. Мугум: «Бағышла мәни слущајны цыхты». (Мы с отцом недавно ходили в городскую баню Начали мыться. Потом, я пошёл ещё за одним тазом, для воды. Когда возвращался, увидел нашего учителя по физике, разговаривающего с отцом. Немного приблизившись, я услышал, что он жалуется на меня. Что мне было делать? Набираю в таз горячей воды, как говорят азербайджанцы – крутой кипяток. И, проходя мимо него, я как будто бы упал, а, падая, весь этот кипяток выплеснул на учителя. Такой крик, такой визг он поднял, что все люди в бане онемели. Я сказал: «Извините меня, случайно получилось!»)

Уже на середине повествования ребята заливались смехом. А Ханик, сквозь смех, спросил:

– Бэбэйтү чү гуфти? (А что сказал твой отец?)

– Бэбэйјмэ чү мигују? Оммо јэ силлэлэ зэ эз мә – урэш эз воһнэкилә. (А что скажет отец? Правда, залепил пощёчину, но понарошку).

– Намам, сөһбэтин јери дејил (Баня – не место для бесед), – подытожил Салик.

– Тү хар эрчү бирэј, нэбугэ зуһун чуһури эз хајилтү вадарафти? (Чего придуриваешься, или наш язык забыл?) – возмутился Ханик.

– Вэссит јэ нумут, эри чэнг гүрдэ, нэ оморэјм инчо. (Успокойтесь, мы сюда не драться - ругаться пришли), – как всегда, умиротворил всех мудрый Зорик.

– Ө һэјило, э гэлэ варајм? Соломон, кук лэлэй

Имонил мугу ки, э тукуј бэбэју таза ручкоһо омори. У ручкоһорэ «шарикови» гуфтирэнүт. Багда бурајм э тукуј бүкмэчи «узун» Чэфэр, эз у бүкмэһо – пахлаваһо хурим, бядя вогоштим э хуня. (Ребята, пойдём в Верхний город?)

Соломон, сын дяди Эмануила сказал, что в магазин его папы поступили новые ручки. Называются они – «шариковыми». Потом пойдём в лавку «длинного» Джафара, покушаем бюкмэ - пахлаву и вернёмся домой), – продолжил Зорик.

– Эрчү нэрајм? Дүшит э пишојмэ, э һовурһо! (Почему нет? Вперёд ребята!), – скомандовал Ханик.

В этот день ребята нагулялись вволю, наелись пахлавы и бюкмэ (восточная сладость с орешками и приправленная специями). Перед тем, как разойтись по домам, Шамик сказал:

– Ә и виходнојэ руз бэбэ-дэдәјму адэт э Боку рафтэ, э һэриси Телман. Мэрэш вәгирдәнүт э хүштэрово! Ишмуш рафтанит? (В ближайший выходной день папа с мамой едут в Баку, на свадьбу Тельмана. Меня берут с собой. А вы, тоже едете?)

Оказалось, что едут все. Они пофантазировали о том, как весело проведут время в Баку. Может, ещё и с девочками познакомятся. Тема девочек была на особом, почётном месте. Приближаясь к дому ещё недавно ругавшихся соседей, они были поражены открывшейся перед ними картиной. Овгоил и Ифрод, сидя рядышком на скамеечке, лузгали семечки и мирно перемывали косточки своих соплеменниц. Ребятам оставалось только развести руками.

Настал день, когда несколько семей из Красной Слободы, наняв целый автобус, отправились в Баку. Ребята сели на заднее сиденье. За разговором и шутками три часа пролетели, как несколько минут. Вот они уже и в Баку. Обычно, у горских евреев, самые близкие родственники приезжают на свадьбу пораньше, чтобы помочь в организации мероприятия. Мужчины, чтобы зарезать барашков, закупить всего, чего нужно, организовать столы и стулья, провести электричество, в общем, всё, что

необходимо. Женщины занимались готовкой еды, которой всегда бывало несметное количество. Ребята, чтобы не мешать взрослым, пошли гулять по городу. Осматривали город - красавец, но, в то же время, не могли скрыть своего восхищения девочками, так сильно отличавшихся от девочек Красной Слободы. Нет, нет, не подумайте, что городские чем-то лучше, просто, более раскованные, так, по крайней мере, показалось ребятам. Они стали подзуживать Зорика:

– Һәри, бура тониш бош э јә духтәрово, бәгдә имурәш тониш мисохи, э подружкоһоровоз. (Ну, иди, познакомься с какой-нибудь девочкой, а потом и нас познакомишь с её подружками).

Зорик решил не ударить в грязь лицом. Увидев двух красивых девочек, подошёл к ним. Обе девочки, с серьёзными лицами, и, явно, старше по возрасту, остановились, ожидая, что же скажет этот, несколько сконфуженный мальчик. А он ничего другого не придумал, как сказать:

– Дэвочка, а можно с вами знакомисса?

Девочки переглянулись, и выдали, видимо, уже не раз апробированную фразу:

– Цинизм ваших помыслов, в данной концепции, ассоциируется с мистификацией парадоксальных иллюзий.

– И, взглянув серьёзно в его глаза, повернулись и ушли.

Зорик почувствовал себя опозоренным, но перед ребятами осрамиться не мог.

– Духтәр гуфти ки, јә сәһәт бағдәјгә, э кино имбошут. (Девочка сказала, что через час они будут в кино).

Проходя мимо кинотеатра «Вэтэн», прочитали афишу: «Тихий дон».

– Дон кини, бәлкә гунши имуни? (Кто такой Дон, не наш ли сосед?) – наивно поинтересовался Салик.

Никто не отреагировал, так как сами не знали. Ребята и не думали, что еврейским именем Дон можно назвать и реку. Фильм понравился, особенно, сцены с поцелуями. Во время этих сцен, они сидели притихшие, словно боялись спугнуть киношных героев. Даже крики типа: «Ярысы мәним!» (Половина мне!), или «Сән мәним чаным» (Ты моя душа), раздававшиеся со всех сторон, не могли оторвать ребят от экрана.

Закончился фильм, ребята, несколько приунывшие, вышли из кинотеатра. Все вопросительно смотрели на Зорика. В их глазах читались вопросы: «Где девочки?» и «Что делать?». Даже вопрос «Кто виноват?» витал в воздухе. Зорик понял, что надо что-то придумать. Увидел уличные часы, и спасительное решение пришло.

– Ә һәјло, бәлкә и сәһиб һәрисирә јә кумәки гәрәки. Иму нүшдәјм мундәјм ә кино? Бијојт бурајм ә хунә! (Ребята, может хозяину свадьбы какая -нибудь помощь нужна, а мы просиживаем в кино? Пошли домой!) – скомандовал он.

В те годы никаких домов торжеств не было. Поэтому все празднества справляли или у себя, или у кого-нибудь из родственников, во дворе, или в доме. Жених жил в самом центре города, в так называемом «итальянском» доме, с большим двором. От кинотеатра «Вэтэн» было совсем недалеко, и через десять минут ребята вошли во двор. Тут же раздался голос мамы Зорика:

– Әчәйт ишму? һәјби ахи? Ишмурә инсоф нист, бәлкә сәһиб хунәрә ә ишму е гуллуғи? (Где вы? Вам не стыдно? У вас нет совести. Может, у хозяина дома есть к вам поручение?)

Им бы влетело сильно, но вмешалась мама жениха:

– Годојшмурә вәгиром, бијојт јәбо чи ишмурә хурит, багданигәнәрзи – гуллуғи. (Возьму вашу боль (дословно), сначала покушайте, а потом поручения).

Ребят угостили потрясающим «джыз-бызом». Ни один гурман не пройдёт мимо этой знатной еды. Джыз-быз – это хорошо прожаренные бараньи потроха с луком. К счастью, тогда не было слова «холестерол», а отсюда и робкая надежда, что и самого явления не было.

Пока ребята ели, произошло небольшое комичное происшествие. «Итальянский» дом, это, прежде всего, двор, окружённый со всех сторон многоквартирным домом. В таких домах жили азербайджанцы и русские, евреи и армяне, грузины и татары, в общем, все-все нации. Как правило, были дружны, а иначе нельзя. Что это получится, если все переругаются, хотя незначительные стычки бывали.

Вдруг мальчишка, лет тринадцати, просто сидевший на скамеечке, вскочил на ноги, и заорал во все лёгкие:

– Ма-ма-а-а, ма-ма-а-а, ма-ма-а-а... – и так, раз двадцать, не переставая. Видя, что никто не выходит, повторил упражнение неоднократно.

С третьего этажа выглянула женщина и равнодушно спрашивает:

– Чё хочешь, Вартан-джан?

– Быстро бросай молоток и гвозди.

Через минуту молоток и гвозди, длиной двенадцать сантиметром, были в руках Вартана. Извините за подробности, но в углу двора находился туалет на три очка, и туда две минуты назад вошёл ворчливый, вечно недовольный, пожилой сосед Афлатон. Вартан подбежал к туалету и крикнул:

– Дядя Афлатон, тут одна доска плохо держится, я её быстренько прибью, ладно?

– Чəһəннəм ол бурдан! (Катись в ад!) – незамедлительно отреагировал сосед. Но, Вартан, не слушая его, уже вовсю приколачивал гигантскими гвоздями дверь, за которой находился сосед Афлатон.

Потом повернулся к ребятам, подмигнул и тихо сказал: – Сейчас смотрите, что здесь будет.

Действительно, через несколько минут раздался вопль.

– Ара, һејван оғлы һејван, выйду тэбэ ушки оторву. Понял, ешек баласы? Ач гапыны! (Эй, животное, сын животного, выйду, тебе уши оторву. Понял, ишачий сын? Открой дверь!)

Мужчины уже спешили на выручку Афлатону. Но вытащить гвозди оказалось делом нелёгким. После долгой возни, узник был на воле. Но, увы, устроить вендетту Афлатон не мог, по той простой причине, что мальчика нигде не было. Потом выяснилось, что он поехал к бабушке в Арменикенд.

Ребята от души повеселились.

– Ушаглар, бэс мәнэ көмэк елијәрсиниз? (Ребята, а мне поможет?) – раздался вопрос другого соседа, толстяка Фиридуна. И, не дожидаясь согласия, изложил суть дела. Как мы уже знаем, на весь этот многоквартирный дом, был всего один туалет, хоть и на три очка. А Фиридун сделал туалет в квартире, и даже установил «чехский» унитаз. Потом достал «титан» – большущий, тяжеленный электрический бак для нагрева воды. В свое туалетное заведение он сам помещался с трудом, а уж установить там бак взрослым людям – не представлялось никакой возможности. Вот, он и решил приобщить ребят к этому, столь благородному делу. Ребята согласились, не отказывать же, в самом деле.

После осмотра объекта работы, стало понятно, что ни втроём, ни, тем более, вчетвером, ничего сделать невозможно из-за тесноты. Решили, что поднимут бак снаружи, вчетвером, а потом Салик, как самый сильный, уцепившись за бак, спиной войдёт в туалет и, так же спиной, войдёт в небольшую нишу. С другой стороны,

Ханик, тоже уцепившись за бак, войдёт вовнутрь, а там оба поднимут бак повыше, и накинута на крючок. Сказано – сделано. Подняли, подошли как можно ближе, Зорик и Шамик отпустили бак, а Салик и Ханик продолжили свои потуги. Только Салик вошёл в нишу, как раздался вопиющий глас Ханика:

– Гүрдә настанум, һәҗсәһәт миофтоңу, рәһо ди, ә Мослиах! (Не могу удержать, сейчас упадёт, отпускай, Мослиах!). Что Салик незамедлительно, и с лёгкой душой сделал. Бак грохнулся... Молчание... Женский вопль.

– Әллә, вој әримә! Ә Мослиах, тү чутами? (Ой, горе мне! Мослиах, как ты?)

– Һичиш нә бисто, һәммә хуби. (Ничего не случилось, всё хорошо). Все с облегчением вздохнули. Когда, общими усилиями, вытащили бак наружу, то на полу был только белый порошок. Это всё, что осталось от «чехского» унитаза. Повезло Фиридуңу в том, что жил он на первом этаже, а иначе...

День прошёл незаметно. Под вечер начали собираться гости. Двор был разделён на две части. В одной стороне сидели мужчины, а в другой женщины. Некоторые молодые ребята, родственники жениха, взяли на себя почётную миссию обслуживания гостей. Вот у кого, воистину, должны были поучиться советские официанты культуре обслуживания. Всегда всё и вовремя подавалось, на ходу угадывались желания гостей. Пришли самые знаменитые музыканты того времени. Кларнетист, гармонист, нагарачи (нагара – разновидность барабана), и певец. В первую очередь, расчехлив инструменты, выставили вперёд открытый футляр от гармони. В те времена, хозяева торжества за музыку ничего не платили. Музыканты работали «на шабаш» – «шомош» на языке джуури. Танцующим гостям, со всех сторон, не танцующие в данный момент, гости протягивали деньги.

Заканчивался танец, и эти деньги оказывались в открытом футляре гармони.

А что же делают жених с невестой, во время свадьбы? Жених Тельман – кавказский красавец, сразу и всей душой влюбился в черноволосую Грету. А увидел он её тоже на чьей-то свадьбе. Тельман сразу потерял покой, и вскоре были посланы сваты, и всё, к общему удовольствию, решилось положительно. Так вот, на свадьбе жених мог делать всё, что угодно: сидел с гостями, принимал поздравления, ну, и пил, конечно, за здоровье своей красавицы. Невеста, тем временем, сидела в отдельной комнате, в которой один уголок огораживался занавесочкой. Одна из родственниц приносила туда настольную лампу, которая должна была гореть на протяжении всей свадьбы.

Музыканты уже начали играть. На женской половине всех развлекала известная гармонистка Мэлкэ-гайиш, на мужской – тогда ещё молодой гармонист, Хапу. Ребята с удовольствием слушали, такую родную, с детства слышанную музыку. К ним подошли трое ребят, которые были двоюродными братьями – Соломон, Захар и Родислав. Они всегда были вместе, и на свадьбе тоже сидели рядышком.

Поздоровались, поговорили о том, о сём, и Захар рассказал, как недавно его папа пригласил домой на ужин своих товарищей азербайджанцев. Посидели, выпили домашней тутовочки, и тут бабушка Захара выразила желание произнести тост в честь гостей. Так как она, кроме джуури, других языков не знала, то тост получился несколько странным.

– Чартлијәсүз, партлијәсүз, ә душмәнләрирово кур оласүз. И, вместо того, чтобы получилось «Чтоб ваши враги лопнули, треснули и ослепли», у неё вышло: «Чтоб вы лопнули, треснули и ослепли со своими врагами».

Захар рассказывал всё это очень потешно, и в лицах. А после добавил, что гости нисколько не обиделись, а, даже наоборот, заранее предвкушали что-то смешное, так как знали бабушку не первый год.

Свадьба проходила весело, бурно, с песнями, с танцами, до самого утра. Среди ночи спустился сосед дядя Лёха. Для всех соседей он был палочкой-выручалочкой. Все проблемы связанные с электричеством, он решал быстро. Если у кого-то перегорали пробки, то он, не боясь тока, брал гвоздь и, вместе со своим пальцем, совал в патрон, чтобы убедиться в наличии электричества. Дядя Лёха сел за стол, налил полный стакан водки, сказал «За молодых!», выпил, и занюхал хлебом. На предложение закусить, он поднял вверх указательный палец и изрёк:

– С больной печенью, мясо чрезвычайно вредно! Вот!

А на вопрос, мол, и пить вредно, внимательно посмотрел на сказавшего эту крамолу, и добавил:

– Что ты, юнец, понимаешь? Водка – это есть лекарство. Понял, блин, нет? – и, налив ещё один полный стакан водки, опрокинул в себя, победоносно всех оглядел и, даже не шатаясь, ушёл к себе домой.

К сожалению, всё, особенно хорошее, кончается. Кончилась и свадьба. Ребята выразили сожаление, что свадьба была не в Кубе, там это длилось бы неделю, а здесь один вечер и одна ночь. Жаль. Рано утром, все, приехавшие из Кубы, сели в тот же автобус, и поехали домой. По дороге ребятам взгрустнулось. Все думали об одном и том же, но вслух сказал только Ханик:

– Дү һофтэ бағдәјгә, имурә әри кејфһо вәхт ни бу, школа әдәј сәр гурдә. (Через две недели времени не будет на кайф, потому что начинаются занятия в школе).

Ну что же, и мы расстанемся с нашими героями. Пожелаем им успехов, во всех их начинаниях. Кто знает, возможно, ещё и встретимся.

У снова наши редъята

Пришла пора выпускных экзаменов. Кто-то переживал по этому поводу, а кто-то и нет. Салик, например, не переживал вообще. А чего переживать, если всё равно ничего не учил, и учить не собирался. Шамик, кое-что учил, но тоже не переживал потому, что он точно знал чем займётся после школы. Зорик, назубок знал те предметы, которые относятся к точным наукам. Ханик же, был полной противоположностью Зорика, то есть – гуманитарий от и до. Он всегда удивлял родственников, да и товарищей тоже, своим неистребимым желанием читать книжки. Учитывая то, что учились они в русском секторе, то и читал он, в основном по-русски, хотя не упускал и что-нибудь из азербайджанской классики. Кто заслуженно, а кто и нет, но все получили аттестат зрелости, и теперь могли заняться чем угодно.

Зорик, Шамик и Салик, давно решили переехать жить в Баку, что незамедлительно и сделали. Ханик же, по желанию отца, был отправлен обучаться премудростям сапожного ремесла. Перечить отцу он не мог, в кавказских семьях это не принято, поэтому добросовестно постигал секреты мастерства. Прошло чуть больше полугода, и душевный протест Ханика достиг своего пика. Вот, он отцу и заявил, что хочет поступать в Азербайджанский Государственный Университет. Отец слушать ничего не хотел, никакие доводы не действовали. Наконец, Ханик с горечью сказал:

– Тү мэрэ нэс варасирэгэ, ки бијо варасу? – (Если ты меня не понимаешь, то кто же поймёт? – язык джуури).

Отец сразу как-то сник:

– Бошку, хэлэфмэ. (Хорошо, сынок) – всё, что мог сказать отец.

Так и Ханик оказался в Баку. Жил у родственников, а все три друга его, перетащили в столицу и своих домочадцев.

За то время, которое Ханик провёл в сапожной мастерской, ребята, более или менее, определились. Зорик подал документы в Азинефтехим, на ФАПП, факультет автоматизации производственных процессов, сдал экзамены и был зачислен в институт. Учился прилежно, но свои проказы не оставлял. Всегда учитывал, что люди бывают разные, и некоторым из них могут не понравиться его шутки. Всё делал осторожно, не афишируя себя. Начал с мелочей, незаметно подсыпал кнопки на стул преподавателей, вернее преподавательниц, а так как никто не знал, что это его рук дело, то всё заканчивалось возмущением педагога, и гомерическим смехом студентов. Однажды, запер преподавателей в гардеробной, в другой раз, поменял местами все учительские куртки и пальто местами, тем самым вызвал переполох и недоверие педагогов друг к другу. Короче – Зорик в своём амплуа.

Шамик, приступил к осуществлению своих глобальных планов. Тайная мечта - стать миллионером, захватила его целиком. Не посвящая никого в свои планы, методично и терпеливо шёл к своей цели. Однажды сказал родителям:

– Мэ эдэм э Урсижэт рафтэ. Мэрэ э унчо кори. (Я еду в Россию. У меня там есть дела).

Родители, привыкшие доверять сыну, и зная, что он

всегда и во всём поможет, также и материально, согласились. Первые шаги, ведущие к цели, были самыми простыми. Там купил – здесь продал. Много времени проводил в среднеазиатских республиках, привезённые оттуда или с России одежда или всякая нужная мелочь расходились в Баку, как горячие пирожки. Постепенно расширяя круг полезных знакомств, приближал миг достижения цели. Шамик, умел убеждать людей и договариваться с ними. Во всех городах, где ему приходилось раскручивать свой бизнес (тогда, это называлась спекуляцией), налаживал связи с самыми крупными и влиятельными людьми. Природный ораторский дар, позволял ему многое. Удивительно, но он имел, даже, пропуска в так называемые «закрытые города». Постепенно от громоздкого товара, перешёл к товару мелкому, но очень дорогому и приносящему баснословную прибыль. Не без подсказки «добрых людей», в милиции узнали, что Шамик промышляет золотом и бриллиантами, но, ни разу на горячем его поймать не удалось, хотя и плотно «пасли». Зная, что он на подозрении, Шамик был предельно осторожен.

Салику помог случай. Мамин брат Симанду, работавший какое-то время дворником, теперь имел лоток на Центральном Бакинском Рынке, и нуждался в помощнике достойном доверия. Навещая сестру, не раз спрашивал:

– Мослиах дарафт э инситут, нэбуга нэх? (Салик поступил в институт или нет?)

– Тү чу гуфтирэ, э Симанду? Мослиах э чэ, инситут э чэ. Уллэрэ јэ простојэ кор гэрэки. (Ты о чём говоришь,

Симанду? Где Салик, а где институт. Ему нужна, какая-нибудь простая работа).

– Э, Салик..., сэбэһ бијо э базар, виним чү сохим гә эри тү. Бошку? (Салик, завтра с утра, приходи ко мне на базар, посмотрим, что можно сделать для тебя. Ладно)?

– Э сэр дү чуммэ, холу.(Всенепременно, дядя – смысловой перевод с джуури).

На следующий день, Салик придя на базар, понял – это то, что ему нужно. Во-первых – под дядюшкиным крылом, во-вторых – не завод какой-нибудь, где всё строго по времени, в-третьих – перспектива продвижения «по служебной лестнице». Сегодня – помощник, завтра – встал за прилавок, потом – стал шефом, а затем гляди и весь базар твой, ну, чем не романтика? И ещё, Салик обратил внимание, что приходит много женщин, а среди них и такие, что смотрят на молодого, полного сил и здоровья парня так, что у этого парня перехватывает дыхание. Прикипел наш Мослиах к этой работе всей своей, жаждущей приключений, душой. Через некоторое время, снял небольшую комнатку, недалеко от базара. В ней он (худо мяро – не дай бог) не жил, просто имел благие намерения улаживать разуверившихся в этой жизни одиноких, и не очень одиноких, женщин. Кстати, неумная фантазия и страсть к экспериментам, сделала его весьма обожаемым «улаждателем». Вспоминая своё босоногое отрочество, Салик всё порывался выяснить, действительно ли был период, когда Бахадур и кечяля Рашпиль торговали вместе, хоть на каком-нибудь базаре. Но всё тщетно, никто ничего об этом не знал. Спросить же, у самих героев анекдота – было несколько неловко, да и рискованно. Ещё

и женщины отвлекали Салика, от столь благородного порыва выяснения истины. Так и жил наш герой в вынужденном неведении, тем самым немного омрачая своё беспечное существование. Ничего удивительного в том, что он нравился женщинам, нет. Весь секрет заключался в его обаянии, (хун ширин), он не умел обижаться, и тем более обижать. В нём проснулись, скрытые донине грани таланта обольщения, он научился мастерски преподносить (именно преподносить), комплименты. Во всех его словах сквозило восхищение очередной пассией, или приписывание ей тех красот, которые, отродясь и не водились. В искусство обольщения, Салик вкладывал столько души, что сам Ален Делон обзавидовался бы. Имя Мослиах, переводится с джуури, как Мессия, ну и каждая очередная избранница, таковым его и считала. Даже расставался он так, что покинутые им женщины, мало того, что не обижались, а наоборот благодарили господина за то, что он подарил им несколько волшебных мгновений с Саликом, и вспоминали об обольстителе, с большой душевной теплотой. Сам Салик при расставании, моргал своими длинными и чёрными ресницами сочувственно и раскаянно, чем совершенно обезоруживал, так сильно обожаемых им, женщин. Любимчик и всё тут!

Однако, женщины женщинами, но и о товарищах Мослиах не забывал. Созвонился с Зориком и Шамиком, и втроём поехали за Хаником. Салик, сразу предупредил, что сегодня он главный и все мероприятия организуются и оплачиваются только им. Поймал такси, уселся рядом с водителем, ребята втроём сзади и поехали.

– Ә чичо рафтаним? (Куда едем?) – поинтересовался Зорик.

– Ә Әрмәникәнд, унчо, јә хуба кобоб хуна һист "Кошкин дом" гуфтирәнүт. Јә-дү тикә әз у кобобһо хурим. Гоф сохим, ә јор дәшәним дества имурә. (В арменикенд, там есть хорошая шашлычная, которая называется "Кошкин дом", поедим пару кусочков шашлычка. Поболтаем, вспомним детство).

Таксист – молодой смешливый бакинец, оказался на редкость словоохотливым парнем. Всё время порывался сказать что-нибудь, встречал в разговор, даже не понимая о чём речь.

Салику, веселье и болтливость таксиста нравилась, и чтобы стало, ещё веселее предложил анекдот. Рассказал его на азербайджанском языке:

– Бир дәфә Бакијя кәлән Губанын баласы, таксијә миниб деди: "Полухин күчәсинә, дајымын јанына". Чатандан сонра сорушды сүрүчидән: "Гагаш, нә вермәлијәм сәнә? "Мәнә бах шотчикдә алтымыш кәпикдир, бир манат версән – алтымыш гәпик һөкүмәтә гедәр, гырх гәпик дә галар балаларымчын". Губа баласы тез-тез чибиндән гырх гәпик чығартыб верди сүрүчијә: "Гагаш бу балаларынчын, вә һөкүмәт чәһәннәм олсун". (Однажды, кубинец приехавший в Баку, поймал такси и сказал: «На улицу Полухина к моему дяде». Когда доехали, спросил: «Братишка, сколько я тебе должен?». «Смотри – отвечает таксист – На счётчике шестьдесят копеек, если дашь рубль, то шестьдесят копеек пойдёт государству, а сорок копеек останется моим детям». Кубинец торопясь достаёт из кармана сорок копеек, протягивает водителю и говорит:

«Братишка, это твоим детям, а государство пусть катится ко всем чертям»).

Со смехом и шутками доехали до шашлычной. Сели за столик, Салик заполнил стол всем, чем нужно и трапеза началась. Но, ясное дело, не обошлось без привычных шуток и розыгрышей. Вдруг Ханик говорит:

– Ә һ,әјло, јәдонә загадка гујум? (Ребята, загадать вам загадку?)

– Әз загадкоһоту тәрсирәгор кини, гу әри мә. (Подумаешь, кто боится твоих загадок?) – Неожиданно отреагировал Салик и расплылся в своей обаятельной улыбке.

– У чү чини, ә зимусту вокундәнүт ә чәндәк, һәминон дәшәндәнүт ә халадилник. (Что за вещь, которую зимой надевают на тело, а летом кладут в холодильник?)

Ребята переглянулись, ясное дело, что такого быть не может. А Салик, как всегда с жаром:

– Кәлләј имурә марочит нә сох, дијә әзуни чи нист ә һ,илом. (Не морочь нам голову, в мире такого не существует). – Гу виним чүнигә. (Говори, что это).

Ханик посмеялся и отвечает:

– Простожә чини – палтун мә. (Простая вещь – моё пальто).

Салик взорвался:

– Чү хара загадкаји, палтунә ә халадилник ки донорә? (Какая дурацкая загадка, кто кладёт в холодильник пальто?) Ханик хитренько улыбнувшись говорит:

– Палтун ән мәни, ә чичо војистгә мәрә, унчо минүм. Әз тү ни пүрсүм (Пальто моё, куда хочу – туда кладу. Тебя не спрошу).

Ребята, чуть не поперхнулись от смеха. Отсмеявшись, выпили за успехи, хорошенько полакомились куриным шашлычком. Вдруг Зорик подмигнув Ханику и Шамику, обращается к Салику:

– Ө јортү оморэни чүтам э бун һәмум варафтәјгә? (Помнишь, как ты взобрался на крышу бани?)

Салик покраснел и попросил к этой теме не возвращаться.

– Бијојт динч нүштә, чи имурә хурим. (Давайте спокойно посидим и поедим нормально.)

Все хорошо помнили эту историю. Однажды кто-то из них подал идею взобраться на крышу старой бани Кубы, расположенную в центре города. И, конечно же, уговорили сделать это Салика. Крыша была сферическая, а для того чтобы проникал свет, на ней сделали несколько небольших окошек. Моющим в бане, было достаточно света, и никаким электричеством, в целях безопасности, не пользовались. С наступлением темноты баня закрывалась. Мужчины мылись по чётным дням, а женщины по нечётным.

Естественно, ребята выбрали нечётный день и с воодушевлением отправились совершать подвиг. Дойдя до места, решили, что надо бы сначала пойти кому-нибудь одному на разведку. Сказано-сделано и, конечно же, выбор пал на Салика. Он и не сопротивлялся. В две секунды взобрался на крышу подошёл к ближайшему окошку, и с бешеным сердцебиением, предвкушая, какими тайнами ему предстоит обладать, прильнул к этому окошку. Дальнейшее повергло его в совершеннейшую панику. Ребята совершенно не учли, что снаружи гораздо светлее,

чем внутри. И как только женщины почувствовали некоторое затемнение в купальне, разом подняли головы вверх и увидели Салика. Одна из них ещё и узнала своего соседа. Поднялся неистовый вой. Салик с бешеным сердцебиением, теперь уже по другой причине, очумело бросился вниз. По дороге зацепился штанами за какую-то железку, и порвал их. Теперь его правая нога, до самого пояса кокетливо выглядывала сквозь разорванные тёмные штаны. Спрыгнув вниз, почувствовав твердь земную, и не соображая ничего, умчался и вскоре исчез из виду. Ребята были шокированы, но на всякий случай, припустили за ним. На следующий день, Салик всё им рассказал и заверил всех, что больше, на подобные авантюры, он не пойдёт. Но скрыл, что от отца влетело ему так, что вспоминать даже не хотелось.

Теперь же, сидя в шашлычной, никто не хотел портить настроения Салику напоминанием о бане. Вдруг Салик с воодушевлением стал рассказывать:

– Әллә, һә бирдән ә јормә омо. Ә базар иму, ә јә пинәлә Витјә Куриленко кор сохдә, туфли-муфли фурухтә. Јәбо дирәним ки, ә кор нәомо. Јә руз, дү руз, сә руз, вобшим. дуз јә һәфтә ә кор веде нәбу. У оморәнки пүрсирүм әз ју: – Витка, где ты был селий нидиля?

Мугу ки: «Ја тибә раскажу, толко никаму ни скажи һо... (Ой, вдруг вспомнил. На нашем базаре, в уголочке Витя работает, который продаёт туфли-муфли. Однажды не пришёл на работу. Один день, два дня, три дня, в общем, целую неделю его не было. Когда появился, я спрашиваю: Где ты пропадал, целую неделю? Он отвечает: – Я тебе раскажу, но ты никому не говори». – Салик рассказал

всю эпопею Вити. Вот она, история:

– Ты знаешь Салик, что я парень хоть куда, – начал Витя – рост под два метра, плечи широкие, и сам не дурён собой, и мускулы что надо, особенно мужская мышца. Жена мною жутко довольна, она всегда говорит:

– Витька, лучше тебя мужика быть не может. Ровно неделю назад, ей вдруг захотелось устроить ночь необузданной любви. А мне-то что, сколько любви захочет, столько и получит. Отправили детей к тёще, и мы остались дома вдвоём. Ну, покувыркались разок-другой, захотелось водички, не зажигая света, пошёл на кухню попить. Пошарил рукой по столу, стакана не нашёл, открыл выдвижной ящик вытащил стакан, и не обратил внимания, что мой мужской «инструмент» остался внутри, и с дуру сильно захлопнул ящик. – Витя вдруг замолчал, заморгал часто-часто и разрыдался.

Салик сначала не врубившись, просто хлопал глазами. Потом разразился таким громким и заразительным хохотом, что ничего не понимающие вокруг люди, стали смеяться вместе с Саликом. Остановиться, не было никаких сил и чтобы удержаться, хотя бы на ногах, Салик взялся за стойку своей лавки и вскоре Салик вместе с лавкой оказались на земле».

Кстати, после рассказа Салика, ребята тоже оказались в разных нелепых позах от смеха.

Вечер прошёл, замечательно. Потом Салик развёз всех по домам.

Среди своих Ханик чувствовал себя, конечно же, комфортно. Это не удивительно, ведь правильно говорится, что самая крепкая дружба – эта та, которая

началась в детстве. Но и в университете, куда он поступил на журналистику, обзавёлся друзьями и был рад новым знакомствам. Все новые друзья были большими умниками, и ребята и девушки. Сначала Ханик стеснялся этих раскрепощённых, правда в меру, девушек, но потом пообвыкся и беседовал с ними уже без смущения. Один из его новых товарищей, был сыном известного, в ту пору, поэта. Томик, так его звали, приобщил Ханика к пониманию, сначала классической музыки, а потом и джаза. Джаз в Советском Союзе считался музыкой «толстых», то есть чуждой советской идеологии. Но, золотой молодёжи всё было нипочём, надоели эти комсомольские собрания, вбивание в головы диалектического материализма, научного коммунизма и прочей мурсы.

Ханик всецело отдался учёбе, но бунтарское нутро не позволяло «безуморное», если можно так сказать, существование. Учёба учёбой, но и досуг надо организовать. И умница Ханик придумал. Скоро в университете, должен был состояться вечер, и Ханик уже знал, что предложит на мероприятии. Якобы спонтанно, хотя и был небольшой риск. Трудно предугадать, чем может закончиться эта авантюра. В те времена, (а в какие времена этого не было?) ничего еврейского не должно было быть. Вроде не запрещено, но и не поощрялось. Но Ханик – строптивая душа, уже не мог остановиться.

Своим планом он поделился с Томиком, сыном поэта. Тот внимательно посмотрел на Ханика и сожалением сказал:

– Мне тебя будет не хватать. То, что тебя исключат,

сомнению не подлежит. Ещё, какие санкции последуют за этим, я не берусь прогнозировать.

– А разве не жалко? Такая идея пропадает.

– Слушай Хан, у меня есть мыслишка, сделаем так! Ну, его к чёрту этот капустник, как пройдёт – так пройдёт. С горячими речами о светлом будущем, о комсомольском почине, о беззаветной преданности родной коммунистической партии, о безмерно любимом руководителе..., тьфу, аж противно. Ладно, я не об этом. Ты неоднократно бывал у нас дома, видел размеры нашей квартиры. Скоро родители вместе с младшими детьми уезжают на курорт, а я как сам понимаешь, не могу. Вот и соберёмся у меня. Составим список надёжных друзей и побесимся. В таком кругу твоя идея будет принята – на ура.

– Томик – ты гений. – Хлопнул друга по плечу Ханик.

Как Томик и предсказывал, капустник прошёл именно так, с горячими речами и окаменевшим юмором. Но, под конец, когда руководство ушло, началась искромётная импровизация, состоящая из шуток, юморесок, и просто пустой болтовни. Хоть и не долго, но какое-то удовольствие студенты получили. Настал день, когда приглашённые молодые люди собрались у Томика. Студенты заранее скинулись, накупили всяких деликатесов, шампанского, ликёра, лимонада, и знаменитой минеральной воды «Бадамлы», ну а без торта «Сказка» вообще никакая вечеринка не обходилась.

Гостиная комната, действительно была огромного размера. Большой обеденный стол, стоявший в углу, вовсе не казался большим. Кроме этого, в комнате было полно

всякой мягкой мебели. Сокурсники расселись, кому где удобно, и повели всякие светские беседы, не забывая угощать друг друга всякими вкусностями и шампанским. Поговорили о литературе, о музыке, о молодых, но уже популярных поэтах и писателях. Вдруг Ханик встал и обратился к сокурсникам:

– Ребята, друзья мои! По аналогии с «Гаврилиадой», из произведения Ильфа и Петрова «Золотой телёнок», предлагаю создать нашу «Абрамиаду», я сочиняю первые несколько строк, а любой желающий может продолжить. Надеюсь, что наша «Высочайшая Поэзия», затмит всю мировую литературу.

Последние слова потонули во всеобщем смехе, и одобрительных возгласах.

Дальше, после того как Ханик прочитал свои, тут же сочинённые несколько строчек.

Началось такое! Все друг друга начали перебивать, боясь забыть, только что сочинённые стишки. Вскакивали со своих мест, размахивали руками, высказывали на середину комнаты и читали свои сочинения, встав в позу одного из современных маститых поэтов. В общем, началось то, чего они никогда не делали, и если бы, не Ханика предложение подобного веселья и не было бы.

Этих стишков студенты насочиняли такое количество, что в пору было издать целый томик.

1.Ханик:

Абрам купил себе картошку,

Ему всегда хотелось есть.

Поджарил он её немножко,

Прям, сразу расхотелось есть.

2. С.Лена:

*Картошка не идёт без сала
Она без водки – ну не та!!!
Селёдки оказалось мало,
Да только денег – ни хрена!*

3.Ханик:

*Абрам был раздосадован,
Сальца б кошерного ему.
Купил бы в лавке Мордехая,
Но где взять денег, не пойму!?*

4. С.Алла:

*...Ну не логичен тот Абрам –
Картошка есть – нет аппетита,
Селёдка есть – нет водки там.
О, люди, люди – кушать вредно,
Сало и водка не шарман!!!*

5.Ханик:

*Абрам всегда ложился рано,
Он на работу успевал.
Но иногда из-за подруги Сары,
Он на работу опаздывал.*

6. С.Лена:

*Ему всю ночь картошка снилась,
И водка грезилась во сне,
Вдруг Сарочка, куда-то смылась!
О, яду, яду, яду мне!!!*

7. С.Алла:

*Зачем дорогой тебе яду –
Не лучше ль б тебе шоколаду,
Шоколад – это всё-таки вкусно,
А Сара вернётся, не всё так грустно...*

8.Ханик:

*Абрам снимался в фильме ню,
Уж очень сильно он стеснялся.
Ведь, видно же теперь, что у
Абрама чуточку короче.*

*Абрам, Абрамушка, Абрамчик,
Какой ты всё же молодец!
В награду вот тебе за это,
Я уж поднял большой палец!*

9. К.Лали:

*С пальцами нам уже всё ясно.
А вот Абраму повезло.
Ведь есть же женищины такие,
Что им всё это усё равно.*

*Длинней...короче...толку мало
Тут главное – харизма, брат.
Но, если уж судить не строго,
То наш Абрам, он даже рад.*

*Друзья! Чего вы майтесь дурью?
Зачем такие жертвы нам.
Скорей берите ноги в руки,
И, побыстрее в Киев к нам.*

*У нас и сало и картошка,
Горилка с перцем, хоть куда...
А чтобы не было так скучно и однообразно вам,
Постараюсь угостить вас «Киндзмараули». Как он вам?!*

10.Ханик – выдал вдруг тираду.
*Имей Абрам свою личину,
Будь индивидуален.
И не скрывай же ты причину,
Ведь, видно ж – ты конгениален!!!*

*Толстой создал «Войну и мир»,
И жутко всех очаровал,
Абрам же, тоже написал,
Но нет, не опубликовал.*

*А Пушкин сколько написал?
Абрам ну всё, ну всё читал,
А сам, он, больше написал,
Но нет, не опубликовал.*

Вот так сумбурно, но смешно Ханик завершил свою игру, под общее веселье. Лишь Томик не сочинил ни строчки, ему было немного неловко, хоть и смеялся вместе со всеми. Ханик остался довольным проведённым вечером. И тем, что все активно включились в игру, и тем, что все от души повеселились.

Во время летних каникул Ханик съездил в Кубу, навестил всех родственников. Один раз собрал всех своих двоюродных братьев и сестёр и усадил их в большой комнате у своего любимого дяди Миши. Возраст детворы

был разный, от десяти до двадцати лет. Включил проигрыватель грампластинок и обратился к родне:

– Родные мои, понравится вам эта музыка или нет, всё равно сидите и просто слушайте, поверьте мне – это хорошая музыка. Итак, первый концерт Чайковского для фортепиано с оркестром.

Послышались смешки, скрывающую неловкость неподготовленного слушателя, но Ханик не обращая внимания, ни на что, включил эту волшебную музыку. Все притихли. Слушали, молча и внимательно. Завершилось, это крупное произведение. Никто не промолвил и словечка, младшие спали, а те, кто постарше пытались правильно отреагировать, ничего не поняв в этой музыке.

– Я понимаю, что понять эту музыку вам пока сложно, но уверяю вас, придёт время и вам захочется вернуться к классике. – Ханик, оказался прав, все с благодарностью вспоминали потом, этот чудесный день.

Теперь, трудно было узнать в Ханике того самого мальчишку, проказника и разгильдяя. Хотя..., хотя..., в общем-то, он остался прежним, но добавилось немного солидности.

В данный момент Ханик жил у своего двоюродного брата, Лазаря. Семья Лазаря была, довольно многочисленна: он сам, его жена Бася и пятеро детей. Теперь добавился и Ханик, но никаких неудобств не чувствовалось. Эта чета Лазарь и Бася от природы были добрейшими и гостеприимными людьми. Можно сразу сказать, что кто только не гостил у них. Причём по нескольку дней, а некоторые, и по нескольку месяцев. Дети Лазаря обожали Ханика, и всё время крутились возле него.

Однажды Ханик принёс, для того времени, мечту любого меломана – магнитофон «Aidas». Все сгрудились вокруг диковинки. Ханик неторопливо включил прибор, запустил кассету, и зазвучала дивная песня «Хава Нагила», в исполнении сестёр Берри. Этот бальзам для души каждого еврея, буквально, околдовал всех. Кроме этой песни, было записано много других песен, но эта оставалось самой любимой. Уходя из дома, Ханик прятал сетевой шнур от магнитофона, чтобы дети чего-нибудь не сломали.

Прошли студенческие годы, Ханик благополучно окончил университет, получил диплом и..., и вдруг заявил, что уезжает в Москву поступать на режиссёрские курсы. Которые, тоже окончил, чуть ли не с отличием. Привык к столичной жизни, видел распущенные нравы, сталкивался и с антисемитизмом, но вёл себя достойно и в обиду себя не давал. Сказывалась краснослободинская закалка, когда приходилось отражать атаки кубинских ребят (что поделаешь, бывало нередко и такое).

К тому времени, его родители со всеми домочадцами переехали в Баку и Ханик с удовольствием навещал родных. Мама Ханика, добрейшая женщина, всегда ждала его с нетерпением. Ей, правда, было непонятно, для чего надо жить так далеко от дома, но делать нечего, ждала и ждала. Приехав в очередной раз домой, Ханик встретил девушку, сильно понравившуюся ему и сказал об этом родителям. Обрадованные родители, стали выяснять кто да что, и убедившись, что она из хорошей семьи послали сватов. В то время, было заведено, именно так.

Итак, Ханик вернулся в Москву, уже женатым человеком.

Родилось, у этой прекрасной пары, двое чудных детей, мальчик и девочка. Несколько лет прожили они в Москве, за это время Ханик заметно продвинулся в режиссёрской профессии, как вдруг.... Именно «вдруг», просто никто не ожидал подобного шага. Вдруг он с семьёй решает вернуться в Баку. Стало совсем не понятно, люди мечтают жить в столице. Там, даже временно, трудно прописаться, а он, добившись всего, и работы и квартиры, продаёт её, бросает работу и возвращается в Баку. Чудеса, да и только! Истинная причина подобного действия прояснилась гораздо позже.

Все домашние обитатели, искренне радовались их возвращению. Думали, соскучился человек по дому. Вскоре выяснилось, ради чего Ханик вернулся домой. Задумал наш герой эмигрировать за границу. Готовиться начал загодя. Сначала, обменял московскую кооперативную квартиру на бакинскую, при этом взял солидный куш, за этот неравноценный обмен. Потом продал бакинскую квартиру, и на все вырученные деньги от двух операций, не без помощи Шамика, накопил бриллиантов. Теперь оставалось ждать получения визы из Израиля, подать документы в ОВИР, и, получив разрешение на выезд, оставить советскую родину, с её «неотвратимым светлым будущим», и отправиться в Америку

Со временем все проблемы решились удачно. Даже дата выезда была известна. Но оставалась проблема вывоза «камешек». Драгоценных металлов не было, Ханик не покупал их сознательно. Все знали, что таможенники пользовались металлоискателями, и рисковать было

бессмысленно. Вот «камешки» находить, «неподкупные» таможенники, ещё не научились.

Пригодилась первая профессия Ханика – профессия сапожника. Все драгоценности, Ханик вшил в каблучки детишек. А чтобы никто случайно не проболтался, никому кроме жены об этом не сказал. Теперь, оставалось придумать какой-нибудь отвлекающий манёвр. В этом, тоже проблем не оказалось. Роль отвлекающего манёвра сыграл старый холодильник «ЗИС – МОСКВА». «ЗИС» – это завод имени Сталина, и можно представить давность выпуска холодильника.

Настал день отъезда. Очень грустный день, но ничего не поделаешь. Отъезжающие попрощались, с остающимися. Шамик, поехал провожать их до самого Чопа. В Чопе, сутки провели на вокзале, спали на вещах, было совсем неудобно, но другого выхода не представлялось. Ночью, разгуливали дежурившие милиционеры, с садистским удовольствием и криками: «Спать не положено», будили всех, включая детей.

Утром, отстояв очередь в туалет, кое-как умывшись, и покрепившись, чем попало, заняли очередь на таможенный досмотр. Многочасовое ожидание не сломило, а наоборот укрепило их в правильности выбора. Белобрысый таможенник, долго и внимательно всматривался в лица наших героев. Потом перелопатил все чемоданы и баулы и не нашёл там ничего, кроме одежды и домашнего скарба. Затем подозвал сослуживца, и что-то зашептал ему на ухо. Оба обошли со всех сторон, упакованный холодильник. Снова пошептались, и потом предложили Ханику распаковать его. Не зря Ханик прошёл Мосфильмовскую

школу, он вмиг побледнел, и, запинаясь, попросил этого не делать. Жена Ханика, изображала полуобморочное состояние.

– Провожатые есть у вас? – Спросил белобрысый.

– Есть. – Ответил бледный Ханик.

– Вот и выбирайте, или мы распаковываем холодильник, или вы возвращаете его вашему провожатому. – Чувствовалось, что таможенники сами устали, за целый день работы.

Изображая горе горькое, супружеская чета, чуть ли не прощалась с холодильником. Ханик со словами, «я с ним с самого детства» утирал набежавшую слезу. Таможенники не сводили с него глаз. Но идеально сыгранная роль, не оставила у них и тени сомнения, что не зря он хотел увезти холодильник. Тем временем, Ханик, якобы, давал инструкции Шамику:

– Довези в целости и сохранности и отдай папе. Я надеюсь на тебя. – Вдруг закричал Ханик.

Вскоре, уже в поезде, муж и жена смаковали детали удачно проведённой операции.

Американское будущее уже маячило впереди.

Гул базары

После горбачёвской перестройки многое изменилось в стране. Вдруг всем стало понятно, что никого «светлого будущего» не предвидится, и каждый должен строить коммунизм в каждой отдельно взятой семье или, даже, в отдельно взятом человеке. Коснулась эта перестройка и Фуада. Раньше ему приходилось совсем не сладко. Заработок на стройке не позволял даже сводить концы с концами. А сейчас стало полегче, он регулярно находил работу на «гул базары». Пусть временную, пусть на один день, но всё же работу. Одевался опрятно, работал на совесть, и поэтому рассчитывал на удачу.

Сегодня, в редкий для Баку безветренный день, Фуад направлялся на «гул базары». «Гул базары» – это, вроде альтернативы бирже труда. Официальная биржа труда регистрировала работников, сортировала по профессиям, и направляла их на выполнение разного видов работ. А на «гул базары» собирались разнорабочие, и не каждый имел шанс быть «избранным», но Фуаду пока что везло. Шёл он по родному городу, и по привычке насвистывал какой-нибудь приятный его уху мотивчик. Сейчас эта была мелодия популярной когда-то песни «Тэлэбэ» (Студент). Идёт себе, и насвистывает. Насвистывает себе и идёт. И так вот, насвистывая, и дошёл до места. Постоянные «прихожане» уже стояли на своих местах. Кто с мастерком в руке, кто с малярной кистью, кто с рубанком, кто с молотком и так далее.

Заказчики подъезжали и, найдя нужного мастера, уезжали вместе с ним. Подъехал солидный господин на шикарной иномарке. Внимательно всех оглядел и выбрал Фуада. Посадил его в машину, и повёз на свою дачу. Дача

была за городом, в одном из посёлков Апшерона. По дороге сказал, что надо построить хороший каменный забор и цена не имеет значения. Работа не на один день, отметил хозяин. Когда доехали, определил Фуаду объём работ и добавил:

– Меня целый день не будет. Приеду вечером, оценю работу и расплачусь за неё. И так все дни, пока ты работаешь. Будешь халтурить - не получишь ничего. Если возникнут вопросы, позови Алигусейна, это мой сын, и он тебе поможет. Олды, гагаш? (Идёт, братишка?)

«Идёт» – ответил Фуад, и собрался приступить к работе. Воодушевлённый долгосрочной работой, переоделся, закатал рукава и хотел уже начать, как услышал сзади голос:

– Уста, вурағ? – Если перевести смысл двух этих слов, то он таков: «Мастер, давай тятнем и как следует закусим».

Фуад подумал: «А, чего не тятнуть? Тем более, что сегодня ещё не завтракал».

Алигусейн молча засервировал весь стол самыми изысканными яствами и всякими деликатесами. Чего только здесь не было: и балык с острова Артём.. Тут немного прервёмся и отметим, что остров Артём, давно ставший полуостровом, славился свими браконьерами. Они поставляли на богатые столы рыбные деликатесы, не имеющие по качеству аналогов в мире. Итак: балык, венгерский сервелат, сырокопчённая московская колбаса, армянская баранья бастурма и много чего другого. Фуад пытался перечислить все эти названия, но быстро сбился и решил, что лучше «засорить» желудок, чем мозги. Венцом всего была бутылочка запотевшей, холодненькой, настоящей русской водки. Молча выпили, молча закусили и несколько осоловевшие встали из-за стола. «Ну всё, надо работать», подумал Фуад и стал готовить инструменты для

работы. Через час все приготовления были закончены. Как вдруг:

– Уста, вурағ? (Мастер, тяпнем?)

Честно говоря, Фуад есть не хотел, но, сами понимаете, один раз откажешь и больше предложений не будет. Тем более, что впереди несколько дней работы. Фуад сел за стол. Вскоре на столе появилось тако-о-е-е, что у Фуада открылось второе дыхание, ой, нет – второй аппетит.

Кроме всевозможных салатов, на столе появилась зелень: взэри, кишниш, рейхан, тархун, зелёный лук, редиска и, кроме этого, много всяких аппетитных солений. Нарисовалась матовая бутылочка водки «Абсолют». Потом парнишка принёс на большом блюде долму. О-о, что это за долма была! Такую готовят только в фешенебельных ресторанах или дома по большим праздникам. Молча поели. Молча выпили. Молча разошлись. Фуад вернулся к работе, а Алигусейн, убрав со стола, исчез в доме.

Фуад поблагодарил Всевышнего за посланное счастье. Сразу приступил к работе, но мысленно не переставал благодарить и благословлять Создателя. Сделал кое-что и... нет вы не поверите, тот же голос:

– Уста, вурағ? (Мастер, тяпнем?)

Бедный Фуад, в животе которого не было уже ни капельки места... но как же откажешь этому доброму малому? «Лучше работать на сытый желудок, чем на голодный», - рассудил Фуад и обречённо пошёл трапезничать..

На столе появился шикарный плов, – это не просто рис, – это искусство. Большая горка риса на огромном блюде, сверху кусочки румяной корочки, а в перемешку с рисом – изюм, крупная-чёрная-сушённая слива (алибухара), курага. На отдельной тарелке: маленькие кусочки тушённой говядины (баранины), с большим

количеством лука, и те же изюм, сушеная слива и курага, но на этот раз отваренные. Для полноты картины - крупная, сушённая, кисленькая алыча, придающая особый пикантный вкус этому объединению. Не обошлось и без бутылочки “Старки”.

Молча приступили к трапезе и не успели толком начать обед, как вдруг раздался вопль на на весь дачный посёлок:

– Ва-а-ј, ва-а-ј бејһабыр олдуғ! Мән нә еләјим? Бу нә олачағ? Јерә сохум сәнин бош башывы, ај Әлиһүсејн. Сән нә еләдин? Һејванын бири Һејван! Бу ахшам гонағлар гәлмәлидирләр, стол үстунә нә гојарам, ај чаккалын бири чаккал! Ганувы јерә төкмәсәм, адым Солтанәт дејил! Сәни көрүм нәнәсиз галасан, ај Әлиһүсејн!(Ой, ой, опозорились! Что мне делать? Что это будет? Да запихну я в землю твою пустую голову, ай Алигусейн. Что ты натворил? Животное ты такое! Вечером гости придут, и что я на стол поставлю, шакал ты – сын шакала! Да не буду я больше зваться Солнанат, если не пролью твою кровь на землю)!

Тут Алигусейн наклонился к Фуаду, и заговорщицки спросил:

– Уста, гачағ? (Мастер, побежали?)

Мечты сбываются

(И не сбываются).

Тастролируем по городам и весям. Все молодые, здоровые, а главное беспечные. Все делаем без оглядки. Работа в удовольствие, невиданные раньше города; друзья, подружки, ну все, все хорошо. Приехали в город Орел, где нас уже ждал тромбонист (кстати – бакинец, мы его хорошо знаем). Зовут его Ося Ш-ян. Из всей мировой, классической, джазовой, попсовой музыки, лучше всего у него получалась песенка из кинофильма «Генералы песчаных карьеров», особенно первые две строчки, ну нет, возможно, что и дальше он играл хорошо, но никто этого не слышал. Иногда выпадало ему играть сольные куски, но судьба была к нему немилосердна, именно в этот момент выпадала кулиса из тромбона (кулиса – выдвигающаяся деталь тромбона), или чихать ему хотелось, или ещё что-нибудь мешало, мало ли что. И тогда кто-нибудь подхватывал и играл соло вместо него. Так как Ося был парень простой, то за все десятки сольных кусков, которых он так и не сыграл, ни разу ни смутился.

Была у Оси одна мечта - оплодотворить, то есть осчастливить, как можно больше женщин на этой грешной земле. Причём всё равно, является она «падшим ангелом» или высоконравственной красавицей. Он считал свою миссию столь благородной, что надеялся на разум человечества, которое будет ему благодарно и оценит по достоинству. Иногда приводил в гостиничный номер, ну прямо красавицу-королеву, а иногда и..., ну, как это сказать помягче, совсем что-то противоположное. Всех своих подружек он не задерживал более чем на сутки. А как же, ведь жизнь коротка, а миссию надо выполнять.

В Орле, в один прекрасный вечер, он явился с некой девицей. Она всё время кокетливо улыбалась всем мужчинам, а у нас в глазах читалась тоска и боязнь, что теперь только такие женщины в моде.

Выглядела она так: на ногах рабочие ботинки, на пару-тройку больше ее размера, далее чулки разной длины: на правой ноге капроновый – светлый, на левой – толстый, тёмный. На коленках оба чулка порваны, и кокетливые ссадины располагают к очень смелым догадкам. Далее юбка, цвета..., по-моему, природа такой цвет создать не в состоянии. Блузка весьма импозантная, правда, мало прикрывавшая то, что стоило бы прикрыть. На шее, тёмно-фиолетовые пятна, никому неизвестного происхождения. Нижняя губа – красная, а на верхней губе помада, тоже можно сказать красная, но с синим оттенком. Смотрела она только левым глазом, а правый, фингальный, был временно закрыт, наверно, на ремонт.

Левое ухо – лилово-красное, как у Паниковского после мордобития. При свете этого уха, можно было производить различные фотоэффекты и манипуляции с чёрно-белой фотобумагой «Бромпортрет», ну или «Унибром», кому что нравится. Ося выглядел безмерно радостным, входя с ней в опочив..., простите, в номер. Ещё одна женщина будет ошастливлена, и на всю жизнь запомнит своего благодетеля. Буквально через час, Ося спровадил свою пессию восвояси, посчитав, что миссия выполнена вполне достойно.

На следующий день наш герой своего времени, появляется с воистину королевой. Женщина дивной красоты, прямо Элизабет Тейлор – не больше, не меньше. Сама грация, осанка статная, взгляд пленяющий - в общем, Женщина с большой буквы. Лица всех музыкантов приобрели от зависти болотный цвет. Стоят и смотрят, оближаются, сердца у всех стучат, и ненавидят Осю.

Не всегда всё хорошо заканчивается, не правда ли? Вот наш басист, Боря М-ян, высказал предположение (понятно, каким чувством руководствовался), что от таких-то красавиц, как раз и можно ожидать что угодно. Дня три Ося нигде не появлялся, ни на концерте, ни в номере. Администратор оркестра бушевал, грозился, что пусть только заявится, он уж ему устроит публичную казнь на эшафоте. И какие только кары не были придуманы, но Оси нигде не было. Наконец Ося объявился, как говорится, «предстал пред ясны очи».

На него было жалко смотреть. Он страдал! Он влюбился! Он остался без неё! Он был несчастен! Он исхудал! А она пропала, и где её искать, он не знает. Музыканты кинулись успокаивать Осю, вы не поверите, даже администратору стало стыдно за произнесённые недавно угрозы. Но что делать – никто не знал. Всё разрешилось само собой: буквально через три недели у Оси всё зацвело, и разболелось. В панике, которая приобрела размеры и форму ядерного гриба, Ося мчится к венерологу. Тот всё внимательно изучил, и сделал неутешительный вывод:

– Жить будете, – с усмешкой сказал доктор, – но с вашим, вполне понятным хобби, придётся повременить, а в худшем случае, и прекратить.

Ося бился головой обо все встречающиеся по пути стенки, но эффект был совсем не тот, что нужно, то есть, ну, совсем-совсем не тот. Потом пришла телеграмма, гласившая: – Ну, как тебе национальный презент, дорогой?

Мир рухнул в одночасье.

Последний визит к доктору подтвердил самые худшие опасения.

А ведь какая благородная миссия была!

МЕЧТЫ СБЫВАЮТСЯ! (но не всегда).

Ну, нельзя же так!!!

Его звали Сурик. Нет, нет, не пугайтесь, с ним ничего не случилось. Просто тогда, в то время, его звали Сурик. Сейчас он – Сурен, ни фамилии, ни отчества называть не будем по причине того, что он сейчас большой человек. Он – потомок известного пламенного революционера, и это ещё одна причина не называть его фамилии. Хотите представить себе Сурика? Да пожалуйста, нет

ничего проще. Закройте глаза и вспомните какой-нибудь фильм с участием Луи де Фюнеса. Конечно, нечего сказать, Луи был гениальным актёром, но вот внешностью не вышел. Также и Сурик – маленького роста, с подвижной мимикой и глазами, умеющими выражать все мыслимые и немыслимые человеческие эмоции. А, собственно, чего это мы Сурик, да Сурик. Не о нём вовсе речь, а о его папе. Вся эта история приключилась именно с ним, то есть с папой Сурика.

Отец Сурика (очень большой человек, и по должности, и по росту, и по габаритам) работал в те времена на одном из заводов нашего славного Баку, занимая довольно большой пост. Человеком был на редкость серьёзным, никогда не смеялся, и почти не улыбался. Дома его просто боготворили. Пытались предугадать каждое его желание,

никогда не перечили, и во всём ублажали (от слова «блажь», а не «лажа»). А сотрудники по работе ходили перед ним на цыпочках, и, если честно, вообще старались не попадаться ему на глаза.

Согласно должности, папе Сурика полагался автомобиль, и не какой-нибудь «Москвич» или «Жигули», а самая, что ни на есть «Волга», то бишь ГАЗ-24. Пешком до завода было далековато. На трамвае можно было доехать за полчаса, но сами подумайте, такой солидный человек и едет на трамвае, нонсенс какой-то получается. Утром водитель везёт папу Сурика на работу, на перерыв - домой, потом снова на работу, а потом снова домой. Вот такая схема. Вечерами папа Сурика любил поиграть с соседом в нарды. При этом жутко не любил проигрывать, хотя умело скрывал свои эмоции. Вот когда выигрывал, подобие улыбки скрыть не мог, и тогда звал жену и просил принести бутылочку армянского коньяка. «Просил» - это несколько неточно, тон его скорее напоминал рывканье старшины роты или старшего вожатого из пионерлагеря. Армянский коньяк в его доме никогда не переводился, особенно трёхзвёздочный, как самый ароматный и вкусный.

Так и жил папа Сурика спокойной и размеренной жизнью, и ничегошеньки не предвещало беды... Она, то есть беда, как известно, приходит, не просясь, неожиданно и подленько. А случилось вот что: вдруг, во многих районах широкой нашей страны, откуда ни возьмись, появилась эпидемия холеры. Естественно народ в панике... Масса вопросов... Кто? Что? Кто виноват? Что делать? И даже «упаднический» вопрос: «А что ваще

можно поделаться?»

Вопрос «Кто виноват?»... Нет, нет, секундочку, согласитесь, что вопрос глуп до невероятности. Неужели не ясно? Вот в некоторых высоких кругах очень даже знали (доподлинно причём) кого обвинять. Мало того, скажу по секрету, они, эти «высокие круги», знали даже национальность «виноватых». Проще простого, существует аналогия: «Если в кране нет воды...» - далее по тексту. Ладно, оставим это на совести «высоких кругов».

По всей стране, включая завод, на котором работал папа Сурика, была объявлена война холере. Ну, конечно же, плакатов с текстом «ВСЕМ МИРОМ НА БИТВУ С ХОЛЕРОЙ!» – не было. Не было потому, что непонятно «битва с холерой» – это битва в союзе с холерой против кого-то или это битва против холеры. Вот такая, понимаете ли, неразрешимая «теорема Ферма».

Пришли, значит, на завод представители санэпидемстанции и строго-настрого приказали всем-всем, без исключения, в обязательном порядке, сдать на анализ.. , вот именно, то самое!!! Услышав это, папа Сурика понял сразу несколько вещей. Во-первых, что жизнь его, этого солидного и всеми уважаемого человека, бесславно закончилась. Во-вторых, рухнул замок под названием «УВАЖЕНИЕ», ведь, все узнают, что и ОН – как простой человек, сделал то, что сделали все. В-третьих, как это выполнить технически? Оглушённый и подавленный внезапно свалившейся бедой, папа Сурика возвращался домой. Мысль о предстоящей процедуре долбила в самое темечко. Доехал до дому. Вышел из машины и так посмотрел на своего водителя, что тот в мгновение ока

скрылся за поворотом, а затем остановил машину и оторопело уставился на щиток, не понимая, каким это таким образом удалось развить скорость существующую, разве что, на гоночных автомобилях «Формулы – 1».

Папа Сурика вошёл в квартиру чернее тучи. А мама Сурика, как только увидела его, сразу поняла, что произошло нечто такое, что надо спасать домочадцев, а то и (чем чёрт не шутит?) всё человечество. И она, голосом полным благоговения, почтения, почитания, послушания, смирения, и любви (в конце концов) поинтересовалась «что случилось?». Не удивляйтесь, вопрос «что случилось» вместо «что случилось» – просто издержки местного диалекта. Его львиный рык в сопровождении молний, вырвавшихся из глаз (что там Зевс-громовержец!!!), переместил её в одну из дальних комнат. Сначала она не могла понять природу подобного перемещения, а потом, махнув рукой, решила не отвлекаться на всякую ерунду, но слово «телекинез» долго крутилось в голове.

Ночью, слыша мужнины стенания и вздохи, сотрясавшие стены бетонной квартиры, она решилась на мужественный шаг и выведала-таки, в чём заключается вселенская беда крупного, во всех смыслах, человека. Мама Сурика сразу оседлала ситуацию. Массируя правую мочку его уха, стала шептать, что безвыходных ситуаций не бывает. Она, эта хрупкая кавказская женщина, его спасёт. Всё, что нужно ему сделать, так это, оставить всё как есть, после очередного (или внеочередного) посещения известного заведения. Всё остальное сделает она сама, эта бесстрашная женщина.

Сказано-сделано. Тщательно помыв руки гэдээровским

мылом «Дипломат», папа Сурика сел на диван, и весь багровый от смущения спрятался от всех за газетой «Бакинский рабочий», делая вид, что читает, а мама Сурика художественно оформляла искомую продукцию. Спичечный коробок с необычным содержанием был помещён в полиэтиленовый пакетик, затем обернут калькой, потом положен в картонную коробочку от духов «Красная Москва» – единственные духи того времени, которыми женщины могли себя побаловать. А венцом всего оказалась (и вполне справедливо) газета «Коммунист». Папа Сурика оглядел свёрток и остался довольным проделанной работой, но одна мысль не давала покоя. А вдруг шофёр что-нибудь учует. Конечно же такое недопустимо. На ум пришло простое решение – ехать на работу на трамвае. Там разве поймешь, откуда миазмы?

Удовлетворённый своей смекалкой, папа Сурика направился на трамвайную остановку, предварительно засунув свёрток в карман пиджака. дождался его. Поднялся в салон, но садиться не стал, боясь раздавить свёрток. Всё ему было в диковинку, он просто отвык от всего общественного. С удивлением смотрел на толстую кондукторшу, которая, расталкивая пассажиров, протискивалась из одного конца трамвая в другой. Водитель не спеша жевал свой, пахнувший чесноком, бутерброд. Да и пассажиры были самые разные. В общем, масса впечатлений. Вот и завод. Папа Сурика прошёл через проходную, удивляясь тому, что все ведут себя как всегда. Также как всегда подобострастно здоровались, как всегда произносили дежурные фразы. Всё это привело его в добродушное состояние. Вот он в своём кабинете.

Сейчас, как обычно, устроит разнос главному инженеру, ну и так далее.

Папа Сурика сел в своё кресло и брезгливо опустил руку в карман пиджака.

В КАРМАНЕ БЫЛО ПУСТО!

Всё! Выброс адреналина! Перед глазами картины одна мрачнее другой. Нет! Так не бывает! Так просто не может быть!!!

Украли! Украли самое ценное! Воры чёртовы! О чём вы думали? Чем вы, скоты, думали? Умрите несчастные! Лучше бы тысячу рублей украли!!!

И папа Сурика, этот большой во всех смыслах человек, впервые в жизни зарыдал.

Так горько и обидно не было никогда! «Сатрапы, вандалы, воры несчастные» – думал он. По поводу того, что «воры **несчастные**» – пожалуй, можно и согласится.

Он усиленно пытался представить лица не знающих жалости воров после того, как они откроют свёрток, но рыдания сотрясали несчастного папу Сурика, но желаемая картинка никак не появлялась.

НУ, НЕЛЬЗЯ ЖЕ ТАК!!!

Влюблённый Рафик

– Рафик, Рафик. –
Обрадовано прокричал я, увидев друга. –
Вонцес, ахпер джан.
(Как дела, дорогой братан – арм. язык).

Я действительно обрадовался! Представляете, целый месяц не виделись, а раньше, когда работали в одном музыкальном коллективе, встречались почти каждый день.

– Ну, рассказывай! Что нового? Что делаешь? Где успели побывать за этот месяц? – Засыпал я вопросами друга.

– Я влюбился! – В тоне Рафика слышалась безысходность и отчаяние.

Я сразу заволновался:

– А почему так грустно? Кто она? Я её знаю? Рассказывай. – Мне стало обидно за друга.

– Саша, я тебя прошу, только никому не рассказывай. Ладно?

– Ара ты что, э-э, за кого ты меня принимаешь? Я когда-нибудь тебя предавал? Сначала думай, а потом обижай товарища. – С обидой в голосе сказал я, а сам сгораю от нетерпения.

– Она такая нежная, такая милая!

– Кто?

– У неё такие удивительные глаза!

– У кого?

– У неё такой ласковый голос!

– Да у кого, чёрт побери?

– У неё такие красивые волосы!

Я чуть не схожу с ума от любопытства, но зная характер Рафика, решил не перебивать.

– А голос? А губки? А фигура? А...

– Слушай, – всё-таки перебиваю его, – может, скажешь, кто она такая, или ты собираешься перечислить все части её тела?

– Саша, ты мне пообещал, что никому ничего не скажешь.

– Напрасные слова на мой ухо не положи! – Пошутил я.

– Нина, пианистка наша. – Наконец-то выпалил он.

У меня пропал дар речи, который, впрочем, сразу же восстановился. Я её прекрасно знал. Рафик, я, Нина и другие ребята играли в одном коллективе. Потом я перешёл в другую музыкальную группу, и с тех пор ни с кем не встречался. Во-первых, она была замужем, во-вторых.... Впрочем, сейчас это не важно, сейчас главное – это разговорить Рафика.

– Что-то, дорогой мой друг, я раньше не замечал, что ты на неё глаз положил. И потом, как быть с её мужем. И ещё, что ты такой грустный?

– Буквально через неделю после того, как ты оставил нашу группу, отправили нас на гастроли в захолустный городишко К-д. В нём была одна гостиница, один дорожный ресторан и никаких развлечений.

– Знаю, знаю, и я там бывал. – Влез я со своей репликой.

– Не перебивай! – Остановил меня Рафик. – В автобусе я сидел с Генкой-барабанщиком, и мы громко разговаривали. Я ему сказал, что голодать не собираюсь, и

моих денег хватит на три месяца гастролей. Со всех сторон слышались подколки и шуточки в мой адрес. Я и не думал реагировать на эти глупости. Через некоторое время Нина поменялась местами с Генкой. «Мне там дуется», – объяснила она. А ещё через несколько минут, взяла меня под руку и положила свою голову на моё плечо. Я замер.

Прекрасно зная Рафика, я сразу представил его состояние. Для скромного, застенчивого, никогда не имевшего подружку парня – испытание не из лёгких.

– Давай дальше я тебе расскажу. Вы вместе ходили на завтрак, на обед, на ужин, всюду были вместе. Правильно? А вот в постель он тебя не пустил, всегда находила отговорки. И теперь, уже вернувшись в Баку, она ни разу с тобой не встретилась.

– Саша, ты циничный дурак. Она мне объяснила, что ей, прежде чем изменить мужу, надо сначала привыкнуть к этой мысли. Понял, урод? И вообще, пошёл ты к чёрту! Не забудь, ты обещал никому об этом не говорить.

Уходя, продемонстрировал свою обиженную спину. Буквально на следующий день, решив навестить обиженного друга, я отправился к нему домой. Вымолил прощение, за свою бесцеремонность. А в качестве компенсации выслушал все его стенания. Заодно Рафик открыл мне глаза на то, «коварство и любовь, всегда где-то рядом».

Спустя несколько дней, гуляя по Торговой улице, вижу Олега, нашего пианиста, разглядывающего афишу. Если вам кто-то нужен, выходите погулять на бакинскую улицу «Торговая» – там вы обязательно встретите нужного вам человека. По крайней мере, в середине

двадцатого века это было именно так. Подхожу, здороваюсь.

– Слышал новость? Рафик-то наш влюбился, правда, просил никому не говорить. – И рассказал всё то, что я слышал от самого Рафика. – А ты разве не знал?

Я отрицательно покачал головой.

– Кого я вижу? – Внезапно раздался голос Виталика барабанщика. – Привет, ребята! Сейчас я вам одну новость расскажу. Упадёте! **Рафик влюбился.**

– Не трепись, врёшь наверно? – Хором отреагировали мы с Олегом.

– Честное слово! Кто врёт того...

– Ладно, рассказывай! Не тяни.

Виталик с упоением и придуманными ситуациями выдал нам всю историю Рафика.

– Только никому не передавайте, ладно? Рафик рассказал мне под большим секретом.

– Хорошо, хорошо, не болтай понапрасну. – Пообещали мы Виталику.

Вскоре историю Рафика знали все музыканты Баку. Наш герой жутко переживал и сокрушался:

– Всё напрасно. И затраченные деньги, и растраченные чувства.

Дорогой мой друг Рафик, а на что ты рассчитывал? А?

Стакан воды

Никогда не думал, что стакан воды порой приравнивается ко всем богатствам мира. Эта мысль о воде преследует человека ежесекундно, и не отпускает.

Нашим первым гастрольным городом в Калмыкии был городок Улан-Холл.... Вообще-то «город» – это громко сказано. Представьте себе пустыню, бездорожье. Ездить на автомобиле одно мучение. Передвигаться можно со скоростью не более тридцати километров в час. И то лишь в том случае, если колёса автомобиля не забуксуют в песке.

Сначала, мы приехали в Элисту – столицу Калмыкии. Мы – это музыканты-срочники Ансамбля Песни и Пляски ККФ (Краснознамённая Каспийская Флотилия). Не дав нам ни минутки отдыха, пересадили нас прямо с поезда в старый, выдавший виды автобус и повезли в этот самый Улан-Холл. Ехали ужасно долго, и всю дорогу думали только о стаканчике воды. Но вместо воды тамошняя природа щедро угощала нас добротным жёлтым, как золото, песком. Песок был везде: в бровях, в носу, в ушах, в трусах, в туфлях, в ногах, на ушах, на зубах, на носу, под ногтями, под ногами, под... ну, не важно под чем, в волосах, в карманах - всё, устал перечислять. Иначе весь рассказ превратится в сплошное перечисление. Едем долго, пока молодого задора хватало, шутили и кривлялись. Кричали и бросались друг в друга разными предметами. Рычали и матерились. Коллектив мужской, и поэтому, бесились никого не стесняясь. Общая мечта

объединяла нас, исполнение которой разъединило бы нас. Мечта простая – стакан воды.

Ну вот, кажется, и доехали. Перед нами город Улан-Холл, всего то два-три десятка домов.. Один из этих домиков – клуб, в котором наш ансамбль должен выступить. На самой окраине расположилась гостиница. Затрудняюсь сказать, сколько звёздочек было у этого отеля, но выглядел он так: деревянная изба, правда двухэтажная, и на каждом этаже по пять-шесть комнат. В комнатах по две кровати, одному столу, по два стула, и неизменный графин с..., а вот и нет, без воды. Нет воды и всё тут!

На наших телах, не было места, свободного от песка, мы жаждали промыться, попить воды, наконец. Нашли женщину, вроде работавшую в этой гостинице, и попросили стакан воды. Она нам доходчиво объяснила, что с водой в этих краях плохо. Мы ей объясняем, что с водой не плохо, а хорошо, вот без воды, действительно плохо. В это время появляется Леонид Александрович, начальник нашего ансамбля, и по-отечески предлагает нам заткнуться и не вякать. Мы, понятное дело, согласились и с тем, и с другим.

А что нам оставалось? Мы, матросы-срочники, народ подневольный.

Уходя, наш начальник объявил: – Через два часа обед, а вечером концерт. Всем выглядеть опрятно! А пока личное время. – Объявил и ушёл. Везёт же человеку, един в трёх лицах. Он и Леонид Александрович, и Начальник, и Майор! Во как!!!

Все разбрелись: кто подшить что-нибудь, кто в туалет,

который находился в пустыне в метрах ста от гостиницы, две маленькие такие будочки. Пока у нас было личное время, майор пошёл утрясти организационные вопросы с городской головой. Не успел майор с ним поздороваться, как тот с ходу:

– Товарищ майор, я в курсе, я всё знаю. Концерта не будет!!! – Торжествующе провозгласил мэр. – Предлагаю вот что, вы никакого концерта не даёте, но я вам всё, до последней копейки оплачиваю. Кроме того, первое: обед – бесплатно, второе: грузовик полный арбузов – в полном вашем распоряжении. Поясняю, если люди отвлекутся на концерт, то на следующий день, даже я не смогу погнать их на работу. Идёт?

Ударили по рукам, на том и порешили.

Наступило долгожданное время обеда. Пришли в столовую, стали интересоваться, «А что на первое, а что на второе?» Выяснилось, что на второе бёрги – такие пельмени гигантских размеров. Ну, мы сразу губу то, и раскатали. Но они оказались платными, – губу закатали обратно. А на первое бесплатные махан-шёлтыган – это большие, варёные куски жирного бараньего мяса. Естественно, пришлось идти по линии наименьшего сопротивления, и взяли мы этого «махана-шёлтыгана». Некоторые «скромники» не забыли взять две, а то и три порции. Поев, что говорится «от пуза», вернулись в гостиницу. Возвращались отяжелевшие, переваливаясь с ноги на ногу. Как? Вы болотных кашкалдаков видели? Это такие утки болотные. Видели, как они ходят? Вот так и мы возвращались, вразвалочку. Правда, наша заветная мечта, как настоящий друг – не покидала нас.

Через час подъехал грузовик, и мы пошли выгружать наши арбузы. Арбузов, оказалось такое количество, что приходилось распикивать их, куда только можно. Под кровать, под стол, под стулья, куда только можно. Поели. Наелись. Ещё поели. Ещё больше наелись. Ещё поели. Всё! Переели! Всё! Больше не лезет. Стали играть в карты, проигравший... правильно, проигравший ест арбуз. А их, чёрт возьми, меньше не становится. Потихоньку стали сходить с ума. Вдруг – наш тромбонист хватает, довольно большой арбуз и с тарзанским воплем сильно опускает его на голову Славика. Ну, тут такое началось... Жалко видеокамер тогда не существовало, вы бы увидели, что драка из кинофильма «Весёлые ребята» имеет бледный вид перед нашей битвой. Славик в долгу не остался. Завязалось «мамаево побоище». Вскоре драка перекочевала в коридор, и мы все охотно приняли участие в этом светопреставлении.

Теперь уж точно – гостиница не тянула даже на ноль звёздочек. «Даже нос и щёки, все в арбузном соке», так, кажется, было в знаменитом детском стишке. А тут, тела у всех, начиная с макушки и кончая пятками, были в арбузе. Это снаружи, а внутри-и-и... О, Боже! Во-первых, жирный «махан-шэльтяган», съеденный на пустой желудок. Во-вторых, арбузы, умятые в фантастическом количестве. Кстати, порция жиров в этом «махани», соответствовало двухгодичной норме среднестатистического матроса срочной службы ККФ.

Эх, стаканчик бы воды сейчас. Но его нет! Всё вокруг липкое: и стол, и стулья, и кровать, и коридор, и стены, и даже потолок. Но молодость, молодость, господи! Нам всё

было нипочём. Правда вид целеньких, сладеньких и спеленьких арбузов, нас жутко раздражал. Не кончались, будь они трижды прокляты. Вышли прогуляться, теперь этот песок стал к нам липнуть с особым остервенением. Вернулись и попали под раздачу. Оказывается, вызвали администраторшу гостиницы, и она стала нам выговаривать, но как-то щадяще. Мы думали, ну всё, сейчас в нас полетят гаубицы, катюши, атомные бомбы. Ничуть не бывало, она ругает вроде нас, но, в то же время, сильно-пресильно жалеет. А чего жалеет – непонятно.

Мы выслушали, и пообещали, что больше такое, ни в жисть не повториться. Она погрозила нам пальцем и сказала: «А я и не сомневаюсь, что не повториться. Точно не повториться!» Уверенно подытожила она.

Мы беспечно разбрелись, и, не зная чем заняться, вяло травили анекдоты. Уставшие от событий и пресыщенные пищей, мы матросы-ансамблисты рано разбрелись спать. Спалось не очень хорошо, всех мучили кошмары. Видимо, смесь всего съеденного, неспособен переварить, даже военно-советский желудок. Правда, некоторым матросам удалось-таки уснуть. Но вдруг, ровно в полночь, начался хичкоковский триллер. Сначала вся округа заполнилась жуткими стенаниями. О, несравненный Артур Донан Койл, где твоё волшебное перо, способное точно описать эти страшные звуки?

Итак, вся округа наполнилась жуткими стенаниями. Затем стали раздаваться автоматные очереди. Источник стрельбы определить сразу не удалось никому. Проснувшиеся матросы вдруг обнаружили, что часть товарищей бесследно пропала. Страх сжимал души этих

морских «дьяволов». Ужас многократно усилился, когда мы почувствовали, что подобные звуки готовы вырваться из наших же желудков. На секунду остановились как вкопанные, вдруг с криками «эврика» бросились вниз к туалетам. Но, увы, даже в крошечной темноте было заметно, что вокруг туалетов, в радиусе двухсот метров всё занято сидевшими на корточках матросами. Все усиленно проклинали чью-то мать, но во втором лице. То есть «твою мать», да «твою мать».

На следующий день, прямо с утра, обнаруживаем большой бак с водой. Нам разъяснили, что расходовать надо экономно. Чёрт с ним – экономно, зато мечта «Стакан воды» исполнилась. Умылись, попили, правда не напились. Обнаруживаем, что наши лица окончательно потеряли свой первозданный цвет, после вчерашнего приключения. Теперь, они стали зелёными, как у инопланетян. Тут кто-то случайно обнаружил, что такие слова как «махан-щёлтяган» и «арбуз» – вызывает у служивых определённый рефлекс. И мы, естественно, не преминули воспользоваться, ещё одним поводом попохмить друг над другом.

Запоминающаяся гастроль – ничего не скажешь.

Сосед по лестничной площадке

Вы просто не представляете себе, как я люблю город, в котором живу. Ну, пуляют в нас разными снарядами, ну, надо успеть спрятаться в бомбоубежище, ну, не заботится о нас правительство. Ну, и что? Зато соседи у нас хорошие, зато дружим, зато есть надежда, что всё утрясётся. Зато, зато, зато!

Напротив нас живут замечательные соседи: Исруль Израильевич, Вера Аркадьевна, их дочь Лида, зять Паша, два внука и внучка. Очень примечательно, что характерами Исруль Израильевич и Вера Аркадьевна, прожившие вместе не один десяток лет, очень сильно друг от друга отличаются. Вера Аркадьевна – абсолютная пофигистка, всё для неё второстепенно, никогда и ни по какому поводу не нервничает, короче, наплевать на всё и точка. И полная противоположность ей – Исруль Израильевич – человек обязательный и исполнительный, если что пообещал – расшибётся, но выполнит. «Так меня учил мой отец, Израиль Моисеевич», – говорил он, тыча пальцем куда-то вверх.

Весь русскоязычный народ нашего блока каким-то образом прозевал объявление о дне и часе учебной тревоги. А ведь объявляли это по всем видам связи, и по радио, и по телевизору, и в газетах об этом писали. Как мы умудрились прозевать, непонятно? Как раз за день до сирены у Веры Аркадьевны разболелась спина, по этому поводу она лежала в кровати и молча, страдала. Исруль

Израильевич, как примерный семьянин, взял на себя всю домашнюю работу. И в то самое время, когда надо было бросать нужные ингредиенты в борщ, завывала сирена.

– Вставай, Веруня, надо бы сбежать в бомбоубежище, – панически взывает Исруль Израильевич.

Вера Аркадьевна дёрнулась было, но боль не дала ей даже пошевелинуться. «Ну и чёрт с ним, пусть будет, что будет», решила она, а вслух, чтобы успокоить мужа сказала:

– Это не тревога, Срулик, а сирена в честь погибших солдат на войне.

«Тем более надо встать и стоять до тех пор, пока сирена не кончится» – подумал он. Но, понимая, что Веруня подняться не сможет, решил отстоять за двоих. Вот и стоит он навтыжку, стараясь вобрать в себя живот, что, в общем-то ему не очень удавалось. Его выдающийся живот никак не поддавался, мало того, всё время старался согнуть Срулика в поклон. Однако старый воин, в своё время не боявшийся фрицев, был непреклонен в своём желании не поддаваться прихотям своего пуза. Тут надо отметить небольшую деталь – сирена, заканчивающаяся в одном городе, тут же начиналась в другом, а радиостанция, на волну которой был настроен приёмник Исруль Израильевича, транслировала все эти сирены, как говорится, в один сеанс.

Простоял наш герой не менее получаса. Поверьте, это очень трудно, я знаю что говорю. За все эти полчаса Исруль Израильевич ни разу не склонился вперёд, а даже наоборот. Так как ненавистный ему живот не хотел отступать от своего принципа – склонить Срулика вперёд,

ему ничего не оставалось, как прогнуться назад. Буквально через пять минут образовалось такое тяжело дышащее полуколесо.

Закончилась сирена, обессиливший Срулик плюхнулся в кресло. Посидел, отдохнул и пошёл принимать свои пилюли. Вера Аркадьевна, видя страдания мужа, лежала, ни жива, ни мертва, не решаясь сказать правду. Если бы он узнал, что так поиздевались над памятью воинов, то точно с ним что-нибудь произошло бы. Исруль Израильевич до сих пор не знает, что же это было на самом деле, никто не рискует сказать правду. Я бы обязательно рассказал, но дело в том, что в тот день я вошёл в их квартиру именно в момент начала тревоги и всё слышал. А как началась сирена, и Вера Аркадьевна сказала то, что сказала, так и я, старый дурак, простоял за компанию эти полчаса навывтяжку....

Налей шампанское и загадай желание!

Уверен, что каждому человеку хоть когда-нибудь приходилось загадывать желание. Впрочем, можно никого и не спрашивать об этом. Я просто знаю ответ: «Конечно, приходилось, что за вопрос?» Согласен, но фокус в другом; просто загаданное желание может исполниться, а может и не исполниться. Но, если налить шампанское, а потом загадать желание и выпить это вино, то оно обязательно исполнится. Возможно, что не полностью. Возможно, что не совсем так, как загадано, но обязательно исполнится. Отсюда вывод: «Бойтесь своих желаний – они могут исполниться». История об Анатолии тому яркий пример.

Открою небольшой мужской секрет. Любой нормальный мужик, повторяю, нормальный, а не извращенец какой-нибудь, нет-нет, да и помечтает побаловаться одновременно с двумя, ещё лучше с тремя женщинами. Если здоровье позволяет, конечно. А без здоровья – это просто пустой мечтатель. Единственное средство избавиться от этой, не такой уж несбыточной мечты – жениться по большой и прекрасной любви.

Толян человек очень основательный, то есть всё всегда должен обдумать, взвесить все варианты, и только потом решаться на тот или иной шаг. К счастью, женился он, ничего не обдумывая, а по большой и безрассудной (в хорошем смысле) любви. Жена Толика Ира была, как говорится, статной красавицей. Глаза её выражали любовь

и обожание к мужу, к детям. Будучи точными в описании этой пары, следует сказать, что муж и жена отлично смотрелись вместе: он высокий и стройный, она модель в самом идеальном воплощении.

В описываемое время Толик работал на заводе в одном из кибуцев электриком. Работа хорошо оплачивалась, и уважение среди сослуживцев тоже наблюдалось.

– Толяныч, слушай сюда, – однажды обратился к Толе коллега по цеху Боря, – я приглашаю тебя на свою свадьбу. Это моя первая свадьба, так что приходи. Я всех уже пригласил.

– Боря, я так понимаю, что потом последуют и вторая, и третья свадьбы. – Мгновенно отреагировал, не лишённый чувства юмора Толя.

– Да ладно, чё ты, – чуть не обиделся Боря, – ну, не так выразился.

– Ладно, ладно давай пригласительный билет. Успокойся, я пошутил.

В назначенный вечер, с четверга на пятницу, вся бригада сидела за столиком, недалеко от танцевальной площадки. Так получилось, что Толя сел спиной к площадке и ни на что не отвлекался. Шутил с ребятами, пил по чуть-чуть, закусывал, вёл себя раскрепощенно. Немного повеселев, предложил ребятам тяпнуть по бокалу шампанского. Никто его не поддержал в этом импульсивном порыве испить столь благородного напитка. А Хаим обиженно, и даже немного с завистью, сказал:

– Ты же знаешь, что моя норма – две баночки пива, и одну из них я уже выпил.

Все знали, что если норма превышалась, то Хаим сразу

бежал пугать унитаз, а потом, лёжа с ним в обнимку, долго не мог придти в себя. Толя заказал себе бокал шампанского и, прежде чем выпить, вспомнил и загадал своё давнее желание. Не так, чтобы оно исполнилось, а просто из озорства. Выпил, пузырьки приятно пощекотали нёбо. Смесь разных напитков несколько опьянила Толю, но слегка. В это время Коби, сидевший рядом с Толей, ткнул его в бок:

– Ты голову свою поверни и посмотри, что там творится! – Восторгался Коби, а глаза при этом горели неприкрытым огнём желания.

Толя повернулся: многие гости всю танцевали, но среди них выделялись три, довольно смело одетые девицы, выделявая очень недвусмысленные движения. Одна из них высокая полноватая блондинка, вторая невысокая рыжуха, а третья как будто только что сошла со страницы журнала «Плейбой». Толик усмехнулся и продолжил вечернюю трапезу. Через несколько минут чьи-то женские руки опустились ему на плечи:

– Молодой человек, а можно пригласить вас на белый танец? – Раздался приятный женский голос.

Толик обернулся: это была именно та, что сошла с журнала.

– Можно. – Коротко ответил наш герой, и пошел с ней танцевать.

Во время танца познакомились. Её имя звучало более чем экзотично – Пиана. В танце Пиана касалась его тела, причём неожиданно и в самых неожиданных местах. Она весело что-то щебетала, и сам тембр её голоса сулил неземные удовольствия. Толя, как примерный семьянин,

на подобные соблазны не вёлся. Станцевали ещё и ещё, стало очень весело. После каждого танца они расходились по своим столикам. Садясь на своё место, Толян не забывал принять ещё стопочку водки под шашлычок. Коби бросал на Толю взгляды, полные зависти, и даже (каков наглец!), ненависти. Иногда сокрушался:

– Ляма ани лё йодеа русит? (Почему я не знаю русского языка?) – Не понимая, что дело не в этом, а в том, что ему не хватало обаяния и флюидов, действующих на женщин безотказно. Толя всеми этими качествами обладал с лихвой, но не пользовался ими.

Хаим, приняв лишку, занялся своим ненавистно-любимым делом – уселся в обнимку с унитазом. Ребята не могли согласиться с подобным явлением, вызвали такси, усадили сопротивляющегося Хаима в него, заплатили и отправили домой. Уже было поздно, и почти все гости собирались разъехаться по домам.

– А нас ты развезёшь? Не оставишь же трёх мёрзнувших девиц коченеть здесь, – кокетливым нежным говорком сказала Пиана.

Хоть и набрался изрядно наш герой, благородство всё равно превалировало над здравым смыслом. «Ничего со мной не случится, если и развезу их по домам», – беспечно рассуждал Толян. Он был уверен, что все живут недалеко от Хайфы, где проходила свадьба. Как только отъехали, раздался голос рыжей Жени:

– Мне в Маалот, Толечка.

– А мне в Кармиэль, – добавила блондинка Лика.

Не успел Толик как-то отреагировать, как почувствовал руку Пианы на своём колене. Непроизвольно

остановил машину, девицы как будто только этого и ждали. Осыпали его поцелуями и шарили руками, где ни попадая. «Сбылась мечта идиота», – подумал Толя и медленно поехал, иногда закатывая глаза. Видя его реакцию, девицы оставили его в покое. Дорога заняла немало времени. Довёз и Женю, и Лику, а Пиану повёз в Наарию, она там жила.

Заехали в Наарию, здесь Пиана попросила остановить машину недалеко от моря в безлюдном месте, и забралась к Толе на колени.

Конечно, совсем не трудно описать в подробностях всё то, что происходило в автомобиле. Но сей литературный жанр требует соблюдения приличий и элементарных канонов стилистики. Если кому-то так уж не терпится узнать о происходивших действиях, то откройте любую книжку эротического содержания, и вам откроются некие тайны взаимоотношения полов. Чуть не написал голов вместо полов. Что касается голов, то они настолько разгорячились, что мыслительные функции начисто отключились и соответствовали цифре ноль.

Завершив нафантазированно-спонтанные действия, отдышались, решили попить кофейку в ближайшем заведении, благо подобное заведение находилось вблизи. За чашечкой кофе Пиана заглядывала ему в глаза, что-то щебетала о своём одиночестве и хотела, чтобы и он пооткровенничал с ней. Толян сдержанно молчал, его занимали мысли о себе: «Слабак и сволочь! Сволочь и слабак, вот ты кто, Анатолий! Не удержался? Вот и грызи себя всю жизнь». Он никак не мог простить себе измены жене, и не мог никак вспомнить дал, он её свой номер

мобильника или нет. Посмотрел на часы, до начала Толиной рабочей смены оставалось два часа. То есть ночь пролетела, как одно мгновение.

– Поехали по домам. – Решил Толян.

Вернулись в машину, можно ехать. Но, вот тебе сюрприз, мотор не заводится. Разобравшись в причине поломки, Толя понял, что застряли крепко, и занервничал. Пиана тут же захотела успокоить его, своим обычным способом, но Толины мысли были не с ней, а дома со своей Ирккой. Вызвал такси, проводил Пиану домой, а сам напрямик на работу. По дороге позвонил домой, сообщил о поломке. На работе начальник бригады Ави ни в какую не соглашался отпускать Толю домой, ссылаясь на нехватку работников. Вскоре началась утренняя рутинная пятиминутка, на которой хотелось спать даже тем, кто хорошо выспался. Вся бригада сидела за длинным столом. Толя подпёр лицо ладонями, чтобы не клевать носом, и изо всех сил старался не уснуть. Вдруг раздался страшный взрыв, Толя ошалело открыл глаза. Оказывается, он все же уснул, руки разъехались в разные стороны, и он стукнулся головой о стол. Никакого взрыва не было, вернее, был, но слышал его только наш герой повествования. Все присутствовавшие, будучи тактичными людьми, сделали вид, что ничего не произошло.

Собрание продолжалось. Толя снова принял единственно возможное положение в данной ситуации, опять подпёр лицо ладонями. Через некоторое время в голове Толи раздался ещё один взрыв, на этот раз превосходивший по громкости взрыв атомной бомбы. На лбу сразу выросла шишка, соизмеримая с наливным

яблочком, именуемым – «ранет бергамотный». На сей раз бригада рыдала от смеха. Не успели отрыдаться, как пропищал Толин мобильник. Любопытство несмотря на боль взяло вверх. Толя прочитал: «Как ты себя чувствуешь, мой родной?» Эсэмэску отправила Пиана. «Значит, я всё же дал ей свой номер», – с горечью подумал Толя и решил не реагировать.

После пятиминутки бригадир Ави отпустил Толю домой. Толян сразу позвонил своему другу, а так как хорошо разбирался во всех механизмах, то рассказал о том, что сломалось и какую деталь нужно заменить. Вскоре они с другом машину починили, и Толя поехал домой высыпаться. Ира ждала его с нетерпением, а когда увидела, то чуть не расплакалась:

– Бедненький мой! Намучился! – Причитала она, целуя его.

Толян принял душ и отправился спать. Ира плотно прикрыла дверь в спальню и наказала детям не шуметь. Он с наслаждением растянулся в кровати, предвкушая сладкий сон. Раздался звонок мобильного. Звонила Пиана. Ира влетела в спальню:

– Ну что за люди, и отдохнуть не дадут. Давай мобильник сюда, я всех отучу мешать тебе.

– Нет, нет, – прикрыв трубку ладонью, прошептал Толя. – Это Ави, а телефон я выключу.

Ира, покачав головой, вышла из комнаты.

– Слушай меня, Ана, – Обратился к Пиане Толя. – Я очень тебе благодарен за ту ночь. Не надо ничего опоплять. Оставим это, как приятное воспоминание. Ладно?

– Ладно, – спокойно ответила Ана, не реагируя ни на новое имя, ни на его решение, – просто у меня на этот счёт своё мнение. Ты наверно, хочешь спать? Мешать не буду, но мы обязательно встретимся и всё обсудим. Спи, мой милый! Спи, мой неутомимый мачо!

Несколько минут Толя не мог уснуть, но молодость взяла своё, и он крепко без сновидений, уснул. В воскресенье началась новая трудовая неделя. Вся бригада обсуждала свадьбу. Хаим всё время сокрушался: «Лё испакти литом коль а-охель» (Не успел испробовать всю еду). Коби ныл не переставая: «Эйзе бахурот, эйзе бахурот йафот!» (Какие девушки, какие красивые девушки). Только Толян отмалчивался. Первая воскресная «эсэмэска» пришла через час после начала работы, остальные поступали с периодичностью в полтора часа. Звонок Пианы застал Толю по дороге домой. Он предельно вежливо, но достаточно доходчиво объяснил ей, что никакого смысла в её домогательствах нет. Объяснил причину, пожелал всех благ и, уверенный, что она всё правильно поняла, хотел дать отбой. Не тут-то было:

– Подожди вешать трубку, милый мой. Ты запомни одно – меня сбрасывать со счетов нельзя. До встречи, мой милый мачо.

«Ну, ты попа-А-л!» – произнёс вслух Толя, когда дал отбой. Но сдаваться он не собирался. «Ага, разбежался! Из-за этой дуры набитой (автор подозревает, что эпитеты в её адрес, были посерьёзнее, чем «дура набитая») я не собираюсь бросать своих родных.

Жизнь бедного Толика превратилась в ад. Звонок в три часа ночи разбудил Толю первого:

– Тьфу, чёрт, неправильно настроил будильник, – проворчал он, и выключил мобильник.

Ира, пробормотав «не нервничай», обняла его и заснула. На следующий день номер мобильного был другим. Но в нашем бренном мире, возможно, всё, что угодно. Несмотря на то, что домашний телефон был записан на Иркиных родителей, всё равно Пиана нашла нужный номер и позвонила к Толе домой. Толя поднял трубку, (вот повезло, так повезло) пообещал встретиться с Пианой и, только повесив трубку, облегчённо вздохнул. Вечером, сидя рядом с Ирой на диване, Толя предложил отказаться от домашнего телефона:

– Мы что, мало платим за мобильники? Завтра же отказываемся от домашнего телефона. Пустая трата денег! – С жаром доказывал он.

– Толечка, ты что? Никогда не замечала за тобой подобных вещей. Хотя, делай что хочешь.

Итак, телефон отключён, номер мобильного изменён – дыши спокойно, Толян! Не-а, Пиана и здесь оказалась на высоте. Звонок на новый номер застал Толю врасплох. Всегда спокойный, уравновешенный, никогда не грубящий и никогда не унижавший женщин, Толян рассвирепел не на шутку:

– Я тебя убью!!! – Тон Толяна, был настолько спокойно-угрожающим, что не поверить было невозможно

– Ой! – Пискнула испуганная скорее его тоном, чем словами Пиана. – Ой!!! – Ещё раз пискляво прохрюкала она, и (надеемся) навсегда забыла Толины координаты.

Спокойствие Толяна восстановилось, и когда самый большой начальник пригласил всю их бригаду на свадьбу

дочери, Толя, уверенный в себе, отправился на неё. Его попутчиком оказался сослуживец, местный парень по имени Ицхак. Свадьба должна была состояться в центре страны, в доме торжеств под названием «Счастья вам, молодые!». Доехали без приключений, припарковали машину, убедились в том, что здесь состоится свадьба Ошри и Далит, вошли внутрь, бросили в специальный сейф деньги и решили расслабиться.

На израильских свадьбах в фойе всегда есть, что выпить и чем закусить. Наши герои с радостью накупились на это добро. Подкрепились. Заглянули в зал. Никого нет. Народ не собирался, и мало того, ни одного столика, предназначенного для электриков, не нашли.

– Ицхак, давай ещё раз спросим, может мы не туда попали.

Спросили. Всё правильно и название дома торжеств, и имя жениха, и имя невесты, но одно было неправильным – это название кибуца, откуда родом Ошри и Далит. Для уточнения вызвали администраторшу. Явилась роскошная израильтянка потрясающей красоты и взором, убивающим всех мужчин наповал. Ей объяснили ситуацию. Она, не отрывая взгляда от Толика, со смехом сказала:

– Ребята, мне очень жаль, но вы попали не на ту свадьбу.

Оказывается, в нескольких километрах отсюда есть ещё один дом торжеств с таким же названием, и по случайному стечению обстоятельств, сегодняшних сочетающихся браком зовут именно Ошри и Далит.

– Так что, ребята, торопитесь туда. – Задыхаясь от смеха, еле договорила красавица.

Конечно, надо торопиться туда, но как быть с деньгами, которые уже в сейфе?

— Здесь я вам помочь ничем не могу. Ключик от сейфа висит на шее жениха. Они приедут через час, потом начнётся хупа, потом гости будут веселиться, и только после свадьбы я и несколько гостей вместе откроем сейф и вытащим все конверты с деньгами, — и, обращаясь к Толяну, продолжила, — езжайте туда, а потом найдите меня, и мы вместе поищем ваши деньги.

Делать нечего — поехали на нужную свадьбу. Конечно, все места были уже заняты, и их пристроили где-то на задворках. Хозяин свадьбы, то есть самый большой начальник, ухохотался и развеселился от их приключения. Только у наших героев настроения никакого не было. Тем не менее, слегка выпили и поели, еле дождались окончания мероприятия и отправились за своими кровными шекелями.

Оказалось, что там все перепились, в том числе и администраторша. Искать нужное среди пятисот совершенно одинаковых конвертов не представлялось возможным.

— Послушай, сладкий мой (мотек шели), ровно через неделю я буду в Хайфе на свадьбе моей подруги, и могу привезти ваши деньги. О-кей? — Сладкоголосо проворковала красотка. Затем отведя Толю в сторонку, добавила. — Отправляй своего друга домой, и поехали со мной, отлично проведём время.

— Нет, нет, никак не могу, мы приехали вместе на моей машине. Ему, просто не на чём ехать домой.

— Жаль, жаль! Ладно, значит, через неделю?

Прошла неделя, Толя поехал за деньгами, логично рассуждая, что тогда она была пьяная, а сейчас всё наверняка позабыла.

Она встретила его, как самого дорогого человека. Поцеловала дважды, отдала деньги и томно сказала:

– Нафтали, (она так называла его) я для тебя держу место. Повеселимся, а потом поедem ко мне. О-кей?

– Бетах о-кей! (конечно о-кей). – Ответил Толян, и добавил, – только схожу в туалет.

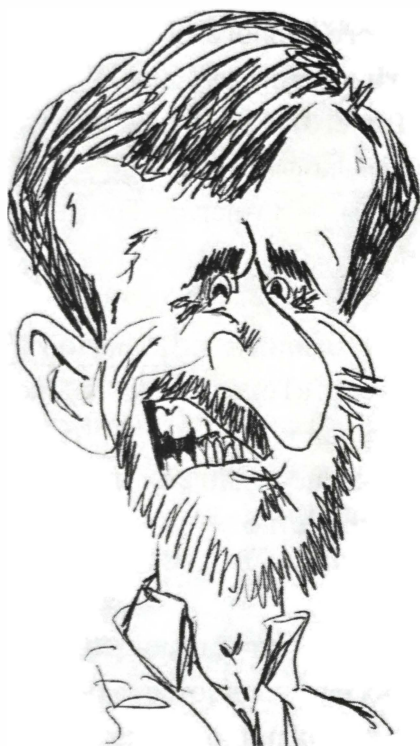
– Иди, мотек, иди.

Анатолий вышел наружу, сел в машину, завёл мотор и поехал домой. Всю дорогу повторял: «Толя, ты не только слабак и идиот, но и порядочный трус».

Что он хотел сказать этим, известно лишь ему одному. А кто его знает, а может, и ему не известно.

Кошмарный сон Ниджадыча

Ниджадыч радостно

потирал руки. «Наконец-то! Наконец-то этот вопрос будет решён! Этот нарыв будет вскрыт! Этот народ исчезнет навсегда! Весь мир будет мне благодарен!»

Тепло от тапочек с подогревом приятно разливалось по его ступням. Готовясь ко сну, он ещё и ещё раз прокручивал в мозгу сегодняшнее заседание, организованное и проведённое им же. На заседании присутствовали его близкие друзья: Мочила Сортиркин, Ево Баналес, Уго Чавкис, Сашка Лукошко и Мяу Мне Дай.

– Господа, – начал Ниджадыч, – уже XXI-ый век на исходе, а мы не сделали главного. Мы не решили еврейского вопроса. Неужели мы не способны сделать последний, самый важный шаг? А? Я вас спрашиваю! Я же смог вас убедить принять нашу веру, нашу религию. Пусть не всегда уговорами, пусть с применением оружия, пусть с миллионными жертвами, но какое сейчас это имеет значение? Главное, сейчас вы понимаете, что наша религия – единственно правильная. Все приняли её, правда Австралия долго сопротивлялась, но и они поняли, что против тотального террора нет приёма. Только эти недоумки остались, не хотят никого другого, кроме своего

иудейского Бога. Европа почти не сопротивлялась. Америку мы победили изнутри, да и президент был нашим человеком. Даже теперь, когда Израиль остался без всякой помощи, не хочет сдаваться. Они ещё не поняли, что с нами бороться бесполезно. У меня есть гениальный план, склонитесь над столом и я вас в него посвящу.

Он так боялся мossaдовской прослушки, что всё говорил шёпотом и намёками. Все склонились. Выслушали внимательно. Согласились, что план супергениален.

– Здорово! – Почтительно склонившись в поклоне, воскликнул Мочила Сортиркин.

– Я потрясён! – Подхалимски согнулся Ево Баналес.

– Нет слов! – Неестественно громко прокричал Уго Чавкис.

– Впечатляет, впечатляет! – Двадцать раз повторил Сашка Лукошко.

– Халясо, халясо! – Плясал Мяу Мне Дай.

– Всё-всё, пошли вон исполнять мой приказ. – Брезгливо отвернулся от них Ниджадыч.

Теперь, перед сном вспоминая заседание, Ниджадыч наслаждался своей находчивостью и будущими результатами. В то, что план удастся, он нисколько не сомневался. Чтобы убедить все народы в собственной демократичности, Ниджаныч великодушно разрешил оставить оригинальные названия стран. Требовалось лишь, перед названием поместить слово «Ислам». Таким образом, появились страны – Ислам Россия, Ислам

Венесуэла, Ислам Китай и так далее.

Всем, без исключения, надлежало молиться по пять раз в день. Некоторые новички, во время молитвы, расшибали себе лбы, принимая непривычные, неудобные позы. Но человек, как известно, привыкает ко всему, в том числе и к неудобным позам.

«Ну, всё, на сегодня хватит. Пора спать». Подумал

Ниджадыч, сладко зевнул, прочитал молитву. Затем улёгся на кровать, настраиваясь на приятный сон. Сон не заставил себя долго ждать.

Сон:

Иерусалим. Полдень. Улицы заполнены местными жителями. Все радостны, улыбаются, ничто никого не тревожит. Слышен разговор двух соседей:

– Абрам, а что теперь мы будем делать? Вокруг одни враги. Что с нами будет? – Спрашивает Моше просто так, из чистого любопытства.

– Да всё понятно, – отвечает Абрам, – неужели ты думаешь, что еврейская голова ничего не придумает.

«Нет, нет – это плохой сон. Надо его перебить». Подумал Ниджадыч, открыл глаза и сел на кровать. Взял с тумбочки стакан воды, выпил и снова улёгся, укрывшись с головой.

Продолжение сна:

Здание Кнессета. Кабинет Главы Государства Израиль. Глава принимает Главного Раввина страны. Вначале разговор носил лёгкий непринуждённый характер, со всеми этими «Ма нишма?», «Беседер» и так далее. Затем заговорили по-деловому:

– Всевышний говорил со мной, – начал Главный Раввин, – он сказал, что в назначенный час мы должны будем быть готовыми к полёту. Говоря проще, в нужное время все евреи мира, в том числе и имеющие

хоть какую-нибудь частичку еврейской крови, окажутся в гигантском космическом корабле под названием «Ковчег». В течение короткого времени «Ковчег» доставит их на планету Ялмез. Эта планета создана Богом по точному подобию земли. В завершении Создатель сказал: Живите! Плодитесь! Размножайтесь! Радуйтесь жизни! Всё, что от вас требуется, так это помнить обо мне и жить друг с другом в полном понимании и согласии.

Мгновенно постель Ниджадыча стала мокрой. Он даже подумал: «Неужели я так вспотел от страха?». Вскочил с постели, и чтобы не думать о неприятностях, взялся за стакан воды, но потом благоразумно положил его на место. Кто знает, а вдруг вода спровоцирует болезнь, преследующую его с детства. Помолился, вымаливая крепкий сон без сновидений, и снова улёгся.

Продолжение сна:

Панорама планеты Ялмез. Те же континенты, что и на Земле! Те же города и страны, что на Земле! Те же дворцы и замки, что на Земле! Евреи довольные переменами в своей жизни, живут припеваючи, но, при этом хорошо и увлечённо работают. Созидают. Создают новые проекты. Населения увеличивается быстрыми темпами. Евреи помнят о прошлой жизни на Земле и надеются когда-нибудь навестить её и рассказать о своей новой Родине.

«Нет, нет и нет!» – Вскричал Ниджадыч, порываясь встать с постели, но сон цепко держит его в своих объятьях, заставляя досмотреть всё до самого конца.

Продолжение сна:

Панорама планеты Земля. Все народы Земли ликуют. Тут и там раздаются крики: – Слава Аллаху, их нет, он прибрал их к себе. Аллах Акбар.

Через короткое время на территорию Израиля предъявляют свои права несколько окружающих её стран. Америка, Азия, Европа - все хотят эту территорию. Позже присоединяется Южная Америка, Африка и даже Австралия. Везде живут потомки арабских стран, и они не могут смириться с тем, что что-то достанется не ему, а кому-то другому. Начинается что-то страшно-кошмарное. Дерутся все со всеми – сказывается долгое отсутствие общего врага. Кто с именем Аллаха, а кто и проклиная его (да, да есть и такие) - все воюют за власть над еврейской землёй. Кровь льется рекою, сыновья идут против отцов, народы - против народов. Геи (страшно подумать, такого еще не было) против лесбиянок. Кто-то вспоминает об идеалах коммунизма. Но есть что-то одно, что делает всех похожими друг на друга – потеря человеческого облика, жажда отхватить кусок пожирнее. Вдруг кто-то распространяет клич: «Найти и наказать главного виновника наших бед!»

Ниджадыч вздрогнул. «Смотри, смотри до конца», – послышалось ему, и он покорно остается в своей мокрой постели.

Воюя, люди перестали заниматься производством продуктов питания и вообще чем-либо, кроме войны. Наступил полный хаос. Всем стало ясно, что пока жив

Ниджадыч, им из этого, нехорошего дела не выбраться. Народ явился во дворец с криками: «Выходи, подлый трус». «Мы поступим с тобой так же, как ты поступал с другими людьми, в том числе и с единоверцами!»

Ниджадыч скинул оцепенение, окончательно проснулся, выбрался из постели и кинулся почему-то к зеркалу. Увидев себя, поседевшего и постаревшего, горестно покачал головой. Вдруг (о, ужас!), заметил такое, что сразу обмочился, и чуть не об..., ладно, не важно. У него выросли полноценные добротные пейсы! Плаксивое выражение лица растопило бы сердце самого жестокого палача. Рыдая в голос, Ниджадыч сел за письменный стол и стал готовить речь для сегодняшнего, незапланированного заседания, в которой предлагал повременить с полным уничтожением всех евреев. Видя, что полноценной речи не получается, на всех документах написал красным цветом «Отказать!» «Отказать!!» «Отказать!!!» В голове крутилась русская пословица: «Не буди лихо, пока оно тихо». Он не знал русского языка, но, удивительное дело, он прекрасно понимал смысл этого выражения. С этой ночи бессонница поселилась в голове Ниджадыча, прочно и навсегда.

Собрание - II

Вы обратили внимание, что на любом собрании присутствующие делятся на две категории? Это те, кто «за» и те, кто «против», причём, и те и другие ещё понятия не имеют, о чём будет разговор. Долго ждал я, очередного, собрания жильцов. Спускаюсь в вестибюль. Народ в сборе. Раздаются призывы соблюдать тишину. Иногда раздаётся восторженное «Ма нишма?» (Что слышно?), и ещё более восторженно-радостный ответ «Беседер!» (В порядке!). Председательствующий Моше:

– Господа, господа, давайте пораньше начнём, и быстрее закончим. У нас всего один вопрос и мы управимся с ним «чик-чак» (очень быстро – иврит).

Итак, приступаем. – Последнюю фразу он вынужден был

прокричать.

Пока Мошико (уменьшительно-ласкательно, от имени Моше) произносил вступление, то и дело раздавались восторженные возгласы «Где пропадаешь?», «Давно тебя не видно» или проще «Эйзе маньяк ата!» (какой ты, однако, маньяк). К последней фразе следует отнестись легко, он выражает всего лишь восхищённо-дружеское отношение одного к другому

– Один вопрос, и вот в чём он заключается. Одним из наших жильцов является уважаемый наш сосед – Амрам. Все вы знаете, что он инвалид, и без костылей ходить не может. На прошлом собрании, которое длилось более двух часов, его не было. Пришёл он, когда все уже расходились.

– Может, ты перейдёшь к сути, а то всё вокруг да около? Сколько можно слушать одно и то же. – С нескрываемым презрением произнесла Хана. И ещё тихонько добавила, – всегда этот Моше делает то, что ему заблагорассудится.

Моше, не обращая никакого внимания на реплику, продолжил:

– Вот и сейчас Амрама не видно. Появившись в конце прошлого собрания, он сразу потребовал от меня, чтобы никто не расходился, так как он хочет сделать заявление и кое-что потребовать от присутствующих.

– Долго будешь голову морочить? Переходи к сути! Что за человек? – не унималась Хана.

– Хана, уймись, – тихонько на ухо промямлил муж, – неудобно же!

– Успокойся и помолчи. Ладно? – огрызнулась Хана.

– Я ему объясняю, – продолжал Мошико, – почти все разошлись, я не могу силой удерживать людей. Тогда он пригрозил, что я об этом пожалею. Поднялся я после собрания домой и через час (а время уже было половина двенадцатого) раздался громкий стук в дверь.

– Скажи-ка, Моше, долго ты нам будешь сказки рассказывать? – включилась Номи, подружка Ханы, – одно и то же, одно и то же.

Моше, имея опыт работы с подобным контингентом, знал, что главное не вступать в полемику, и поэтому спокойно продолжал:

– Мало того, что было поздно, и вдобавок я ему ещё и объяснил, что мой маленький сын уже спит, так он всё равно пытался вломиться в квартиру. Только после моих угроз позвонить в полицию он ушёл, но на этом эта история не закончилась...

– Между прочим, мог бы, и выслушать человека, или совсем возгордился. Тоже мне «председатель домового комитета». – С нажимом на последней фразе сказала Номи.

– А, может, послушаем до конца. – Примириительно вставил Виктор.

– ... но на этом ничего не закончилось, – пытался продолжить Мошико. – На следующий день он явился, когда меня дома не было, и втолковывал моей жене, что я дома и с нетерпением жду его.

– Угостили бы человека чашечкой кофе... Что, нельзя? – Желчь Ханы была через край.

Моше понял, что пора переходить к сути.

– Прежде чем перейти к основному вопросу хочу сказать, что благодаря телекамерам, установленным мною, мы знаем, кто испортил замок запасной двери.

– Замучил ты нас этими камерами - здесь камера, там камера. Сколько можно? – разъярилась Хана.

– А чем вам они мешают? Не в вашей же квартире они установлены.

– Ааа, Ааа, Ааа, – промучила-прокричала-пропищала-промычала-проскрипела-простонала-прохрипела Хана, причём первое «а» звучала где-то высоко, а потом, по нисходящей, вниз. – Надеюсь, теперь все слышали, он

хочет установить по камере, а может и не по одной, в наших квартирах, а может и в наших ваннных комнатах. Он серийный маньяк, он хочет следить за женщинами, он, он, он, – задыхаясь, повторяла она.

Честно говоря, мне так стало жалко Хану, что хоть прямо записывайся в феминистки.

– Хана, успокойся, не позорь себя, – прошептал ей на ухо муж.

– И ты такой же, вам лишь бы властвовать над нами, женщинами. Но этому будет положен конец. Уйди от меня. Женщины, одумайтесь! Они не считаются с нами, надо что-то делать. – Вопила она, никому не давая вставить и полслова.

Только Номи удалось вставить свои три копейки:

– Зу акива тоталит!!! Зе Ка-Ге-Бе!!! Анахну ло хаим бе зман шель Сталин!!! –

(Это тотальная слежка!!! Это КГБ!!! Мы живём не во времена Сталина!!!) – Задыхалась она.

Моше примирительно поднял руки вверх, и, помня, что лучше не акцентировать своего внимания на подобных вещах, продолжил разговор об Амраме:

– Буду краток: он хочет, чтобы мы сделали для него лично самооткрывающиеся входные двери, и чтобы никто другой и не смел пользоваться ими.

– А где он сам? – поинтересовался спортсмен с пятого этажа Виктор.

В это время на новенькой инвалидной коляске въезжает Амрам. С кротким выражением лица, присущим ангелу, начал свой спич:

– Еш хок ба мединат Исраель ше омер: ле коль эзрах еш зхут лихёт бе кавод. (В государстве Израиль есть закон, и он гласит: каждый гражданин имеет право на достойное существование – иврит).

– Амрам, ты прав, вне всякого сомнения, но давай бли-

же к делу. У всех есть дела, всем хочется домой и... – Виктор хотел ещё что-то добавить, но грозный рык Ханы застал его врасплох, он оторопело уставился на неё и совершенно потерял нить разговора.

– Как ты смеешь прерывать инвалида! У человека наболело, а ты его даже слушать не хочешь? Стыд тебе и позор!!! – бросила она Виктору и брезгливо отвернулась.

– Веди себя прилично! – присовокупила Номи. – говори Амрам, мы тебя слушаем.

– Я взываю к справедливости и милосердию, хочу только напомнить: «Еш хок ба мединат Исраэль»...

– Видимо, это собрание никогда не закончится. – Совсем негромко подвёл итог Зоар.

– Вот! Вот в чём беда всего еврейского народа! – Выставив указующий перст кверху, начала Хана свою гневную тираду. – У всех народов женщина – это основа всего живого на земле. Только наши мужчины этого не понимают. Им бы только удовлетворить собственные... – запнулась, оглядела всех мужиков и чуть ли не с криком «Эврика!», повторила, – им бы только удовлетворить собственные амбиций.

Все с облегчением вдохнули. Иди, знай, до чего может договориться Хана. Бедная Хана не знала, что «Бог первым создал мужчину, чтобы он успел хоть что-нибудь сказать».

Тут Амрам набрал побольше воздуха, и опять затянул свою жалобную песнь:

– Еш хок ба мединат Исраэль...

Тут уже даже Хана не выдержала.

– Мотек шели, тагид ма баая, ве анахну наазор леха. Беседер? (Душечка моя, скажи, что за проблема, и мы поможем тебе. Ладно?)

– Если дадите сказать до конца, то всё поймёте, – И снова «еш хок»... и далее по тексту.

Теперь все поняли, что лучше помолчать, дать ему

выговориться, и тогда собрание когда-нибудь закончится. Из всего монолога выяснилось два момента, что «еш хок...» и надо сделать индивидуальные двери для Амрама, которыми никто не будет иметь права пользоваться. В это время один из соседей шепнул мне на ухо:

– Я сам видел, как Амрам стоя на костылях у двери, посмотрел на меня и вдруг упал. Представляешь? А они не хотят помочь инвалиду.

– Ну, а ты помог ему подняться? – автоматически спрашиваю его.

– Ма, иштагата? (Что, с ума сошёл?). А если меня же и обвинят в его падении. И вообще, я торопился на работу. – Посмотрел на меня обиженно, потом с недоверием, и ушёл гордой походкой.

Мошико, видя нетерпение населения, предложил проголосовать и решить – быть индивидуальным дверям или нет.

– Амрам, а ты готов доплатить, если собранных денег не хватит? – спросил Моше.

– А вы сначала проголосуйте «за», а потом я отвечу. – Кротко, по ангельски ответил Амрам.

Все напряглись, что-то в таком ответе наводило на грустные думы.

– Я выяснял, – не отставал (от кого не отставал? Лучше «продолжал») Мошико, – такие двери стоят примерно десять тысяч шекелей, а у нас в кассе только девять. Так что, мотек, (душечка) тысчонка с тебя.

Вдруг этого кроткого ангелочка прорвало:

– Вы все чокнутые на всю голову! Чтобы я что-то платил!!! – его гнев грозился перейти в ураган «Катрин».

Тут вмешалась сама судьба в лице нашего соседа по фамилии Зыркин. За глаза мы его называли и «Зырткин» и «Пырткин» ничего не поделаешь, такой мы народ – жестоковыйный. У Зыркина есть нехорошая привычка, он часто засовывает большой палец правой руки в брюки, там, где находится пряжка ремня. Остальные пальцы, кроме указательного, складывает в кулак. А указательный он выпрямляет и направляет вниз. Получается, что палец указывает на некий мужской предмет, название которого интеллигентные люди вслух не произносят. Итак, не меняя своего жеста, Зыркин, при мёртвой тишине, подошёл к истцу и внимательным долгим взглядом уставился на него.

Тот непонимающе уставился на Зыркина, потом взгляд его пошёл вниз и ещё ниже, и наконец, упёрся в указательный палец. Он всё понял – не видать ему собственных дверей так же, как и собственных ушей. Пробормотал, что «еш хок...», затем голосом, вдруг зазвеневшим металлом пригрозил «вы ещё очень пожалеете». Когда Амрам укатил – все вдруг куда-то заторопились и мгновенно разошлись.

Обиделся человек, и чтобы хоть как-то утешить себя, купил себе новенький «Мерседес». Не сразу, нет, а через две недели. Наверно понадобилось время, чтобы поднакопить денег.

Жаль, что пока не удалось выяснить, что же означала фраза Амрама «вы ещё очень пожалеете». Ждём-с суровых санкций, господа.

Как я стал заикой

Вы думаете, что купить мебель и не стать заикой, это дело лёгкое? Да ничуть не бывало!!! Иногда маленькое, незначительное обстоятельство меняет всё. И вы или ничего не покупаете, или готовы скупить весь магазин, или... Вот в этом «или» всё и заключается! Несколько

лет назад не смотря на свою нищету, я решил жениться. Безденежье просто убивало, и на какие деньги купить свадебный костюм, я не знал. Моя, тогда ещё невеста, беспечно, но уверенно сказала:

– Ну, шо ты страдаешь? Поехали в самый лучший магазин и купим тебе костюм.

Никакие мои уговоры на неё не действовали, всё, что её интересовало, так это сколько денег я готов заплатить за понравившийся мне костюм. Входим в шикарный магазин, и глаза мои разбегаются в разные стороны. Я сразу понял, что с теми несчастными восьмьюстами шекелей мне здесь делать нечего. А раз дело обстоит таким образом, так кто мне мешает хотя бы примерить самый лучший костюм? Примеряю – размер мой, цвет – самый красивый, покрой – самый модный, цена три тысячи двести шекелей. То есть, в четыре раза больше, чем у меня есть.

Подошёл хозяин, и любезно улыбаясь, стал расхваливать товар. Я тяну невесту домой, а она мне:

– Знаешь что, дорогой, ты стой здесь, а я войду с ним в

его кабинет и уговорю его.

Я бы ни за что не согласился на это, но кабинет хозяина был стеклянным, и я их прекрасно видел. Сначала он недоверчиво улыбался и отрицательно качал головой. Потом взялся за голову и пытался что-то сказать. А она тем временем тараторила не умолкая. Затем босс подошёл к стене и стал потихоньку бить головой об эту самую стену. Но тут я увидел, что он закатывает глаза, как перед глубоким обмороком, и сразу понял, что сделка состоится. Вдруг хозяин решительным шагом направился ко мне:

– Я убрал все налоги с костюма, и он теперь для тебя стоит восемьсот шекелей. – Сказал хозяин магазина, имея при этом вид человека, только что преодолевшего вершину Эвереста.

На мой вопрос, как ей это удалось, моя любимая посмотрела на меня удивлённо и не без гордости сказала:

– Та ну, чтобы я не смогла уговорить кого-то? Ты меня плохо знаешь.

Это, так сказать, присказка, а вот что произошло через несколько лет, когда мы, уже разбогатевшие, собирались купить мебель.

Кстати, если вы собираетесь покупать мебель, то найдите в интернете адресок и удачи вам. А я расскажу о своём опыте покупки мебели. Я и моя жена, (разумеется, для меня она самая красивая женщина в мире), итак, я и моя красавица жена запланировали поход на ярмарку мебельных новинок. Планы у нас были самые грандиозные. С утра поездка в Луна-парк, надо же и детишек порадовать. А их у нас трое, два мальчика и девочка. Что и говорить, аттракцион просто шикарный, чего там только нет: всевозможные крутилки-вертелки, вверх-вниз, влево-вправо, по диагонали и по спирали, и вперёд и назад. В общем, всё, что душе угодно и не угодно вовсе.

С самого начала случилась небольшая неприятность. Оказалось, что я забыл дома все свои документы, находящиеся в бумажнике, а также и кредитную карточку. Но, к счастью, кредитка жены оказалось при ней, и она за всё расплачивалась.

Накатались, накувыркались, напрыгались, наскакались и наобрадовались! Вот как! Честно говоря, насчёт «наобрадовались» я, конечно, приврал. Дети и жена, были рады, чего не скажешь обо мне. В моём почтенном тридцатипятилетнем возрасте, подобные трюки не способствуют поднятию духа, но испытание прошёл достойно и с честью. Голод заставил прекратить это насилие над духом и погнал нас в ближайшую пиццерию. Покрепились, надо сказать, основательно. Глядя, с каким удовольствием, наши два мальчонка и лапочка дочка поглощают пиццу, я и моя красавица жена, заразившись, съели несколько больше них.

Душа и желудок удовлетворились, и оставалась самая малость – удовлетворить собственные амбиции. У наших друзей в салоне, стояла шикарная мягкая мебель, немыслимо красивого цвета. Такое положение вещей, нас никак не устраивало, и поэтому мы решили приобрести нечто экстра оригинальное, чтобы и у них глаза загорались завистью, самой что ни на есть чёрной-пречёрной. Нет я видимо оговорился говоря «и у них», что предполагает «как и у нас», у нас-то никакой зависти не было, мы были даже рады за наших друзей, но на душе оставался «радостный» за них осадок.

Приезжаем на выставку, а она представляет собой сеть множества мебельных магазинов расположенных на грома-

дной площади. Жена говорит:

– Дорогой, ты помнишь, что нам нужна мягкая мебель в салон: только самая красивая, только самая кожаная, только самая ослепительно белая и только самая итальянская, – и немного подумав, добавила, – и только оригинал.

– Нет проблем! – Легкомысленно ответил я.

Первый же магазин оказался итальянским, с несколько длинным названием: «КРОВАТТИ – на кровати этой фирмы когда-то возлежали Ромео и Джульетта». Вот так, не больше, не меньше. Насколько я помню бессмертное произведение Шекспира «Ромео и Джульетта», и ни на какой кровати они вместе не лежали. В те времена люди были намного целомудреннее. А что сейчас? – безмерно безнравственное и пошлое. Ладно, не обращайтесь на меня внимания, я иногда люблю побрызгать.

Входим в магазин и видим свою мечту. Сверхшикарная мебель 3+2+1, итальянская, ослепительно белая, кожаная! Сразу плюхаемся на сидение, и нашему блаженству нет предела. Поглаживаем гладкую кожу дивана, при этом споря, где и как поставим покупку. Жена говорит:

– Так, если будет стоить десять тысяч шекелей, то это тов меод (очень хорошо). Если ЭТОТ комплект будет стоить до двадцати тысяч, то всё равно берём, деваться некуда, если больше, то пусть ищут других идиотов.

Мебель не просто красивая, а самая распрекрасная! Но в следующую секунду понятие красоты, в моей голове, изменилось. Я понял, что всегда есть нечто красивее предыдущего. К нам направлялась сотрудница магазина, и, как мне показалось, она сошла с какого-то популярного

глянцевого журнала мод. Её девичья красота обрамлялась платьем с глубоким декольте, а спина была открыта, чуть ли не до копчика. Ножки её..., знаете что? Хватит! Мы, в конце концов, пришли покупать мебель. Это я, предвидя вашу заинтересованность, несколько увлёкся, расписывая её достоинства.

– Я вам помогу, молодые люди, – проворковала она, – вы находитесь в самом лучшем, в нашей стране, итальянском салоне мебели «Кроватти». Мебель, которую вы выбрали, действительно достойна самых высших похвал. Ослепительная белая кожа дивана, придаст нарядность вашей гостиной. Её невозможно испачкать, демонстрирую! – Заключила она.

– А, сколько она стоит? – Несколько неприязненно спросила жена. Я подозреваю, что источником её неприязненности являюсь я. Так как, когда топ-модель говорила о коже дивана, то я беззастенчиво разглядывал её собственную кожу

– Не беспокойтесь, я вам сделаю скидку на сорок процентов. – Мило улыбнулась модель, и попросила нас встать с дивана. Затем принесла полный стакан горячего чёрного кофе и вылила на белоснежную обшивку дивана. Мы обомлели. Она, не переставая улыбаться, провела по образовавшемуся безобразному пятну, грязной тряпкой. Пятно стало ещё безобразней. Взяв со столика чистую белую тряпочку, один раз провела ею по пятну и сказала.

– Попробуйте найти место бывшего пятна.

Мы добросовестно и дотошно искали, но его не было.

– Молодой человек, помогите, пожалуйста, – улыбнулась она.

Её улыбка как-то по-разному подействовала на меня и жену. На меня благотворно, а на неё, ну как сказать, в общем, как-то по-другому. Вложила модель свою руку в мою, и прямо с туфельками на каблучках забралась на диван. Потопталась, перепачкала всю обшивку, оставила кучу вмятин от каблучков.

– А теперь смотрите, – загадочно сказала она и провела чистой тряпкой по дивану. Никаких следов бывшего безобразия нам найти не удалось.

– И всё-таки, сколько стоит эта мебель? – Свирепо поинтересовалась жена.

– Это ещё не всё. – Не обращая внимания на мою жену, а наоборот, сосредоточившись на мне, сказала красотка. – Вот сейчас мы с вами, молодой человек, ляжем на этот диван, и вы увидите, что вдвоём лежать на нём, очень даже удобно. Ну, идите ко мне. – И уже лёжа протянула мне руку.

Тут необходимо описать эту картинку: у меня (даже затрудняюсь сказать отчего) глаза стали масляными. У жены, почему-то злыми и агрессивными.

– Не смей!!! – Рывкнула она мне. – Отвечать на мой вопрос!!! – Ткнула пальцем с острым ногтем красотку. – Сколько стоит мебель! Ну!!!

– Я вам скину ещё пять процентов. – Заикаясь пролепетала декольтированная особа.

– Итого, если до скидки мебель стоила пятьдесят шесть тысяч шекелей, то после....

– Что-о? – Хором закричала вся моя семья!!! Ну ладно, не вся, а только часть нашей семьи. И нас резко потянуло к выходу.

– Вас что-то не устроило, господа? – Возник перед нами владелец мебельного магазина.

– Визитку, быстро! – Ошарашила его моя жена. Тот оторопело протянул визитку. – Я приеду, завтра одна, и ты продашь мне эту мебель! – Весь магазин, включая посетителей, замер в подавленном молчании.

Мы вышли из магазина:

– Моли Бога, чтобы ты не остался заикой! Понял?

На следующий день, после разговора со мной, по поводу моего вчерашнего поведения, жена поехала в этот магазин и заказала выбранную нами мебель. По-моему, пятнадцать тысяч шекелей – цена неплохая. Через две недели мебель была у нас дома, а в ближайшую пятницу собрались гости.

Их зелёные от зависти глаза вдохновляли меня на многоречивость. И даже вновь приобретённый дефект речи (после внушительного монолога жены), не мог заставить меня молчать:

– П-проходите, п-пожалуйста, с-с-садитесь г-де в-вам у-удобно.

Теперь, стесняясь своего заикания, я решил больше писать, чем разговаривать.

О чём хотелось бы забыть

Карлос Ибарра всегда говорил, что хотел бы забыть эту, произошедшую с ним историю, но при этом рассказывал ее каждому встречному-поперечному.... В то, славное времечко был у Карлоса свой бизнес, приносивший ему немалый доход. Трудно даже представить, что производство унитазов – дело прибыльное. Учитывая то, что Карлос умел хорошо считать, а еще лучше подсчитывать барыши, неудивительно, что он не ограничился одним только заводом, а открыл несколько небольших заводиков по всей Центральной и Южной Америке. Бизнес требовал его присутствия то в одном, то в другом месте. Постоянные разъезды и перелёты не только не утомляли бизнесмена, но даже наоборот, воодушевляли. Сидя в кресле автомобиля или самолёта, он с удовольствием подсчитывал будущие дивиденды. Несмотря на то, что в шестидесятые годы самолёты были маломощными, дальние перелёты приходилось совершать с пересадками (а если летать приходилось на медленных двухмоторных самолётах, время перелета вообще стремилось к бесконечности) – несмотря на все это, перелеты не утомляли Карлоса. Вся его поклажа состояла из «дипломата» с документами, и никаких чемоданов. Летать налегке – сплошное удовольствие.

Вылетев из Аргентины и потратив почти сутки, он долетел до Мексики. Прямо из аэропорта собрался ехать в офис заказчика для заключения договора, но в это время в репродукторе раздался женский голос, приглашавший Карлоса Ибарру пройти в справочную для получения важной информации. Там ему вручили телеграмму от его заместителя. В ней сообщалось, что ему необходимо

срочно вернуться в контору, чтобы решить ряд неотложных вопросов. Делать нечего, надо возвращаться.

Обладая солидными деловыми связями в нужных кругах, Карлос был уверен, что сможет улететь немедленно, но всё оказалось не так просто. В конечном итоге связи и подарки сделали своё дело. Ему предложили улететь на небольшом и не очень комфортном самолёте. Единственный плюс этого семичасового перелёта было в том, что он был беспосадочным. Решив подкрепиться перед полётом, бизнесмен заказал в местном ресторане «неважно что, но побыстрее». Наспех проглотив незнакомую еду, направился на объявленную уже посадку. Вкус пищи особого восторга не вызвал, но зато чувство голода притупилось. Прежде чем усесться, Карлос осмотрелся, и увидев, что салон полон, тяжело вздохнул, но занял своё место. В предвкушении послеобеденной сиесты прикрыл глаза в надежде хоть немного выспаться до того, как начнется болтанка (он знал, что пролетая над Панамой, они обязательно попадут в зону турбулентности).

Посидев немного с закрытыми глазами, он вдруг услышал непонятное урчание, и не сразу понял, что это явление каким-то удивительным способом связано с «перекатами» в собственном животе. Карлос крепче зажмурил глаза, надеясь, что скоро всё пройдёт. Но мяуканье и урчанье из живота не только не прекращались, но усилились, и уже стали напоминать, если не всемирную, то уж точно локальную революцию, в его собственном животе. Карлос осознал, что если не принять меры предосторожности прямо сейчас, потом будет поздно, никакие миллионы его не спасут от позора, ни на родине, ни на территории Центральной и Южной Америк вместе взятых. И тогда он принял единственно правильное и мудрое решение, направившись в известное заведение с

двумя нулями на дверях.

К счастью «заведение» было свободным. Войдя и усевшись, успев при этом своевременно опустить костюмные брюки от известного кутюрье, он осознал всю мудрость принятого решения. Видимо, судьба в этот день была к нему неблагосклонна: в то время, когда Карлос уже занял стратегическую позицию, в динамиках вдруг объявили, что самолёт входит в опасную зону, всем необходимо срочно вернуться на свои места и обязательно пристегнуться. «Чёрта лысого вам!» – подумал Карлос и закинул мешавший ему галстук за спину. Как ни странно – ничего не получалось. В это время самолёт резко поднялся и ещё более резко пошёл вниз. И тут Карлоса прорвало, чему он чрезвычайно обрадовался.

Следующий подобный рывок самолёт совершил незамедлительно, и тут миллионер почувствовал некий дискомфорт. Многие люди, наверное, помнят, что в те годы пользовались заправляющимися авторучками. В самолётах их обязательно упаковывали в пакетики, чтобы чернила не разливались в карманах пассажиров. Приблизительно то же самое произошло и с самолётным унитазом, когда все его содержимое струёй выплеснулось наружу. Карлос от неожиданности вскочил на ноги, но судьба продолжала оставаться по отношению к нему неумолимой и жестокой.

Самолёт вновь повторил полюбившийся ему трюк, и новая струя, подобно девятому валу, взлетела вверх и всей своей неумолимой массой обрушилась на новенький костюм Карлоса, не забывая при этом, как следует обдать его голову, лицо и прочие части тела.

«Что же теперь делать?» – Уныло подумал Карлос. Его изобретательный ум отказывался выдавать верное решение. Всё, что пришло в голову – это сидеть и молча страдать до самого прилёта. «Теперь не отмоешься!» –

Горько сам себе сказал Карлос. К сожалению, он не учёл того, что в любом самолёте существует вентиляционная система. Очень скоро, когда стали стучать в дверь и произносить разные оскорбительные и неприятные слова, он понял это в полной мере. Что оставалось бедному миллионеру (какое странное сочетание слов, вы не находите?). Придав своему лицу непроницаемое выражение, Карлос оставил свое убежище, и раскрашенный в один единственный цвет, занял свое место в салоне.

Южноамериканцы - народ горячий, темпераментный и нетерпимый к чужим ошибкам и шалостям. Каждый из пассажиров старался откровенно высказать Карлосу, что он о нем думает, но на окаменевшего и совершенно потерявшего нюх Карлоса, никакие уколы уже не действовали. Все оставшиеся часы полёта самолёт лихорадило от человеческих эмоций. Пилоты сообщили на землю об этом маленьком инциденте.

Как только самолет приземлились, все пассажиры, расталкивая друг друга, бросились к выходу. Карлос выходил последним, с гордо поднятой головой. И тут произошло то, чего он не ожидал, но в глубине души так жаждал. Еще не успев ступить на землю, он ощутил на себе мощный шквал воды из пожарного шланга.

Карлос нисколько не сомневался, что вся страна уже знает о его приключении. Никакие миллионы не спасли этого бизнесмена.

Вот о чём хотелось бы забыть миллионеру.

Первая любовь

Прямо зло берёт, что себе позволяют эти знаменитости, выступающие на телевидении или в газетном интервью? К кому не обратиться, кого ни попросить рассказать о своей первой любви, так все начинают, эдак елейненько: «Первая любовь случилась у меня ещё в детском садике». Ни больше, ни меньше. И все начинают умиляться, прямо до слёз. Тьфу! Аж противно. Не верю я никому. Почему? Да потому, что первая любовь в детском саду была у ме-ня! Не надо так хитро щуриться. Сарказм здесь ни к чему. Вот, сейчас расскажу, как и что, и вы, мне поверите.

Пошёл я в детский сад, прямо скажем, в очень юном возрасте. Уже тогда мне нравились все женщины, а из мужчин – папины друзья. Кто конфетку даст, кто смешной фокус покажет, а кто просто похвалит. Скажет: «Ну, ты прямо герой». После таких слов я действительно чувствовал себя настоящим героем. Хотя, чего это я скромничаю – герой и есть. Я такие подвиги совершал, не поверите (правда, мысленно). Я был и капитаном корабля, и лётчиком-испытателем, и тонущих людей спасал, а ещё я был учёным, таким умным-преумным.

Так вот взрослые привели меня в садик, а сами ушли, я и растерялся. Куда всё геройство подевалось? Все незнакомые лица, ещё тётя в косынке кричит мне:

– Чего стал в дверях, а ну-ка проходи.

Чего она кричит? Сама толстенная, голос громкий, а под носом усы, как у одного из папиных товарищей. Ну, я и расплакался, и не надо меня стыдить, тогда это было

моим единственным оружием. Меня успокоили, дали, как сейчас помню, игрушечный грузовичок без одного колеса. Сажу, играюсь, а в это время приводят других детей. Некоторые растерянные – некоторые уверенные, а были и такие которые хныкали или плакали в голос. Девочки с бантиками – просто красота, а бантики разных цветов и форм. Высматриваю себе друга, что-то не получается. Одни мальчики нелюдимые, другие – жадины. Вздыхаю горько.

Вдруг входит ОНА, и, повозившись немного у входа, подходит ко мне:

– Тебе скучно? – Спрашивает она, моргая красивыми карими глазами, и кладёт руку мне на плечо.

Тут я вообще обомлел. Не отвечаю, просто не знаю что ответить. Да она и постарше меня.

– Ну, ладно, – говорит, – стесняешься наверно. А вот я нисколько не стесняюсь. А чего стесняться? Давай, знаешь что? Давай-ка с тобой дружить будем. Идёт? – И протягивает мне руку

Сразу хватаю её руку, а она такая мягкая, тёплая. Вижу в её глазах смешинку. «Ничего, ничего, – думаю я, – неужели не добьюсь своего? Быть такого не может. Мужик я или нет?»

– А я тебе ради знакомства печенье дам. Хочешь? – Спрашивает она.

Ещё бы не хотеть, хватаю печенье и начинаю жевать. Интересно, а что ещё она даст мне, ради знакомства? Тут нас разлучили, её позвали куда-то вовнутрь, а меня с другими детьми повели в большую комнату. Здесь какая-то тётя в очках играла на пианино, а мы пели разные

детские песенки. Было весело, но я всё равно с тоской смотрел на дверь и ждал. Вдруг, чувствую, что в карман моего пиджачка что-то кладут. А..., это она положила и ушла, ничего не сказав. Я сразу руку в карман и вытаскиваю оттуда плиточку гематогена. Гематоген – моё любимое лакомство. Этот витамин в жидком виде противный, противный. А вот плиточка совсем другое дело, и сладенькое и очень шоколад напоминает. Мне мама часто приносит его с аптеки, она там работает.

Скоро сели завтракать, ищу её, а она села где-то далеко, совсем за другой столик. Мне стало обидно до слёз. Разве друзья так поступают? Оставила меня с жадинами-говядинами, а сама разговаривает там с тётеньками и смеётся. Принесли нам бутерброды со сливочным маслом. Это я вообще ненавижу, даже не притрагиваюсь. Смотрю, она быстро-быстро подбегает ко мне и шепчет на ухо:

– Накроши сверху гематогенчику – пальчики оближешь. – И опять умчалась. Наверно знала, что всё равно не поделюсь.

Ничего крошить я не стал, просто положил два квадратика на хлеб с маслом и стал по кусочку откусывать. Это такое блаженство, скажу я вам. Ни в сказке сказать, ни пером описать. Завтрак мне понравился, и если обед будет тоже вкусным, то я и завтра приду. После этого повели нас поиграть в небольшой дворик. Там она так и не появилась. Наигрались вдоволь, устали очень. Нас заставили помыть ручки, и повели на обед.

На обед дали по тарелочке макаронного супа, с одним кусочком мяса. Я ждал её появления - и она появилась. И

не только появилась, а ещё несла на ложке большой кусок мяса с косточкой. И тут я понял, что я влюблён в неё окончательно и бесповоротно. Я только удивлялся, откуда она знает, что я люблю, а что нет.

Наш детсадовский день закончился. Мама пришла отвести меня домой. Мне так хотелось поскорее похвастаться перед ней, и рассказать какого друга я нашёл. Но не успел. Вошла Она – моя любовь! Вдруг мама запросто обратилась к ней:

– Ну, как мой мальчик вёл себя, Сонечка?

– Просто отлично. Я всё сделала, как вы просили, Мария Михайловна. Очень хороший мальчик, правда, совсем не хочет ни с кем разговаривать.

Ну и что, что это мама её попросила опекать меня? Всё равно она моя ПЕРВАЯ и большая ЛЮБОВЬ.

Признание и рассказ авантюриста

Понятное дело, всем интересно знать, как меня зовут. Хотя вовсе это не важно. Просто знайте, что я среди вас. У меня самые честные глаза, самая открытая улыбка, и вообще я - сама доброжелательность. Я всё время кручусь среди вас. Я – авантюрист. Все считают меня добрым и отзывчивым. Я только кажусь таким, обманывать вас – моё хобби, и средство наживы. Но сейчас, вы не поверите, я раскаиваюсь. И не улыбайтесь скептически, я действительно раскаиваюсь. Могу рассказать.

Ещё учась в школе, я всё время думал, «что же, всё-таки, главное в жизни?» Всё оказалось банальнее банального. Главное в жизни, и это старо как мир – хорошая жизнь. А что нужно для хорошей жизни? Правильно – деньги. Но загвоздка в том, что заработать много денег, никак невозможно. Значит, их надо делать! Вот в чём истина, а вашу философию о морали и «любви к ближнему» оставьте при себе.

Я всегда понимал, что выживают сильные и обеспеченные люди. Сильным я стал, занимаясь, довольно активно, спортом. Кружок бокса сделал меня беспощадным. Кружок (подпольный) каратэ – хладнокровным, абсолютно нечувствительным к чужим страданиям. Кстати, своих страданий у меня, просто, не было. Кроме этих видов спорта, я усиленно накачивал

мускулы, и тем самым привёл своё тело в то состояние, когда мужчины завидуют, а женщины восторгаются.

Окончив школу, я знал понемногу обо всём, но по-настоящему, ни о чём. Тем не менее, мог поддерживать разговор на любую тему, привести в свою пользу какие-то доводы, порой тут же и выдуманные. Короче, слыл умным и начитанным молодым человеком. Природная находчивость и умение врать, причём с взором Павла Корчагина, действовали безотказно. Меня любили все, и стар и млад.

Начало семидесятых XX-го века. Перед вами двадцатилетний юноша, полный самых честолюбивых планов и мечтаний. Неважно как, но первая тысяча рублей появилась у меня именно в этом возрасте. Это, примерно, годовая зарплата советского служащего. Нет, я их не прокутил. Я их использовал согласно моему плану.

Бакинский пляж «Шихово». Пацаны, нанятые мною за трёшку в день, подготавливают потенциальных клиентов. Подходят к какой-нибудь группе людей, и так чтобы они слышали, один другому говорит примерно следующее:

– Ара, ты этого чокнутого видел? Он уверяет, что пять любых двадцатикопеечных монет, сможет бросить так, что они все упадут «орлом» кверху. Ты веришь? Я хотел поспорить, но он хочет сто рублей.

Всегда находился кто-то, желающий по лёгкому срубить столтник. Я крутился неподалёку, эдакий наивный простачок. Меня высокомерно подзывали, и тут же ставили условие:

– Первое, бросать будешь мои монеты. Второе, касса хранится у нейтрального лица.

Самое трудное – это незаметно поменять на мои, специальные изготовленные монеты. Я это делал виртуозно. Затем швырял их на землю, и все были уверены, что хотя бы одна упадёт не той стороной. Но результат был неизменным – выигрывал я. За пляжный сезон, мне удалось выручить взамен своей тысячи – примерно пятнадцать тысяч. Только представьте себе, что зарплата в сто рублей в месяц, в те годы, считалась нормальной. Закончилось всё предельно просто – один из проигравших в порыве злости закинул эти злосчастные монеты в море. Он ведь был уверен, что это его монетки. Открою секрет, почти всю первую тысячу, пришлось уплатить мастеру, изготовившему эти чудо монеты. Идея, как вы догадались, была моей. Итак, бизнес себя исчерпал. Не останавливаясь, иду дальше. Мысль бурлила, надо множить капитал.

Заранее тщательно подготовившись, я и один из моих помощников отправились в Москву. Сняли в центре города квартиру, собрали необходимый атрибут и приступили к осуществлению авантюры. Дело было зимой, и купленная накануне шикарная канадская дублёнка была очень даже кстати. Прихожу на барахолку, прогуливаюсь, смотрю себе. Местного скупщика вычислил сразу. Ещё бы, глаз намётан чётко. Гуляю со скучающим видом. Вдруг над ухом раздаётся:

– И чем это мы здесь торгуем?

Якобы от неожиданности вздрагиваю, вижу, что это не барыга, а это главное:

– Да так, джинсы хочу продать.

– Какие?

– Есть разные, а с собой «Lee».

– Сколько?

– Двести двадцать рублей. – (По тем временам – большие деньги.)

– Дороговато, а скинуть немного?

– Да ты посмотрел бы для начала.

Отошли в сторонку, показываю фирменные американские джинсы. Вижу, глаза у парнишки разгорелись.

– Я бы купил, да дорого, скинь столярник.

– Ну, нет, скинуть можно, только если возьмёшь сто штук оптом.

Поторговались и остановились на сумме сто пятьдесят за каждую пару.

Дальше, всё очень легко. Даю ему свой «адрес», в заранее выбранном доме, с чёрным выходом со второго этажа. В назначенное время, спускаюсь к входной двери с огромным чемоданом. Выхожу, в домашней одежде дожёвывая что-то. Клиент открывает крышку чемодана, видит джинсы в оригинальной упаковке, небрежно их пересчитывает их количество, передаёт мне деньги. Прекрасно понимаю, что в уме, он считает свою будущую прибыль, после продажи товара. Я, не пересчитывая денег кладу их в карман. В это время, мой напарник, с воплем несётся к нам:

– Ты что, совсем сдурел? Продаёшь, такой товар, за гроши!? Идиот!!! Только двести, за каждую пару.

Быстро сбегает с лестницы, хватает чемодан и бежит наверх.

– Стой, кретин! – Кричу я. – Сейчас я тебе всыплю, я уже деньги взял сволочь.

Бегу за ним, догоняю на повороте лестничного пролёта, а там, за поворотом стоит точно такой же чемодан, но забитый всяким хламом. Якобы бью своего напарника (звук удара хорошо отрепетирован), хватаю другой чемодан и бегу вниз. Подбегаю к покупателю, сую ему его покупку. Вдруг появляется мой напарник и, держась за своё лицо, орёт:

– Отдай чемодан или доплати бабки.

– Беги, я его остановлю! – Кричу я клиенту, а сам двумя руками хватаю своего напарника.

Покупатель в панике резво удирает. А мы... ну, что мы, мы не спеша поднимаемся на второй этаж, оттуда выходим на соседнюю улицу, и поминай как звали.

Не торопитесь осуждать меня, я предлагаю вам восхищаться мною. Ловкий я парень, ничего не скажешь.

Следующая афера требовала привлечения нескольких человек, но учитывая мои организаторские способности, всё было сделано блестяще. Совковая безалаберность сыграла немаловажную роль в деле освоения чужих денюжек.

В одном из крупных универмагов Москвы, на втором этаже, появилась касса с солидной и в меру невежливой кассиршей. За ней висела моя дублёрка с ценником 853руб. 55коп. На чёрном рынке такая дублёрка стоила две тысячи и больше.

– Количество товара ограничено, товарищи. В одни руки только один экземпляр. – Нервно выговаривала кассирша.

Естественно, сразу выстроилась очередь. Люди платили свои кровные, а получить свой товар должны были на четвёртом этаже, в отделе верхней мужской одежды. Весь

фокус заключался в том, что прежде чем выбивать чеки, кассирша возилась, ожидая, пока не образуется очередь. Затем она быстро выбила все чеки и объявила, что «товар закончился, расходитесь товарищи, завтра в одиннадцать тридцать выкинут ещё сорок дублёнок». В считанные минуты, касса с самой кассиршей исчезла с горизонта. Люди кинулись в отдел верхней мужской одежды. На четвёртом этаже началось что-то невообразимое, но меня это уже не интересовало. Расплатившись со всеми своими помощниками, я уехал в Баку совершать новые подвиги.

Недолго думая, я решил претворить свой давно задуманный план. Для начала «случайно» знакомился с какой-нибудь женщиной, у которой муж был немаленьким человеком. Да, вот ещё что – я очень хороший знаток души человеческой, особенно женской. Я всегда просекаю, замужняя женщина или нет, довольна он своей жизнью или нет, и самое главное – довольна она своим мужем или нет. Так вот, женщин я выбирал, обязательно замужних, муж высокопоставленный и, соответственно, при деньгах, и, самое главное, она чем-то своим мужем недовольна. Познакомившись, доставлял маленькие радости, кстати, и то, что вы подумали – всенепременно. Катал на машине по городу. Как вы понимаете, свои отношения со мной она тщательно скрывала. На этом и строился мой план. В один, далеко не прекрасный для неё вечер, я предлагал ей сесть за руль. Мы, под моим чутким руководством, медленно ехали по безлюдной улице. Вдруг, из-за угла, совершенно неожиданно выскакивал пожилой мужчина с портфелем. Я ору «тормози», но раздаётся страшный звук. Она бедняжка не подозревает, это что звук от удара, наполненного

камнями портфеля о машину. Удар, и человек на земле. Она (тут возможны варианты) или в истерике, или в шоке, или в обмороке. Успокаиваю её:

– Ничего не бойся. Если что, то за рулём находился я. – С благородством Робин Гуда шепчу ей.

Выхожу из машины, втаскиваю «пострадавшего» в машину. Он якобы без сознания, лежит на заднем сидении. В первую очередь везу её домой, всё время успокаивая. Расставшись с ней, расплачиваюсь с «потерпевшим». В следующую с ней встречу, пою ей песенку, что человек сильно пострадал, и я его отвёз к своему другу врачу. Друг обещал привести его в норму. Но человек этот готов молчать за крупную сумму денег, которой, к сожалению, у меня нет. Потом пугаю, что за это полагается тюрьма, а я могу не выдержать пыток и рассказать правду. В общем, несу всякую выгодную мне бодягу. Дальше, понятное дело, развожу её на деньги, а потом, как говорится «прости-прощай».

Фокус срабатывал без срывов, но с последней женщиной немного не рассчитал. Потерял бдительность, не выяснил точно, кем является её муж. А её мужем был следователь прокуратуры, который видя, что с женой что-то происходит, расколол её, и она обо всём ему рассказала.

В тот злосчастный вечер я сидел в машине с незаглушенным мотором и ждал её с деньгами. Даже могу назвать точное место. В третьем микрорайоне недалеко от универмага «Москва». Так вот, прижал машину к тротуару и жду. Вдруг вижу - появляются три жигулёнка, и на хорошей скорости приближаются ко мне. Успеваю нажать на блокиратор замка двери с моей стороны. Одна машина

останавливается впритык за мной, другая впритык передо мной, а третья слева от меня. Всё, прижали со всех сторон. Но, как я уже говорил, самообладание никогда меня покидает. Выжимаю газ до конца, машина ревёт во всю, резко отпускаю тормоз. Они, идиоты, думали, что я уже в их руках заглушили моторы своих жигулей. Бью переднюю машину, она отскакивает вперёд, подаю чуть назад, и резко вперёд выворачивая руль вправо. Заезжаю на тротуар, распугиваю прохожих. На бешеной скорости еду немного по тротуару, затем съезжаю на улицу и буквально через несколько секунд скрываюсь с их глаз. Жалко, что такие хорошие деньги накрылись, но ничего, выиграю в чём-нибудь другом.

Скажу честно, не хвастаясь, за рулём я ас, хотя, чего это я скромничаю – я ас во всём. Историй, приключившихся со мной – уйма, всех не перескажешь. Но, я хочу сказать вот что – я раскаиваюсь! Да, да, я действительно раскаиваюсь! Я очень сильно раскаиваюсь! Я раскаиваюсь в том, что столько вокруг наивных простачков, а я так и не использовал все свои возможности. Жалко, ох как жалко!!! Ох, как жалко!!!

Золотая рыбка

Арнольд Потапыч Несчастливцев на самом деле оказался очень даже счастливым человеком. Судите сами: во-первых – жена-еврейка, во-вторых – зовут её.., ну-ка догадайтесь как? Правильно! Зовут её Сара! В-третьих, умная и добрая. Что это значит? Умная – это значит, вовремя даст хороший совет или посмотрит так, что ответ сам приходит в голову, а иначе...! А добрая почему? Да потому что веса в ней было не менее ста двадцати килограмм. Всем известно, что толстые люди – добрые. Счастье просто прицепилось к Несчастливцеву. Благодаря Сарочке вся несчастливская семья репатриировалась в Израиль. И здесь счастье продолжало опекать Арнольда Потапыча. Буквально в первые же дни и он и Сара сразу нашли себе работу.

Сориентировавшись в израильских реалиях, Арнольд Потапыч твёрдо решил взять ссуду и купить квартиру. Вообще-то приказ «покупаем квартиру!» поступил от Сарочки. Но какое это имеет значение? По льготной репатриантской цене купили новенькую японскую машину и зажили полноценной израильской жизнью.

Всё в Израиле удивляло и умиляло Потапыча. Оказывается, чтобы купить пакетик молока, не нужно занимать очередь с утра пораньше. Нет, нет, вы вспомните! Вот Арнольд хорошо помнил, что в семь утра занимал очередь в магазине ради этого пакетика. Потом привозили молоко, и крикливая продавщица начинала продажу, но всё равно вожделенный продукт доставался не всем. Здесь же в любое время заходишь в магазин и

покупаешь всё, что душе угодно. А какие инструменты продавались в здешних магазинах! Разные молоточки, шипчики, отвёртки, свёрла, дрели. Мечта, да и только. Арику (он же Арнольд) всё больше и больше нравилось жить в новой стране. Почему Арик? Не удивляйтесь, Ариком он стал по велению и хотению Сарочки.

Вскоре Потапычу надоело работать на хозяина, но как быть и что делать, он никак решить не мог. Сарочка, видя мужнины терзания, как всегда с лёгкостью решила и этот вопрос.

– Арик, ты должен открыть мастерскую и работать на себя, то есть на семью.

– А какую мастерскую? – Широко улыбаясь и одновременно радуясь Сарочкиной смекалке, поинтересовался Арик.

– Ну, например, мастерскую по изготовлению ключей, ремонту замков. По-моему, это то, что ты сможешь. Есть возражения? – Грозно спросила Сара.

– Ну что ты, бриллиантик ты мой? Идея шикарная!

Воодушевление, с которым Арик взялся за работу, сделали своё дело, и результаты появились довольно скоро. Мастерская заработала на полную катушку. Клиентов появилось достаточно, и полился солидный ручеек денег. Банковский счёт пополнялся, что не могло не радовать. А то, что появились новые запросы, то и они легко удовлетворялись.

Каждую субботу (Да простит его Б-г за подобное кощунство), Арик брал своих внучат на разные аттракционы, тем самым доставляя неопишуемое удовольствие и себе и им. Одним из таких мест был

«каньон» (торговый центр с бутиками и играми для детей). Детишки кувыркались, катались на разных качелях, ели мороженое, всякие сладости и радовались тому, что дедуля такой добрый. Несчастливцев и сам был очень доволен этими вылазками. Он обратил внимание, что Золотая Рыбка, находящаяся в бассейне на втором этаже «каньона», по-особому смотрит на него. В этом бассейне находилось множество красивых рыбок. Все они хаотично перемещались, не обращая никакого внимания на Арика, а Золотая Рыбка останавливалась у края бассейна возле Арика и смотрела на него, как будто приглашая на секретный разговор.

В этот раз Золотая Рыбка никак не хотела уплывать, и всё время с немым вопросом смотрела на Арика. «Ну, что ты смотришь, хочешь поговорить со мной?» – Не вслух, а про себя спросил Арик. Рыбка моргнула двумя глазами. «Не может быть такого, – вскричал Арик, – рыбы не моргают!»! Равнодушно посмотрев на Арика, Рыбка отвернулась, собираясь уплыть. «Подожди, подожди, это я так просто. Давай поговорим».

Золотая Рыбка с нескрываемым интересом смотрела на Арика. «Ты не поверишь, но мне всё нравится в моей израильской жизни», – начал Арик, потом так разговорился, что рассказал Золотой Рыбке обо всём: и о своём детстве, и о жизни в России, и о сложностях переезда в Израиль. Рассказал о том, как тяжело было начинать на новом месте, и как, постепенно, всё наладилось и теперь он вполне доволен своей жизнью. Рыбка, не шелохнувшись, слушала его. В конце своего монолога Арик поблагодарил Рыбку за внимание, и

довольный собой, церемонно попрощался с ней. При прощании, он помахал рукой, чуть присел в реверансе и пошёл к своим внучатам. Рыбка, как будто в задумчивости, медленно поплыла в гущу водорослей.

Однажды утром Арик собирался в поликлинику (получил приглашение от семейного врача). Ничего особенного, просто очередная плановая проверка, как это принято в Израиле. Он уже доедал бутерброд с хумусом, как вдруг раздалось:

– Арик, дай мне триста шекелей, – скомандовала Сара, зная, что у него всегда в бумажнике много наличных денег. Во-первых, он не доверял чековым книжкам и всяким там кредитным карточкам. Во-вторых, любил он хруст этих бумажек, ведь они, как ничто другое, так хорошо грели его душу.

Не задавая никаких вопросов, выложил деньги, а бумажник, вместо кармана, положил на телефонный столик. То ли по рассеянности (что начисто отмечается), то ли по причине напряжённой работы мысли («для чего ей деньги?»), что ближе к истине.

Через некоторое время он вышел из дому и направился в поликлинику. Идти всего-то минут пятнадцать медленным шагом. Времени было достаточно. Арик заглянул к знакомому продавцу местного магазинчика. Поболтали о том, о сём. Обсудили цены, поговорили о погоде, распрощались, и наш герой продолжил свой путь. Оставалось пройти через небольшой садик, а там совсем рядом поликлиника. Он вошёл в садик, присел на первую же скамеечку, посидел, поскучал пару минут и пошёл дальше. Встретил знакомого, постояли возле пальмы,

поговорили о жизни и разошлись. На выходе из садика Арик снова присел на скамеечку, совсем заскучал и решил оставшееся время посидеть в поликлинике. «Хоть с кем-нибудь поболтаю, и время пройдет быстро». – С надеждой подумал Арнольд Потапыч.

Приходить раньше времени не было никакого смысла, так как всё шло чётко по расписанию. Несчастливцев решил проверить, не забыл ли он чего. Ощупав все карманы, он с глупой улыбкой произнёс:

– Кажется, я потерял свой бумажник.

Сорвался с места и бросился обратно по своему же маршруту. Вбежал в садик, и уже издалека заметил на той самой скамеечке, на которой недавно отдыхал, свой бумажник. Дрожащими руками раскрывает портмоне, проверяет содержимое и удивлённо-удовлетворённо крикает. Паспорт – на месте, деньги – на месте, все бумажечки и квитанции тоже на месте. От такой радости даже не хотелось возвращаться в поликлинику. Пошёл дальше, дошёл до пальмы.... О, Боже, что это? На земле лежал бумажник – ЕГО бумажник! Теперь не только дрожащими руками, но и несколько затуманенным взором Потапыч поднимает бумажник, проверяет содержимое, и... ликование его нет предела. Два совершенно одинаковых портмоне согревали Арика с двух сторон. Один согревал в правом кармане брюк, другой в левом кармане брюк. С радостным предвкушением Несчастливцев ринулся к другой скамейке, на которой отдыхал. Нисколько не удивившись находке третьего своего бумажника, небрежно пересчитал наличность и положил его в задний карман брюк. Потапыч рассуждал так: «главное деньги, а

остального достаточно и в одном экземпляре». Ну что же, рассуждения не лишены логики, и действительно, чем больше денег – тем лучше, а паспорта или чего-то другого, то достаточно и одного.

Теперь, имея в кармане три заветных бумажника, Арик был счастлив. Вдруг его лицо нахмурилось, и с мыслью «Сейчас я тебе объясню, кто ты есть», направился к знакомому продавцу местного магазина.

– Ты чего это делаешь, а? Тебе что, жить надоело? – Начал Арик со всей агрессивностью, на которую был способен.

– Да ты что? – Пролепетал продавец. – Вот он твой бумажник! Как ты мог подумать такое? Ты сам зачем-то вытащил его из кармана, положил на прилавок и пропал.

Удовлетворённый Потапыч взял принадлежащую ему по праву вещь, и не глядя засунул её в задний левый карман брюк. На прощание буркнул: «То-то же!» и ушёл осуществлять свой план.

План был предельно прост. Надо, как можно быстрее добраться до Золотой Рыбки и попросить что-нибудь. Если она без всякой просьбы способна на такое, то она, то она... Арик зажмурил глаза, воображение услужливо рисовало разные дивные картинки.

– Карету мне, карету! – Прокричал Потапыч, останавливая такси.

– В «каньон», побыстрее, плачу по двойному тарифу. – Строго приказал Несчастливцев, тем временем ощупывая свои карманы и убеждаясь, что всё на месте.

На вопросы таксиста наш герой, погружённый в свои мысли, не отвечал. Вот и «каньон». Арик, как и обещал,

щедро заплатил таксисту купюрами, извлечёнными из одного из портмоне. Скорее, скорее на второй этаж! Бегом к бассейну! Вот и бассейн!

«Рыбка, рыбонька моя золотая, плыви ко мне моя родная! Это я, Несчастливцев Арнольд Потапович, рождённый в России и проживший там много лет». Таким образом, Арик рассказал всё, что знал о себе, ничего не прибавил и убавил. Как духу! Выпалив всё это, он насторожился, одна, очень существенная деталь, весьма обеспокоила его – РЫБКА НЕ ОБРАЩАЛА НА НЕГО, НИКАКОГО ВНИМАНИЯ. Она плавала среди прочих рыбок и занималась своими рыбьими делами.

Оторопевший и оскорблённый Потапыч, осоловело уставился на неё, а когда удостоверился, что он ей безразличен, то прокричал в голос:

– Ну и чёрт с тобой, килька каспийская! Куда тебе до наших средиземноморских королев морских! Ух, поймал бы тебя, да и зажарил бы на тефлоновой сковородке, предварительно обмазав майонезом. Поняла, сайра в масле?

В это время Золотая Рыбка, резко повернулась к нему, поплыла и несколько секунд с жалостью и тоской смотрела на Арика, потом с сожалением покачала головой и уплыла.

Арик смачно сплюнул и пошёл ловить такси. Машинально ощупал правый карман брюк – пусто, левый – пусто, правый-задний – пусто, левый-задний – пусто. «У-у-у, скотина», подумал ошеломлённый и в то же время осознавший всё происшедшее Арик, и поплёлся домой пешком. Израильское солнце нещадно припекало, да и неблизкая дорога, вконец вымотали Потапыча. Когда он

ввалился домой, то был неузнаваем. Это был не тот, привычный всем глава семейства, а измождённый и злой человек, разочарованный во всей фауне существующей на земле.

– Ты чего? – Поинтересовалась Сара. – Если расстроился из-за кошелька, то вот он, ты его забыл на столе.

Арик машинально раскрыл бумажник. Всё было на месте, кроме суммы заплаченной таксисту. Бухнулся в кресло и констатировал:

– Дурак ты, Потапыч, самому давно уже за пятьдесят, а всё ещё веришь в чудеса.

Наверняка у пытливого читателя возникнет много вопросов. Поверьте, и меня эти вопросы мучают, но, к сожалению, ответов не имеется. Нет ответов, и всё тут!!!

В очереди

– Дочинка, здрасти! – Раздался голос очередной пациентки.

Сидящая за окошком молодая женщина мельком взглянула на старушку, которой, конечно же, нужно какое-то лекарство или что-нибудь в этом роде. В аптеку приходят именно за этим.

– Дочинка, – повторила та, и, не обращая никакого внимания на очередь, довольно громко, сказала, – у миня там всо савсим сухой-э, гарит-ээ гарит, дай мне какой-нибудь маз, да.

– Простите, а где у вас сухость? Мне нужно знать, чтобы дать ту мазь, которая подойдёт.

– Там да! – Воскликнула она. – У всих жинщин на маю

возрасту, там всегда сухость бывает. Дай да что-нибудь.

– Вы всё-таки скажите, где эта сухость и я дам вам нужную мазь. – Терпеливо повторила фармацевт.

– А-а, там да. Я тебе гавару гарит-ээ гарит. На тот самый место. – Всё так же громко продолжала бабуся. Была она маленькая, сухонькая, вылитая старуха Шапокляк из известного мультика. Вся согбенная и состоявшая, как казалось, из одних морщин.

– Понятно, спереди, – почти шёпотом произнесла аптечный работник.

– А-а, ты миня савсим апазорила э, клянусь! Зачем спереди, как раз сзади. Всё стал сухой, сухой, типирь нада мазь. Дай да мазь, что будит?

– Так у вас сухость на попке? Понятно...

– Зачим гавариш «попка», я тебе что, малинкий рибонок? На жопа сухо понил?

Все люди в очереди, давно наострили уши, особенно высокий молодой красавец, стоявший за бабушкой. Хотя и древняя согбенная бабуся, а всё же интересно, что это там у неё «гарит и сухой».

– Хорошо, я дам вам мазь именно для этого. С вас тринадцать шекелей. Перед употреблением мази это сухое место надо тщательно помыть.

Услышав тринадцать шекелей, бабушка открыла сумочку и уже хотела достать деньги, но «тщательно помыть» привели её в дурное расположение духа. Проще говоря, просто взбесили.

– Ты это миня гавариш? – Возмутилась Шапокляк. – Спроси каво хочиш, – обвела рукой очередь, – все скажут, что я самый чистый человек на весь земля. Понил?

– Ладно, ладно, – миролюбиво ответила Ася, – просто, мы обязаны говорить эти слова всем больным.

– Харашо, харашо тоже миня, давай маз. И чү одомини эдэ (что за человек – джуури). – Она уже почти достала кошелёк, но, тут же снова возмутилась. – Миня не гавари «мыть надо, мыть надо» любой чаловик скажет, какой я чистый жинщина.

Очередь слегка приуныла, самое интересное уже позади, а диалог может закончиться не очень скоро, вернее очень не скоро. Вдруг у бабули в сумке зазвонил мобильник. Она шустро достала его и протянула его высокому красавцу:

– Нажимай да, видиш, што я ничего не вижу? Тот сразу нажал на нужную кнопку, отдал телефон владелице удивляясь тому, что телефон-то самый навороченный, последнего поколения. Очень дорогой, с интернетом, со скайпом, ну, в общем, мечта, да и только!

Бабуся, тем временем, соорудила несчастную физиономию и в телефон стала кому-то жаловаться на своё никудышное здоровье:

– Эдэм мүрдэ эј, эдэм мүрдэ, чү сохумгэ настанум. Э аптикүм, эдэм маз восторэ эри кун мэ. (Умираю, просто умираю, что делать не знаю. Я в аптеке, покупаю мазь для своей задницы). – Потом послушав кого-то, нервно добавила, – Аззар нокуми, бур нэфэстүрэ, э хунэ гоф мисохим. (Типун тебе, заткнись, дома поговорим).

Наконец, достав двадцатишекелевую купюру, протянула её Асе и только хотела снова воспеть оду своей чистоплотности, как встрял высокий красавец:

– Бабуся хватит уже болтать, из-за твоей задницы мы

уже два часа торчим здесь.

Шапокляк оглянулась, смерила его взглядом с ног до головы и процедила:

– Кагда ты будиш на маю возраст, у тибя отсохнит савсим дургой место. Понил?

Парнишка, можно сказать, просто ошалел, глаза его выражали растерянность и даже, можно сказать, безысходность. Он оглядывал очередь, видимо, в надежде услышать что-нибудь ободряющее. Но народ безмолвствовал не зная, смеяться или сочувствовать. Вдруг парень как будто очнулся:

– Ладно, ладно бабуля успокойся, мы это ещё посмотрим, у кого что отсохнет.

Бабуся подбоченилась и отпарировала:

– Когда я дургой раз пирду, я тебе точно скажу, что у тибя отсохнит! – И победно оглянув очередь, Шапокляк направилась к выходу.

Исцеление любовью

Всем известно, чтобы скоротать время в дороге, нужна самая малость, хороший попутчик он же и хороший собеседник. В тот летний, жаркий месяц отправили меня в командировку в Н-ский район Азербайджана. Туда отправился поездом в купейном вагоне. Попутчиками моими были довольно неинтересные трое ребят, которые только и говорили о своих прибылях и потерях. Возвращались они домой, продав свой товар на одном из рынков Баку. На меня не обращали никакого внимания, разговаривали между собой и только по-азербайджански, иногда сдабривая свою речь смачной матерной риторикой в чей-то адрес. Я немного приуныл, представляя, какая скукота ждёт меня впереди. Примерно так всё и вышло. Правда, питание было отменным, об этом позаботились местные товарищи.

С билетом в обратную сторону получилась накладочка. То есть билетов не было совсем, но и здесь партийные товарищи оказались на высоте. Для меня сняли бронь высокого начальника, по какой-то причине не поехавшего в Баку. Я был горд оказанной честью. Комфортабельное купе на двоих со своим умывальником и туалетом, мягкие диваны, большой столик и в довершении всего работающее, повторяю, работающее кондиционирование воздуха. «Ещё бы и говорливого собеседника» – прогнозировал я, – «и вообще полный кайф». Как ни странно, но мой прогноз оправдался.

– Салам Алейкум! Меня зовут Ага-Дадаш Али-Абдулла оглы. А тибэ как зовут? – Поздоровался и представился вошедший дядька. Мне двадцативосьмилетнему молодому человеку он показался очень пожилым.

Услышав его сильный акцент, я в душе возликовал. Сразу представил, сколько смешного могу услышать, и поэтому, ответив на приветствие, представился сам и сказал, что мне удобнее разговаривать по-русски.

– Адэ, никакой проблема нету. Я эдинаково гавару на всё языки каторы знаю.

Он хвастливо сообщил, что является третьим секретарём райкома партии и едет в Баку по «особо важным заданиям». Потом он долго и нудно рассказывал о том, какой он ценный партийный работник, но заметив, что я заскучал сказал:

Адэ, давай я тэбэ эдин случай из одного нашего дэрвня расскажу. – И начал свой рассказ:

Эдин раз Мамед из этого дэрвня женился на Сэкинэ-ханум. И Мамед никогда с ней любов не дэла. Она уже скучала-скучала, что пошла к сваю маму и жаловалась да, что Мамед никакой любов с её не дэлает, и фисо. Мама гаварит: - «Иды дочка дамой и пиритварис, что ты силно балной. Он скажет, ай Сэкинэ-ханум, что такой случился, как тибэ вилечит? Тагда скажи, пуст утром выходит на крыша и спрашивает у Аллах, что делат. Фисо иды дамой».

Сэкинэ пришла лигла на настел и кричит: - «Вай-вай я умираю, я забалила, сиводня умру». Мамед сразу рвёт на себя волосы и тоже кричит: - «Что мне делат? Как мне быт?» «Мамед-джан, утром в четыре часа залезай на наш крыша и спраси у Аллах. Он тебе скажет».

Утром Мамед залез на крыша и киричит: – «Ай

Аллах, что мнэ делат? Мой жена Сэкинэ-ханум умирает, а я ни хачу да».

Её мама, на этому мамент, сидела на чердак, и грубый голосом киричит: - «Ай эщек (ишак) прастой вещь не знаеи, ты должен её всегда делат любовь». И рассказал, какой именно «любов» надо делат. «Нет, - закирчал Мамед, - нелза, она мне кушат даёт, мой одижда моет, наконес мой ноги моет, как я магу ей делат такой вещь». «Тагда она умираёт». Гурусно сказал Аллах, каторы мама Сэкинэ-ханум

Пиршол Мамед дамой гурусный-гурусный, а что делат? Сделал любов на Сэкинэ-ханум, как мог и сколько мог, а мог он много-э. Она даже эдин раз сказала «ах!», а дургой раз сказала «ох». Патом Мамед кирепко заснул. Праснулса, а Сэкинэ-ханум палажила на стол вкусный плов, разны-вкусны жарены мясо, а сама громко воеет хараши песня. Мамед увидел это силно-силно заплакал.

– Ай киши, (мужчина) зачем плачиш? Что случился?

– Эх, дурак я савсем дурак! Если бы я знал, что это памагает, я бы свой дедушка тоже делал бы много любов, чтоб он не умерал да.

Надо ли говорить, что задолго до конца рассказа Ага-Дадаша, я от смеха уже бился головой о стену. Итак, командировка полностью удалась.

Скоротаем вечерок

Давайте знакомиться – меня зовут Гарик **Птицын**.

Работаю на одном из бакинских предприятий начальником отдела снабжения. Как видите – человек не маленький. Начальство меня уважает. Мне полагался отдельный кабинет, и мне его дали. Мне полагались командировки, и я их получил в большом количестве. Мне полагалась секретарша, и я её получил. Кстати о секретарше: Олена **Соловейко** – молодая красивая девушка, но несколько ленивая. Не любит себя утруждать работой и если-бы не мои маленькие презенты, привозимые из командировок, то она давным-давно развалила бы мне всю работу.

В семидесятые годы прошлого столетия телефоны имелись не во всех кабинетах, и даже, не на всех предприятиях. В нашей конторе он был только у директора в приёмной, и в его кабинете. Звонить по личным делам запрещалось. Олена, большой любитель поболтать ни о чём, умудрялась убедить Евгению Александровну, секретаршу директора, что ей срочно нужно позвонить «это всего одна минуточка», говорила она и та разрешала.

Когда Евгения Александровна ушла в длительный отпуск, то директор Исафил Мамедович, вместо неё взял Ёлку. Радость той, была через край. А как же? Телефон под рукой – раз, с клиентами можно не церемониться – два, да и должность повыше – три.

Когда мне бывало скучно, захаживал я к Ленке потрепаться.

– Вот бюрократы, уже полтора часа, как заказала телефонный разговор с Москвой, а они никак не соединяют,

— пожаловалась она.

В это время кто-то робко открыл дверь. Вошёл невзрачный маленького роста, тщедушненький, жутко стесняющийся, человек лет сорока.

— Здравствуйте! Простите, пожалуйста.

— Да, да входите. — Излучая гостеприимство, приглашала Олена. Я-то знаю, чего стоило это «гостеприимство», это просто приём такой. Она давно поняла то, что легче всего отвадить посетителя, изображая гостеприимство. Хотя вначале карьеры практиковала хамство. Потом быстро образумилась и поняла, что за это могут попереть с работы, и резко поменяла тактику поведения.

— Моя фамилия Дроздов, — мягко с некоторым стеснением продолжал посетитель Дроздов, — будьте любезны, проверьте пожалуйста, почему мы не получили ответа на наше письмо. — И подробно, не упуская ни малейшей детали, Дроздов стал излагать содержание письма, регулярно называя организацию командировавшую его.

— Конечно, конечно сейчас и проверю. — Ответила Ёлка лучезарно улыбаясь, и выдвинула ящик письменного стола.

Отмечу такую деталь: посетитель стоял напротив секретарши и не мог видеть её манипуляций, а мне, сидевшему позади неё, всё прекрасно было видно. Она выдвинула ящик, низко склонилась над ним, поставила вертикально находившееся там маленькое зеркальце и сосредоточено уставилась в него. Достав губную помаду, занялась волшебными манипуляциями со своими губами.

Я её хорошо понимаю, просто в минуты особого мозгового напряжения, женщине необходимы манипуляции подобного рода. Провозившись довольно долгое время, она задвинула ящик и виновато посмотрела на Дроздова. Он же, весь этот торжественный и важный момент, стоял не шелохнувшись, почтительно взирая на макушку Ленки. Эта макушка, как ему казалось, должна была вынести судьбоносный вердикт

– Товарищ Дроздов, видимо на почте что-то напутали и вашего письма я не нахожу. – С виноватой улыбкой сказала девушка. – Выясните на почте, и пожалуйста, милости просим. Всегда буду рада вам помочь. Ладно?

Ну как мог бедный Дроздов не поддаться обаянию красивой молодой женщины. Несколько раз неловко извинившись, поспешно покинул кабинет.

– И что же это было? – Поинтересовался я у Лены.

– Минутку, минутку. – Рассеяно проговорила она, и стала крутить диск телефона.

– Алло, я заказывала Москву. Сколько можно ждать? Да уже целый час прошёл. Имейте совесть! Что? – Посмотрела на меня как большевик на буржуя. – Вот твари бюрократические. Сколько можно ждать? А? Гарик, тебя спрашиваю.

– Да ладно, куда тебе торопиться? Всё равно сидишь, занимаешься полезными делами, – сыронизировал я. – Кстати, как дела с твоим Журавлёвым?

Олена, уже больше года встречается с Васей Журавлёвым, шофёром такси. Часто рассказывает об их взаимоотношениях.

– Вася хороший парень, но упрямый, дальше некуда.

Ладно, когда он предлагает скоротать вечерок, я всегда за это, но когда он упрямствуется и делает то, что мне не нравится. У-ух убить готова.

– Так, с этого места подробнее. – Подначиваю я, хотя знаю хорошо, что она имеет в виду.

– «Скоротаем вечерок» Гарик – это значит, что его предки куда-то ушли на весь вечер, и он тащит меня к себе, где мы безумствуем, понял? – С удовольствием говорит она. А иногда, рассказывает такие постельные подробности, что мне мужику трудно удержаться от необдуманных поступков, прямо здесь и сейчас. Но я, как вы поняли, человек недюжинного интеллекта, и умею держать себя в руках.

– Ладно, а на танцы, в кино, в театр или просто погулять вы не ходите?

– Ну, ты Гарик даёшь! Удивляюсь тебе. Ты не знаешь, какой мой Вася неугомонный. Тебе такое и не снилось.

В это время зазвонил телефон. Ленка едва успев схватить трубку, кричит:

– Алло, алло Москва? Москва, говорю? – Через секунду. – Что? Какой Гарга-заде? (Гарга – ворона, по-азербайджански). Какое письмо? Из вашего треста? Минутку, сейчас посмотрю. Не вешайте трубку. – Повернувшись ко мне, продолжает. – Ага, разбежалась, сначала русский язык бы выучил, чурка цельная. Я-то думала Москву дали, а тут этот Гарга-заде. Да, что я там говорила? А, так мы с Васей и коротаем вечерок, понял Гарик.

– Ленка, а что, Вася до сих пор рулит на такси?

– Не-а, он уже целый месяц возит какого-то заммини-

стра. Целый день машина у него. Ну, там халтурит, возит пассажиров на государственной «волжанке», но его это уже не устраивает. Он хочет..., – тут в трубке, лежащей на столе, что-то запищало. Она берёт трубку и нежным голосом говорит:

– Нет, уважаемый Гарга-заде, мы ничего не получали. Видимо, на почте опять напугали. – Вдруг побледнела, помолчала несколько секунд, и, путаясь в словах и заикаясь, продолжила, – Н-нет, ну п-почему сразу «зарезу». А, вот нашла, нашла! Просто девочки положили его не на то место и всё. Пожалуйста, приходите завтра, и всё будет готово дорогой Гарга-заде. Всего вам хорошего. До свидания.

– Ты видел, это доисторическое животное? – Говорит Лена, держа в руках пресловутое письмо, которое лежало на самом верху кучки других писем. – Я с ним по-человечески, а он мне «зарезу, да зарезу». Что давно научились стоя писать? Чурбаны безмозглые. Поубывала бы усих, – добавила она, почему-то по-украински.

– Успокойся, чёрт с ним. Что там с Васей? Продолжай.

– А-а Вася, а что Вася он..

Резко распахивается дверь, входит молодой парень, с выдающимся орлиным носом, с наглыми глазами и бесцеремонно выпаливает:

– Ара, золотко! Я тя прашу да. Там один письмо-э должен быть. Пасматри да щасте маё. Мой фамилия **Соколян**. Давай, джана, у меня время нету. – И называет свою организацию.

Но Оленочка уже пришла в себя, и мило улыбаясь, говорит:

– Конечно, конечно вот уже смотрю – выдвигает ящик, ставит поудобнее зеркальце, и начинает тщательно подводить ресницы.

Замечаю, что Соколян хочет заглянуть, на действо, творимое за пишущей машинкой. Но, разве я могу позволить облажаться своей секретарше:

– Братишка, по-моему, я тебя откуда-то знаю. Ты где живёшь, случайно не на Завокзальной?

– Ара да-э-да. Около сапожной будки, где мой пахан да работает. Дядя Вазген, ты наверно знаешь. – Тут он замечает, что Лена отрицательно качает головой.

– Чё, нету? Ара это крах э, клянусь мамой. Хозяин меня казнит. Знаешь чё, я приду завтра, ладно? А ты пошустри да джана. Ты маё ненаглядное пособие. Ладно, козочка мая? – И исчез со скоростью молнии, что сверкает в горах Карабаха.

– Гарик, что это было? – Спросила притихшая Ёла, крутя диск телефона. – Алло станция? Что там с Москвой? Джана моя, я уже два часа жду. – Несвойственное Олене слово, прозвучало неожиданно даже для самой Лены. Поэтому после него она осоловело уставилась на меня.

– Да оставь ты их. Лучше скажи, что с Васей.

Переведя дух, она рассказала следующее:

– Дело в том Гарик, что мой Вася очень любит деньги. Работал таксистом – не устраивало то, что часть денег надо отдавать государству, план так сказать. Возит замминистра – возмущается, что самого замминистра тоже надо иногда возить. Теперь знаешь, что он хочет? Ты не поверишь Гарик! Теперь он хочет устроиться на ассенизаторскую машину. Он говорит: – Приезжаю к кому-нибудь

выкачивать дерьмо и наячинаю петь песню, ой мол, у меня рабочий день кончился, или мотор барахлит или ещё какую-нибудь причину найду. А они то, все в дерьме, и поэтому дадут любые бабки лишь бы я всё выгрёб и увёз. Видишь Гарик, какой башковитый у меня Васька. Уж он-то умеет делать деньги.

Я только хотел сказать пару важных слов, как зазвонил телефон.

– Алло Москва? – Закричала Олена. – Как, только завтра? Я уже три часа сижу, как приклеенная и жду. Да ты нормальная вообще. Алло, алло. Вот зараза дала отбой. Когда, когда Гарик закончится эта бюрократия в нашей стране. Все сволочи, Никто работать не хочет. Чтоб все подошли. – Не унималась, горя праведным гневом Олена. И тут я тихонько и вставляю свои три копейки.

– Олена Афанасьевна, как сказал бы уважаемый Соколян «я тебе скажу два вещи», во-первых, не мешало бы с письмами клиентов разобраться. И ещё, ты не подумала о том, что твой башковитый Вася, работая ассенизатором, будет вонять так, что придётся позабыть, этот ваш «скоротаем вечерок». А, Афанасьевна, что скажешь?

Чудо избавления

Честное слово! Клянусь вам, никогда не думал-э, что какие-то простые вещи могут считаться чудом. Это я, Васиф Шашик-оглу говорю вам. Адэ, знаете что? Я вас предупреждаю – не вздумайте коверкать мою фамилию! Повторяю: моя фамилия Шашик-оглы, Шашик-оглы! Не дай Аллах, если кто-то скажет «Шашлык-оглы». Найду и растерзаю-э, ибо в гневе я страшен, как пять тигров. Не верите? Вы знаете, что я сделал парнишке с параллельного класса? Так вот, он назвал меня не Васифом, а Васей, я ему таких тумачков надавал, что на следующий день он не пришёл в школу. В общем, я вас предупредил-да, а теперь мой рассказ. Однажды стукнуло мне двадцать восемь лет и отец мне говорит:

– Сынок, тебе пора жениться!

Вам может показаться, что он сказал это мягко, потечески. Нет-э-нет! У нас слово старшего в семье – закон. Он сказал – жениться, значит – жениться. Мама и мои тёти, дай Аллах им долгих-долгих лет жизни, пошли говорить с родителями невесты. Только не подумайте-э, что я какой-нибудь дремучий чушка-фасон (недалёкий человек), я заранее разузнал, кто она, из какой семьи. Подкараулил и посмотрел на неё. Моё сердце охватил огонь любви! Во-первых – она в моём вкусе, это такой идеал-да. Во-вторых,... нет, лучше я её опишу сверху вниз.

Причёска, у этой шестнадцатилетней девочки-цветочка необыкновенная. Прямой пробор и длинная чёрная коса свела с ума, наверно, не только меня одного. Круглое личико, большие чёрные глаза, брови – единая ломаная

линия, проходящая через всю переносицу. Адэ, красиво-э, клянусь жизнью! Сама полненькая, плечи округлые, грудь..., нет, это вам не обязательно знать. Бёдра – любая, даже полная женщина позавидует. Ара, влюбился-э! Тем более, что имя её **Гюльчичэк!!!** Гюль – это цветок, а чичэк – это бутончик ещё не открывшегося цветка. В одно только имя можно влюбиться. Моя мама-джан и тёти договорились с родителями моей Гюльчичэк, и мы пошли на смотрины. Как только моя джана меня увидела, тоже сразу влюбилась без ума. А как-э по-другому, она красивая, но я же тоже красавец. Одни мои чёрные, как смоль, усы чего стоят. Ноги кривые потому, что много футбол играл-да. Голова большая, зато умная. Живот большой потому, что хорошо питаюсь. Каждое утро моя бабушка Сэрвиназ готовит мне яичницу из пяти яиц на топлёном масле. Масло сантиметра полтора высотой. Адэ, кушаю все пять яиц с батонем хлеба, а масло черпаю столовой ложкой. Не буду себя описывать подробно, чтобы другие женщины меня не домогались.

Почти каждый вечер, после того, как наши родители пришли к согласию, я стал приходить к ним домой. Её папа подходил ко мне и всегда серьёзно спрашивал:

– Как дела? Как папа? Как мама? Как ты сам? Бабушка болеет? – И ещё много-много вопросов.

Не дожидаясь ответа ни на один вопрос, сажал меня за стол, потом Гюльчичэк приносила чай и я, сидя в кругу её семьи, пил напиток стакан за стаканом. Отказываться неприлично и иногда выпивал трёхдневную свою норму. Каждый раз, приходя к своей красавице, и зная о предстоящем обильном чаепитии, я обязательно посещал

туалет. Не дай Аллах приспичит, что я буду делать? Я не могу упасть низко и опозориться перед новыми родственниками и сказать «хочу в туалет». Нет-э нет, я лучше себе отрежу руку.

Один раз забыл пойти в туалет. Адэ забыл-да, что не бывает? Пришел, сижу, иногда украдкой смотрю на ножки моей Гюльчичэк. Не дай Аллах, чтобы её папа увидел это – убьёт. А что делать, такой закон-да. Сейчас он её защищает, а потом я буду защищать. На улице было холодно, и первые пять стаканов чая пошли по кайфу-э. Потом я почувствовал, что внизу живота мне давит, но всё равно пью. Ещё через полчаса, после одиннадцатого стакана, вижу, что встать не могу. Всё-таки встал, попрощался, а это ещё десять минут. Будущая теща должна передать привет папе, маме, бабушке, дедушке, тёте Солмаз, тёте Назназ, тёте Солтанат, тёте Тура, тёте Хокмэ и моим дядям. Если хотите, могу перечислить их имена тоже. Нет? Ну, как хотите.

Вышел в блок, а Гюльчичэк за мной. Адэ, я так удивился! Во-первых, мы ещё ни разу вместе никуда не ходили, ещё не было разрешения от её папы. Во-вторых, почему именно сегодня она решила меня проводить? Вдруг меня шайтан попутал, я громко чмокнул её в пухлую щёчку. Она сразу и говорит:

– Васиф-джан, больше никогда этого не делай. – А в глазах написано совсем другое.

Ара, вы не поверите, я её столько раз поцеловал, клянусь могилой Баба-хана, знаменитого предка нашего рода погибшего в борьбе с врагами в пятом веке. Я не мог остановиться и поцеловал в каждую щёчку по девять раз. Я

чувствовал, что мой пузырь может лопнуть, но что такое какой-то презренный пузырь по сравнению с этими пухленькими, цвета кровь с молоком, щёчками моей Гюльчичэк. Потом раздался грозный окрик её мамы, и она вся раскрасневшаяся, обхватив своё лицо руками, шмыгнула домой.

Я спустился вниз, вышел из блока и чувствую, что двигаться не могу. Кое-как проковылял к ближайшей стенке и никого вокруг не обнаружив начал чудесно избавляться от ненужной жидкости. Нахожусь на пике блаженства, кайфую от того, что Аллах так мудро придумал такое удовольствие для человека. Вдруг крик:

– Эй, ишак такой! Ты что делаешь под моими окнами? Тебе не стыдно?

– Умоляю, – закричал я, не прекращая волшебства, – умоляю не бей меня. Я просто был у невесты и выпил много чаю.

– У какой невесты? – Грозно спросил он.

Я как раз освободился от последней капли, привёл свой вид в порядок, и рассказал о семье невесты.

– Адэ, не может быть! – Воскликнул он. – Ровно тридцать лет назад, я сватался к её тёте Тукезбан-ханум, и со мной была точно такая история. Но меня хорошенько побили-э тогда. Вот теперь я думаю, а может не стоит нарушать традицию. Как ты думаешь? Тебя побить?

Как я сегодня устал

Босс заранее мне сообщил, что на такое-то число, он вынужден отправить меня в отгул. Видя моё недоуменное лицо, пояснил:

– Понимаешь, сейчас по всему миру кризис, в том числе и у нас. Ты же видишь, что некоторых отправляю в отгул на два, а то и на три дня. Ты не обижайся, а отдохни

и приходи с новыми силами, идеями, ладно?

Куда деваться, хотя и дома-то толком делать нечего. Ладно, видно будет. Может, на пляж схожу, а может, и нет, я не большой любитель моря. Накануне думал, вот, мол выплюсь, торопиться некуда. Проснулся, как всегда, рано. Хотел просто поваляться в постели – не получилось. Сказывалась привычка: проснулся – встал и пошёл. Пришёл работать – работай, решил не работать – не работай, решил отдохнуть – отдыхай, решил не отдыхать – не отдыхай. Предельно простая формула. Но, что-то, прямо с утра, пошло не так. Проводил жену на работу. Оделся по-домашнему, включил телевизор сижу, смотрю. Ну что, вот так и сидеть целый день? Нет-нет, надо что-нибудь придумать. Вот тут-то и приходит мне счастливая мысль. «Удивлю-ка я свою жену, – думаю, – И посвящу я весь свой выходной день домашним хлопотам». То-то жена обрадуется. Будет знать, какой у неё золотой муж. Значит так: куплю всё необходимое для готовки обеда, приберу в квартире, и ещё, хоть и не «царское это дело» перемою, мною же испачканную посуду, короче всё, что делает моя жена по дому. Не пойму только одного, чего это она иногда ворчит на кухне, и главным словом её, в эти моменты – это «устала, да устала». И чего ворчит, во всём мире, все женщины мира выполняют свои домашние обязанности и ничего. Ладно, всё равно я люблю её всякую, мою ворчушку. Пусть себе ворчит, а я докажу ей, что это совсем не трудно. Надо просто любить то, что делаешь и все дела! Что, не правда?

Иду за покупками. Обычно, ношу в кармане список написанный женой, и после работы заезжаю в супермаркет, закупаю необходимые продукты и привожу домой. Сегодня же решил сам составить список, овощи и фрукты купить на рынке, приготовить обед, и даже десерт. Беру хозяйственную сумку на колёсиках и иду на рынок.

Честное слово, это так здорово, это так интересно! Приходишь на базар, а там разные люди, разные характеры, разные настроения. Один кричит, расхваливая своё товар, другой сидит мрачный – никто не покупает его залежалый товар. Смотри и собирай характеры, вот где раздолье писателям и художникам. Но мне-то некогда заниматься чужими характерами, я сегодня занят домашними делами.

Купил всё, что надо, совершенно не торгуясь – просто не умею. Тащу свою тележку и думаю: «зря не поехал на машине», тяжёлая, чёрт возьми. С грехом пополам притащил, разложил покупки на столе и начал колдовать. Вычитал в интернете несколько рецептов первых и вторых блюд, рецепты десерта и начал священнодействовать. Я был уверен, что быстренько справлюсь с готовкой, быстренько приберу в квартире и останется масса времени пошастать по интернету.

Но что-то случилось со временем, не с часами, а именно со временем. Оно стало бежать, как угорелое. Оно помчалось не считаясь ни с чем и ни с кем, в том числе и со мной. Эх, прав был старина Эйнштейн со своей теорией относительности. Эта теория применима и в моём случае. Вот с чего вдруг оно, это время так разбежалось. Что? Кто-то гонится, что ли за ним? Бывает, что сижу дома, просматриваю прессу, а жена тем временем готовит что-то очень вкусное. Я лёжа на диване, нет-нет да и взгляну на часы. И что вы думаете? Создаётся впечатление, что стрелки приклеены к циферблату и не думают двигаться вперёд. Просто безобразие. Никуда, это не годится!

Так, посмотрим, что я понакупил на нашем базаре.

Капуста белокочанная – две штуки. Странно, почему две? Свекла, молодец я – это то, что нужно, судя по рецепту приготовления борща. Морковь, так это витамин чистой воды. Кроме этого, ну там, зелень, перец разный, помидоры, огурцы, и так далее. Надоело перечислять. Нарезаю капусту. Что-то многовато этой капусты. Да ладно, ничего страшного, приготовлю борщ, а ещё и нажарю этой капусты с томатом так, что пальчики будем облизывать.

Нашинковал капусточку, приготовил томатик, скажу по секрету, что вместе с капустой и лучком, выдал туда

же немало чесночку. Ага, небось, читаете, а у самих слюнки текут. То-то же. Заглянул в компьютер, освежить в памяти рецепт и тут же вымазал клавиатуру томатом. Сразу же другой рукой пытаюсь протереть её, а она вымазалась так, что компьютер заглохло и он прочно завис. Грустовато стало на

душе, но времени, у меня, на всё это нет и всё тут.

Часть нарезанной капусты кладу в сковородку, заливаю маслом и на огонь. Пока жарится, бросаю все ингредиенты в кипящую воду – это будущий мой борщ. Просто загляденье. Любуюсь и чувствую запах горелой капусты, хватаю сковородку и без всякого соблюдения

техники безопасности швыряю в сторону. Рука гори-и-т зараза-а. Подождал, пока боль немного отошла, чтоб и капуста тем временем остыла. Пробую. Ничего – вкусно. Но хочу пояснить кое-что. Это так для справки несведущим. Недожаренная капуста для человеческого организма – **вредна и опасна!** Заглянул в кастрюлю, вода, оказывается, вся выкипела, и овощи там, немножко пережарились. Что вам сказать? Я где-то читал, что недожаренные овощи для человеческого организма – **вредны и опасны!** На всякий случай наливаю воды в кастрюлю, солю, и считайте, что этот оригинальный борщ мой ноу-хау. Учитесь, господа пока я добр.

Достаю из холодильника куски свежего лосося. Рыба – что надо, вкуснее не бывает. Ставлю чистую сковородку на газ, наливаю побольше масла и зажигаю огонь. Беру глубокую тарелку, насыпаю туда немного муки, разбиваю на муку парочку яиц, чтоб обваливать там куски рыбы.

Вдруг обращаю внимание, что масло кипит. Никогда не видел, чтобы масло кипело, вода – понятное дело, но масло!/? Сразу бросаю рыбу в сковородку, а оно как зашипит, прямо гюрза какая-то. Еле успеваю отскочить, но несколько капель попали на руку и на майку. От ожогов начинаю подвывать, потом поскуливать, а потом произносить такие слова, что и не просите, повторять их не буду! Ни за какие коврижки. Касательно майки я должен заявить. Что ни говори, умный я парень. Догадался одеться по-домашнему, а если б я был в выходном костюме?

Скоро, буквально через несколько секунд, рыбка моя покрылась аппетитной коричневой корочкой.

Перекладываю всю рыбу в миску, жду, пока остынет и

пробую. Очень даже вкусно, но вот что хочу сказать: соль, даже в малом количестве, для человеческого организма – **вредна и опасна!**

Итак, что мы имеем: Борщ, готов! Жареная капуста, готова! Рыбка моя, готова! Кекс к чаю, не готов! Плохо! Да и времени совсем мало осталось. Беру килограммовую пачку муки, высыпаю в большую миску, заливаю водой и начинаю месить. Перемесил. А сахар забыл добавить. И тут вспомнил: Сахар, для человеческого организма – **очень вреден и опасен!** Помните господа, я слов на ветер не бросаю! Недолго думая, а я, как вы заметили, человек решительный швыряю всё тесто в помойное ведро. Вот так и не иначе.

Смотрю на часы, ой, скоро жена придёт, а я ещё не приступил к уборке. Приступаю, и сразу возникают претензии к учёным. Почему, до сих пор, не придумали ничего такого, чтобы мука не распространялась по всей кухне, а у меня лично, ещё и в салоне. Чертыхаясь, берусь за тряпку. Стараюсь всё протереть, но не везде удаётся.

Вспоминается мудрая поговорка, «очень хорошо, тоже не хорошо». Оставляю тряпку, берусь за веник. Тут в голову приходит спасительная мысль: «В комнатах же я ничего не делал!», а значит надо подмести только на кухне.

Всё! Валюсь с ног!

Раздался звонок в дверь. Бегу открывать. Обычно жена открывает дверь своими ключами, но я специально заблокировал замок, что самому открыть и прокомментировать, проделанную мною работу по дому. Входит жена. Я, стою молча, все слова поубежали куда-то.

Жена, почуяв запахи, бежит на кухню. Видя полную кастрюлю, сковородку с капустой, да ещё рыбку, обнимает меня за шею, и, целуя, приговаривает: – Какой же ты у меня молодец! Умница!

Я долго смотрел на неё, а потом хотел сделать ей комплимент, но получилось у меня грустно и с надрывом:

– Как я сегодня устал! КАК ЖЕ Я СЕГОДНЯ УСТАЛ!

И наша кухня ответила эхом: УСТАЛ, УСТАЛ, СТАЛ, ТАЛ, АЛ, Л, ВОСКЛИЦАТЕЛЬНЫЙ ЗНАК!

Часть вторая

Не все так просто!

Фитнес-клуб

Наталья вовсе не страдала от своей полноты. У неё был любящий муж, хорошо зарабатывавший маклерской работой, трое детей и нормальная работа, и это всё в её двадцать девять лет. Ох, где те времена, когда слегка полная женщина, была предметом обожания всех мужчин, а сейчас нравы изменились и стали прямо противоположными (так и хочется в слове «противоположные», оставить только вторую часть слова «ложные»). Теперь же по всему миру трубят, что вес должен быть, чуть ли не как у Дюймовочки, а рост баскетбольный. Вот такие времена.

Наталья жила жизнью и радостями своей семьи. С удовольствием болтала с детьми, игралась с ними, и все их милые проказы, были ей в радость. По выходным Олег, возили детишек на разные аттракционы, а она, с удовольствием включалась во все их игры. Жизнью была довольна, считала себя счастливой женщиной. На работе все её обожали, и сотрудники, и клиенты турагентства. Её приветливый и лёгкий характер, нравился всем. Клиенты, побывавшие у неё, хотя бы раз, всегда к ней же и возвращались. Начальство, в качестве поощрения, регулярно выплачивало премии, что было вовсе не лишним для семейного бюджета. Да, и вообще, Наташа и Олег считались людьми обеспеченными.

В тот летний, приятный во всех смыслах день, Наталья возвращалась домой. Прогуливалась по скверу в направлении остановки автобуса. Её «Форд-Фокус» был на профилактике.

– Натуля, это ты? – раздался знакомый голос.

Наталя обернулась и, увидев свою подругу, очень обрадовалась. Они обнялись и после охов и ахов присели на ближайшую скамеечку.

– Жануля, солнышко, сколько лет – сколько зим? Где ты? Чем занимаешься? – засыпала вопросами Наташа.

– А ты как? Ведь, после школы мы так и не виделись. Замужем или нет? – Чувствовалось, что Жанна не хочет говорить о себе.

– У меня всё нормально, помнишь, двумя классами повыше, учился Олег? Красавец-блондин, по которому сохли все девчонки. Помнишь? Вот он и есть мой муж.

– Ну конечно помню, он ещё на всех спортивных соревнованиях побеждал. Конечно, конечно помню. Но я что-то не припомню, чтоб у вас был роман.

– Правильно, в школе никакого романа и не было. А всё очень просто: через пару лет, как мы с тобой окончили школу, я случайно встретила его на улице и мы разговорились. Ну, стали вспоминать школу, всех учителей, в общем, болтали о разном. Я попросила его рассказать о себе, и узнав, что он ещё не женат, поняла как мне поступить дальше. Короче после нашего разговора, он назначил мне свидание, и всё закрутилось, завертелось. Повстречавшись, некоторое время, мы поняли, что жить друг без друга не можем и через три месяца поженились. Вот, собственно и всё. А ты как?

– Слушай Ната, – проигнорировала вопрос Жанна, – у меня шикарная идея. Приходи в мой фитнес-клуб прямо завтра, пообщаемся. Ведь, нам есть о чём поболтать.

Приходи, а? О-Кей?

На том женщины и расстались. Вечером, за ужином Наталья рассказала Олегу о встрече с Жанной. Олег, всё никак не мог её вспомнить. Наконец, чтобы не огорчать жену, сказал, что вспомнил эту Жанну. Его, эта встреча, Натки и Жанны, оставила равнодушным. Ну, встретились подружки, ну и хорошо. Он любил свою Наталку, и старался, чтобы ей всегда и во всём было комфортно.

На следующий день, после работы, Наталья зашла в фитнес-клуб, чем и обрадовала Жанну.

– Ну, ты молодец, что зашла. Поболтаем, а заодно и посмотрим, чем мы здесь занимаемся.

В первый раз, всё казалось необычным и интересным.

– Давай Натка подключайся, во-первых, всегда будешь в форме, во-вторых, оздоровишься.

– Вообще-то я на здоровье не жалуюсь, но любопытно. Пожалуй, и займусь.

Наташа, стала регулярно посещать фитнес-клуб. Иногда после занятий забегали вдвоём в ближайшее кафе попить кофейку, а заодно и посплетничать. Между ними было много общего, всё-таки обе учились в одном классе. А уж, количество тем – просто неисчерпаемо. Однажды Жанна спросила:

– А как твой Олег? Как он к тебе относится? – Теперь, после многих душевных разговоров она могла спросить об этом напрямую.

– Мой Олег? – Переспросила Ната. – Прекрасно, он во мне души не чает, и без детей дня прожить не может. Прелесть мой Олег.

– А кто детей обслуживает? Вы оба на работе, а за детьми нужен присмотр.

– Вот говорят, что свекровь с невесткой – это кошка с мышкой. А я тебе скажу, что вовсе и не обязательно. Она приходит каждый день, кого в садик отведёт, кого в школу. А Олег, каждую свою свободную минутку проводит со мной. Подойдёт, приласкает, шепнёт что-нибудь приятное на ушко. Иногда ходим на какие-нибудь мероприятия, а в основном всегда дома в кругу семьи. Вот такая у меня жизнь и я этим очень довольна. – Выговорила Наталья.

– М-да, и так значит вы живёте. – Утвердительно-задумчиво произнесла Жанна.

– А что, что-то не так?

– Нет-нет, всё так. Ну, разбежались?

Плоды занятий в фитнес-клубе, не замедлились проявиться. Наташа заметно похудела, и стройность очень ей подходила. Но некоторые ограничения в еде, а главное на слова Жанны, «я, тебе Натка, на многое открою глаза» не могли не сказаться на её настроении. Её стали раздражать некоторые привычки Олега. Она вспоминала Жанкины слова, что если мужчина домосед, то у него не всё в порядке с головой. Когда Олег, подходил к жене обнять её чмокнуть в щёчку, то её это стало раздражать.

– Что ты меня всё время слюнявишь? Когда в последний раз мы были на какой-нибудь тусовке. Что с тобой Олег, совсем обабился?

Его это обижало, но как большинство сильных духом и телом людей, он старался сгладить конфликт. Надеялся на то, что мол: «Нервничает она. Полуголодное существование, кому угодно испортит настроение», и был уверен, что пройдёт какое-то время и всё будет по-прежнему

Наталья, по совету Жанны стала обновлять свой гарде-

роб, и пристрастилась к покупкам, нужным, а порой и вовсе ненужным. Несмотря на то, что и муж, и жена зарабатывали прилично, в семейном бюджете появилась брешь. Олег, ради семейного благополучия, якобы не замечал необузданных затрат. Ната могла зайти в бутик и купить разом десять-пятнадцать кофточек, из которых носила две-три понравившихся, или три пары обуви, которые могли потом проваляться в шкафу нераспакованными. Иногда Олег деликатно намекал, что некоторые вещи неплохо бы и носить. Реакция была резкой и бескомпромиссной вроде, «что ты в этом понимаешь?». В её такой реакции было что-то унижительное, но муж, ни разу не взорвался. Однажды Олег сказал ей, что неплохо бы подсократить траты. Наташа расплакалась и бросила ему:

– Ты меня совсем не любишь. – И тут же позвонила Жанне и рассказала её о конфликте.

На следующий день Жанна стала её поучать:

– Ты подруга пойми, мужчины все эгоисты и сволочи, как бы тебе это дико не показалось. Он хочет одного – управлять твоей жизнью, твоим поведением и не только, он хочет управлять твоими мыслями. Не забывай ты женщина, ты венец божьего творения. Почему ты должна быть прикреплена к нему? Ты молода, красива, стройна! Ты должна покорять, а потом бросать мужчин. С твоими-то данными. Ты совсем себя не ценишь. Знаешь, сколько мужчин мне покорены, ты не поверишь. Ты должна быть **УВЕРЕНА В СЕБЕ**, хоть это ты понимаешь? Несвободная женщина – просто самка, а свободная женщина – бо-же-ство. Мы, женщины, сами даём им управлять нами, а

потом жалуемся, что вот «у той жизнь испорчена, и у этой». Но проблема вполне разрешима, **мы** должны ими управлять, а не наоборот. Ты поняла?

От этих «ты-ты-ты» голова шла кругом. Наташа даже всплакнула, её стало так жалко себя, «загубленная молодость, пелёнки, муж тиран» – думала она, и потихоньку какая-то, ещё не сформировавшаяся мысль, начала долбить в самое темечко.

– Мы с тобой близкие подруги, – продолжала Жанна, – пойми, я тебе ничего плохого не посоветую. Пересмотри своё с ним отношение. Ты увидишь, как легко тебе заживётся, задышится.

– Что же мне делать? – Растеряно спросила Наталья.

– Не знаю, ты сама должна принять то или иное решение. – Жёстко сказала Жанна. И добавила. – Нельзя им доверять, они коварные, тщеславные и самодовольные приматы.

– Знаешь что, сходи-ка по этому адресочку, – добавила она, протягивая ей чью-то визитку.

– А, что это?

– Там всё узнаешь. – Обрубила Жанна.

Ну, как же близкая подруга посоветовала! Наташа пошла по указанному адресу, предварительно позвонив и договорившись о встрече. Клуб назывался «Решайся». Встретили её в этом клубе, как родного человека.

– В нашей группе тебе будет хорошо, – благожелательно сказала Настасья Феофановна – руководитель группы.

И действительно, в группе царила спокойная и успокаивающая обстановка. Всё стало понятным, когда Настасья

Феофановна начала лекцию. Всё, что говорилось ею, ложилось бальзамом на душу Наташе, у неё даже навернулись слёзы. «Вот, гад – вот гад, – думала она, – а я, такая дура, залезла в эту кабалу. Эх, Жанна, Жанна, где же ты была раньше?»

Ей всё здесь нравилось, но одно насторожило, все эти женщины были какие-то чересчур ласковые. Они обнимали друг друга, смотрели друг на друга, и шептались друг с дружкой, чересчур откровенно и недвусмысленно. Наталья была далека от подобных вещей, её вовсе это не нравилось, и любые подобные попытки, отвергала. Но чтобы укрепиться в своём решении уйти от мужа, она все же пришла ещё раз на лекцию. А потом прекратила с ними всяческие контакты.

Вечером Олег спросил:

– Наточка моя, что с тобой происходит? Последнее время не интересуешься детьми. На моё предложение пойти куда-нибудь вдвоём или с детьми, ты резко отказываешься. В чём дело родная?

Она еле дослушала его и с перекошенным от злости и ненависти лицом передразнила его:

– «В чём дело родная?» Всё, мне надоело, – неожиданно закричала она, – что ты понимаешь, животное? Это ты сломал мне жизнь. Что я вижу? У людей совсем другая жизнь. Ты этого не поймёшь ни-ког-да! Я ухожу от тебя.

– Что произошло? – растерянно спросил Олег. – Всё в жизни исправимо. Тебе хочется покупать, ну и покупай на здоровье. Давай поговорим спокойно.

– Я у-хо-жу понял? Если до тебя это не дошло, то это

твои проблемы.

Сказала – отрезала, и естественно выскочив на улицу позвонила с мобильного Жанне. Та, не скрывая радости, выслушала, посочувствовала, и впервые пригласила подругу к себе домой. Ната отключив телефон, отправилась к Жанне.

Наташа была настолько взвинчена, что не сразу обратила внимания на то, что Жанна живёт, и видимо давно, одна в своей шикарной трёхкомнатной квартире.

Подружки долго сидели на кухне и обсуждали мужчин, и пришли к общему мнению, что чем жить в таких условиях как Натка, так уж лучше быть одной. На предложение Жанны лечь спать в одну кровать, Наташа ответа холодным отказом.

Дальше начался кошмарный период раздела имущества и развода. Детей, она оставила мужу, добавив при этом:

– Я не в силах обслуживать целую ораву.

На этом семейная жизнь Наташи закончилась, началась новая, и как грезилось ей, сулящая полной радости и счастья новая жизнь. К сожалению, судьба вносит свои коррективы. Своим теперешним «независимым и полным самоуважения» характером, она оттолкнула часть постоянных клиентов. На претензии начальника, он реагировала дерзко, и насмешливо, что не

могло не сказаться на их взаимоотношениях. В конце концов, шеф заявил, что больше в её услугах не нуждается. Наталья усмехнулась и сказала:

– Меня, между прочим, с моими знаниями и опытом примут в любое самое престижное агентство. Чао, какао.

Несмотря на некий холодок между подругами, Ната всё же продолжала посещать фитнес-клуб. Находя там некую отдушину. Но, однажды подойдя к нему, посмотрела на вывеску, и что-то щёлкнуло в голове. «А может я ошиблась?» мелькнула мысль, и, не зная как жить дальше, Наталья растерянно пошла в обратную сторону. То, что она увидела на стоянке, повергло её в шок. На её глазах, какой-то парень подошёл к её «Фокусу», что-то поколдовал, открыл дверь, сел на водительское место, завёл мотор и был таков.

Наташа поняла, что она потеряла не только машину, но и самое главное в жизни – семью, а с ней и всё остальное, включая самоуважение. На глаза навернулись горькие слёзы.

Долгое время не удавалось найти работу. В турагентствах, её не принимали, видимо слухи сделали своё чёрное дело. Но найти другую работу, тоже не удавалось. Без машины, и с ограниченной суммой денег, будущее казалось бесперспективным.

После той ночи у Жанны, отношения подруг разладились окончательно. Осталась Наташа совсем одна. Странно, ей не приходило в голову связаться с Олегом, поговорить с детьми. По прежней жизни Ната не скучала и старалась вообще не вспоминать о ней. Целыми днями искала работу и иногда захаживала в кафе перекусить.

Живя на скромной съёмной квартире, ничего себе не готовила. То, что ела в кафешках, вполне ей хватало.

Неделя началась неудачно, все собеседования проваливались одно за другим. И, отсутствие мужских ласк, тоже сказывалось неблагоприятно на настроении. Уставшая, голодная и обозлённая на весь мир Наталья, вошла в «своё» кафе пообедать. Нашла свободный столик, присела и заказала своё стандартное меню. Минут через пять, подсел мужчина лет сорока пяти. По всему видно было, что человек хочет поесть и больше ничего. На Наталью ноль внимания, что немного покорило её. И она решила испытать себя, как женщину.

– Будьте добры, подайте мне солонку, пожалуйста. – Проворковала она.

– Пожалуйста, – вежливо ответил он, и снова углубился в процесс питания.

– Скажите, а почему я вас раньше здесь никогда не видела?

– Ой, извините, я так занят своими мыслями, что..., ну, вобщем меня зовут Демид. А вас? – Виновато спросил Демид.

– Демид? Довольно редкое имя. А чем вы занимаетесь? – С живейшим интересом поинтересовалась Наталья.

Внешний вид Демида, совсем не соответствовал сущности его. Он, с тем же кротко-виноватым видом ответил:

– Да вот, имею небольшой бизнес. Холост, вредных привычек нет, – последнюю фразу отчеканил, как на экзаммене. Оба приснули от смеха. Так завязалось знакомство.

В этот же вечер Демид пригласил Наташу домой, и она осталась на ночь. Утром, за завтраком Наташа рассказала свою историю, опустив некоторые подробности.

– Живи здесь. – Бросил Демид, от вчерашней галантности не было и тени. Ната, не придавала значения этой метаморфозе.

Не зря Демид скрывал род своей деятельности. У него была своя контора, по обеспечению платежеспособных людей, девушками по сопровождению. Адреса, конечно никто не знал. Все договоренности осуществлялись по телефону или через интернет. Он широко использовал свою неотразимую внешность. Вот и с Натальей, отменно сыграл роль занятого бизнесмена и галантного интеллигента. Изначально хотел и Наташу использовать по назначению. Удержало его от этого стервозность и усталость, которую видел в её глазах

Наташа надеялась, что хотя бы у Демида будет компьютер, но Демид пользовался рабочей техникой. Компьютер сильно облегчил бы поиски работы, но делать нечего. Снова звонки по разным фирмам, снова собеседования. Вечерами ожидания прихода Демида. Иногда его не бывало до самого утра. Ната, ни о чём его не спрашивала, зная, что он не любит лишних вопросов.

Однажды решила поставить точку на их взаимоотношениях, тем более, что никакой любви между ними не было. Просто хотелось внести ясность. Он пришёл поздно, и чем-то обозлённым. Она, невзирая на его состояние, начала свои расспросы. Он, молча смотрел на неё, и вдруг изо всех сил, влепил такую пощёчину, что она, перелетев через всю комнату, бухнулась на диван. Долго

ничего не могла сообразить. Её никто и никогда не бил, а тут такое потрясение. Наташа была в полном сознании, но ничего не понимала. Демид спокойно пошёл на кухню, принёс стакан воды, подошёл с протянутой рукой. Постоял, постоял, и опять неожиданно, опрокинул весь стакан на её лицо. И спокойно сказал:

– Вставай сучка, и уматывай отсюда, пока не получила по полной программе. Ещё не хватало, чтобы каждая шалава меня контролировала.

Так Наталья оказалась на улице. Присела на скамеечку, проплакала целый час. Сейчас перед ней была неразрешимая дилемма. Звонить или не звонить Олегу? А, вдруг не примет? А, если примет, то что? Тогда всё наладится? А, если наладится, то как-же быть с «уверенностью и независимостью?» И как можно смириться с «мужским диктатом»? Так, звонить или не звонить? Воистину дилемма!!!

Старая пластинка

Малко, неужели ничего не сохранилось? Всё переискал, куда только не лазил. Нет и всё тут. Ну что поделаешь? Даже на антресоли залезал, это в мои-то годы. Очень хотелось найти хоть что-нибудь. Ищу я какую-нибудь старую виниловую пластинку. Хочется вспомнить годы детства, годы отрочества, годы юности, годы молодости. Ни одной не нашёл. Это-то как раз и неудивительно, но если бы нашлась, хотя бы одна, я был бы счастлив. Ничто так не напоминает прошлое, как мелодия, слышанная в то время. А вы знаете что? Наверное, и неплохо, что не нашёл. Ну, нашёл бы одну пластинку и только о ней, и о том, что с ней связано и вспоминал бы. О ней только и говорил бы. А теперь буду вспоминать обо всех близких и дорогих моему сердцу мелодиях и событиях, связанных с пластинкой....

Начну с самого детства.

Первая половина пятидесятых годов. Я – дошкольник. Дома у нас два звуковоспроизводящих аппарата. Это – элементарный патефон, и лучший для того времени, электропроигрыватель. Кроме этого, множество старых легкобьющихся пластинок на семьдесят восемь оборотов, на которых всего-то по две песни. И новинка того времени – долгоиграющие пластинки с несколькими песнями с каждой стороны. Вот их то, то есть долгоиграющих, на патефоне и не послушаешь.

Пока папа и мама на работе, я пробираясь в родительскую спальню, крутил ручку патефона и ставлю пластинку на семьдесят восемь оборотов с песнями Марка Бернеса. Слушаю с удовольствием, некоторые слова мне особенно нравились. Например: «Просто я работаю волшебником». «Когда вырасту, непременно буду работать

волшебником» – с мечтательным взором, думал я. Но не все слова были мне понятны, ну, что такое «малобронный» или «маховой»? Уже потом, позже, я понял слова этой песни: «Серёжка с Малой Бронной, и Витька с Маховой».

Нравились военные песни. Моя уверенность, что наша страна – самая сильная и справедливая во всём мире, была через край. В том, что немцы и американцы плохие – вообще не сомневался. Я ставил долгоиграющую пластинку на тридцать три оборота, в то время новинку. Первая песня, «Школьный вальс», помните: «Давно друзья весёлые простились мы со школою». От этой песни я просто млею. Рисовалась картина – я уже выпускник, все учебные годы получал только пятёрки, и впереди много нового и интересного. А на выпускном бале я вальсирую с самыми красивыми девочками, и, конечно же, лучше меня никто не танцует. В пятьдесят седьмом году состоялся первый Московский Фестиваль Молодёжи и Студентов. А после студия грамзаписи «Мелодия» выпустила множество новых пластинок, с новыми песнями, в том числе и западными. Естественно, что музыкальный кругозор советских людей несколько расширился.

Мы полюбили зарубежную эстраду, что совсем не приветствовалось нашими школьными воспитателями-учителями. Разве не восхитительны (такие) певцы (как) Ив Монтан, Эдит Пиаф, Поль Робсон, Джорджи Марьянович или Радмила Караклаич? А позже наши подростковые сердца завоевали звёзды итальянской эстрады – Марино Марини с его песней «Марина, Марина, Марина». Клаудио Вилла знаменитой песней «Дым». Если песню «Марина» мы подхватили и подобрали на гитаре легко, то песня «Дым» нам, тогдашним пяти-шести-классникам, оказалась недоступной. Аккорды песни оказались, хоть и очень красивыми, но чрезвычайно сложными. Помню, меня покорила итальянская песня «Маручелла». Сразу представ-

илась черноволосая красавица, в которую влюблены все итальянцы. А когда прозвучали песни Р.Лоретти, все советские слушатели впали в состояние шока. Мы не были исключением, пытались петь его песни, фальшивя так, что самим было противно. Тем не менее, пели, подражая тембру его голоса, не понимая, что исключительность – вещь штучная. Видимо, мы уроженцы Кубы, этого небольшого городка на севере Азербайджана, созрели для дальнейшего проникновения в тайны серьёзной музыки. Мы стали тайком от старших слушать «Голос Америки». Бархатный баритон известного американского просветителя В. Канновера просто очаровал нас, зелёных юнцов, пока не имеющих понятия о джазовой музыке. Мы ничего не понимали по-английски, но стоило начаться музыкальной композиции, как мы, не отрываясь от радиоприёмника, слушали заглушаемую советскими спецслужбами музыку.

Заглушали предельно простым способом – включался мотор, и звук его транслировали на частоте джазовой волны. Советская идеология не могла смириться «с враждебной и вредоносной музыки». Она действительно была «вредоносной для существовавшего тогда строя. Мы поняли простую вещь – человек, живущий в страхе перед властью, внутренне не свободен, и поэтому не сможет так легко и свободно импровизировать.

Мы музицировали, мы слушали, мы радовались. Нам запрещали, нас гоняли, нам указывали, нам угрожали. Но, к счастью, времена были уже немного другими. А ведь когда-то за игру на саксофоне некоторые музыканты получили пять лет тюрьмы. Но нужно учесть бунтарство, присущее подростку. Нам не приходило в голову, что власти способны по отношению к нам на что-то плохое, недостойное. Не все мы стали джазменами или вообще музыкантами, но любовь к джазу, а равно как и к хорошей музыке, сохранили на всю жизнь. А ведь всё начиналось с Марка Бернеса.

Неотправленное письмо нытика

Усевшись за компьютер, он, студент университета, взялся писать самое трудное в его жизни письмо:

Представь себе, открываю томик стихов Анны Ахматовой и сразу читаю строчки:

*«Здравствуй! Лёгкий шелест
слышишь справа от стола?
Этих строчек не допишешь –
я к тебе пришла».*

Не удивляйся, что привожу эти строчки тебе. И не удивляйся, что не здороваюсь. Всё предельно просто. Ведь сначала я хотел написать тебе обычное письмо и послать по почте. Но как представил твоё улыбающееся лицо, а потом твой хохот и то, как, не распечатывая конверта, бросаешь его в урну, то..., то.... Ладно, напишу понятным тебе языком, и отправлю понятным тебе способом. Ты ведь предпочитаешь электронные послания. А «древность», как ты выражаешься, «для столетних стариков». Не здороваюсь потому, что слово «привет» – не приемлешь, а писать «превед» я не могу. Ведь такое общение принято в интернете. Опровергни, а вдруг я ошибаюсь.

Вернись к строкам поэтессы. Заставь себя прочесть их внимательно. Скажи мне, что из написанного можешь отнести к себе? «Лёгкий шелест?» О тебе ли это? О, нет! Ты врываешься, как

цунами, как ураган. Так, как только ты умеешь. Тогда что? «Справа от стола?» Да не смеши меня, пожалуйста. Когда ты врываешься, то ты всюду - и справа, и слева, и сверху, и снизу. Ты - везде! Какой там «лёгкий шелест». Или «Этих строчек не допишешь?». Ничего подобного! Допишу! Я дошёл до точки! И никто мне не сможет помешать. Я всё должен сказать. Ничего не буду держать в себе.

Тебе смешно, когда читают стихи. Ты хохотала до упаду, когда я сказал, что можем съездить большой компанией в ближайший лесок. «И что?» – Спросила ты. «Как что? Разведём костёр, попоём песни, поедим печёной картошки. У нас в компании есть настоящий бард, сочиняющий хорошие песни». Ты некоторое время смотрела на меня как на тяжелого больного, а потом смеялась аж до слёз. И всё время приговаривала: «С копыт съехал бедняга. Бард, песни петь! Да ты просто больной». Мне было больно слышать это. Больно слышать, что близкий человек не просто не понимает многих прекрасных вещей, но и откровенно насмехается над теми, кто не такой, «как все».

Помню, как ты отреагировала на моё предложение пойти послушать джаз или классику в исполнении признанных мастеров. Снисходительно похлопала по плечу, как бы говоря «ничего, ничего, это излечимо». Потом ты, осенённая некой идеей, с некоторой хрипотцой сказала: «Пойдём лучше ко мне, покувыркаемся. Родители придут не скоро». Я был возмущён, но ты, не дав мне высказаться, положила руку мне на плечо, тихо добавила: «В минуты любви ты

бесподобен». От этих слов у меня помутилось в глазах, и я безропотно сдался.

Допишу письмо и отправлю его тебе, надеясь на то, что поймёшь его правильно. Открой глаза, и ты увидишь, сколько прекрасного есть на свете. Что существуют не только чувственные наслаждения, не только тело должно получать удовольствие, но и душа – это важно. Не буду писать долго, это тебя обременит, а всё обременительное ты сразу отмечаешь и напрочь забываешь. Мне хочется, чтобы ты дочитала письмо и не приходила ко мне. Боюсь, увидев тебя, я, как всегда, забуду обо всём на свете. Не приходи!

Нет, всё-таки напишу длинное письмо, а посылать буду маленькими отрывками. Хочу, чтобы ты знала обо всём, меня мучающем.

*Не приходи! Слышишь! Всё просто, я боюсь слов:
«Этих строчек не допишешь – я к тебе пришла».*

Он оторвался от компьютера, просто немного задумался. Воспоминания будоражили его. Перед глазами пробегали волнующие картинки их встреч. В это время раздался громкий стук в дверь. Так могла стучать только она. «Боже мой!» – Воскликнул он. – «Боже мой – это она!» Бегом бросился к дверям, начисто забыв, что ещё недавно хотел отчитать её. Почти добежав до двери, кинулся назад и одним кликом стёр всё, что успел написать. Побежал обратно к дверям. Последней его мыслью, перед тем как распахнуть дверь, была: «Только бы это была она! Только бы это была она!»

Обещание еврея

Молоканский садик, расположенный в самом центре Баку, ничем особенным от других садиков не отличался. Обычное место отдыха, с искусственным водоёмчиком, посередине которого располагалась скульптурная композиция в виде трёх девушек. Повсюду было много скамеечек, на которых отдыхали и постоянные посетители, и случайно забредшие гуляки. Там же располагалась чайхана, работавшая допоздна, что очень радовала бакинских музыкантов. Каждый вечер после работы в ресторане здесь собиралось много лабухов, чтобы обменяться впечатлениями или похвастаться новой виниловой пластинкой с вожделенным джазом. Это вечером, а днём...

А днём здесь собиралась совсем другая публика. Как правило пожилые, а то и старые дяденьки, обсуждавшие свои проблемы. Если чужой человек приближался к ним, то тема разговора резко менялась. Слышались только сетования и жалобы на свои болячки. Все постояльцы садика были искушёнными людьми, они прекрасно понимали опасность своего рода деятельности. Никому не хотелось остаток своей жизни провести в тюрьме, или (не дай Б-г) получить расстрельную статью.

В эпоху всеобщего дефицита советские люди искали способ достойного существования. Мало было иметь какую-то сумму, надо было ещё и достать нужный товар. Кстати, чтобы иметь какую-то сумму, тоже надо было изрядно потрудиться, и не на государственной ниве, а как-то «по левому». И каждый искал свой путь, доставал

деньги, как мог и где мог. Здесь же, в этом садике, можно было заключить сделку и разжиться золотишком или камешками. Товар, в общем-то, нужный. Без него ни жениться, ни замуж выйти, ни на день рождения к уважаемым людям не пойти.

Конечно, всё делалось через посредников, и в условиях строжайшей секретности. Да и сама схема выхода на продавца была такой сложной и запутанной, что простым смертным ничего не светило.

Контингент «ювелиров» (так их называли в узком кругу) состоял, в своём большинстве, из евреев. Здесь никогда не было обмана, или вера на слово постоянным проверенным посредникам, или схема «утром деньги – вечером стулья», для не прошедших испытания новичков.

За Оруджа поручились достойные и уважаемые люди, и все «ювелиры» были предупреждены, что парню можно доверять. Новичок на новом поприще – Орудж, понимая всю серьёзность новой для него деятельности, взялся за дело с полной ответственностью. Люди, рекомендовавшие его, направили Оруджа к дяде Йовдо, но предупредили, что ни с кем другим и ни о чём говорить нельзя. Оруджа интересовал очень дорогостоящий товар, попросту говоря женский бриллиантовый комплект из серёжек, броши и колечка и вся эта прелесть обсыпана камушками. Он объяснил дяде Йовдо, что комплект заказан крупным и серьёзным человеком и «киксов» быть не должно, иначе.... Тут дядя Йовдо, не дав договорить Оруджу, сделал останавливающий жест рукой.

– Не надо, не надо – прошамкал он беззубо – здесь все нормальные люди. Пуллары кетирмисэн? (Деньги принёс?)

И процитировал знаменитую фразу «Утрум дэньги – вичиром стулья».

Вскоре громаднейшая сумма переключалась в карман «ювелира». Договорились встретиться через неделю. Орудж сообщил заказчику, что товар будет через месяц. Мало ли какие неожиданности могут быть.

Через неделю Орудж прождал в условленном месте целый час, но дядя Йовдо так и не появился. Честь и хвала Оруджу, что, он не стал связывать это с национальностью «ювелира» – настоящий бакинец не может быть националистом! Он только подумал: «Бирдэн өлүб еләмәсә јахшыды» (Лишь бы не помер). Орудж хорошо понимал, что в садике никто ничего не скажет. Чего доброго, ещё и доверия потерять не долго, если приставать с расспросами.

Прошло ещё несколько дней, но никаких концов не находилось. Тогда новоявленный посредник решил как-нибудь собрать нужную сумму и вернуть заказчику. Он понимал, что заказчик может быть потерян, но если и деньги не будут возвращены, то страшно даже подумать, что за этим последует. Другого выхода просто не было. Прошло ещё десять дней. Орудж влез в долги, собрал нужную сумму и собрался идти на «казнь».

Выйдя из дома, Орудж натолкнулся на пристальный взгляд молодого человека.

– Вы Орудж? – Спросил тот.

– Да, а ты кто такой? – довольно недружелюбно ответил Орудж, боясь подставы.

– Пойдёмте со мной, пожалуйста, вас хочет видеть дядя Йовдо.

Орудж опасливо оглядел улицу, опасаясь элементар-

ного грабежа. На улице ничего подозрительного не было.

По дороге молодой человек сказал, что несколько дней назад дядю Йовдо скосила какая-то болезнь, и что он сильно сдал за этот короткий промежуток времени.

– Положение безнадежное. – Горько добавил парень.

Оказалось, что «ювелир» жил не так уж далеко от Оруджа. Когда вошли в квартиру, Орудж почувствовал, по самой атмосфере в доме, по домочадцам, что положение больного действительно крайне серьезное. Вошли в спальню. На кровати лежал изможденный, незнакомый Оруджу, человек.

– Хардасан, ај балам? Мэн гозләјирәм сәни ахы. (Где же ты сынок, я же тебя жду?).

Теперь Орудж узнал дядю Йовдо по голосу.

Больной с трудом залез рукой под матрас, вытащил оттуда сверток, обернутый чистой тряпкой, отдал его Оруджу и навсегда закрыл глаза.

Орудж возвращался домой оглушенный и растерянный: «Как же так, выходит дядя Йовдо не мог даже умереть, не вернув своего долга? Да будет земля пухом для такого чистого и честного человека!». И последней мыслью Оруджа, прежде чем, войти домой была: «А много ли таких людей осталось на белом свете?»

На следующий день Орудж вернулся к своей обыденной работе, но этот тяжелый и горький урок он не забудет никогда.

Рецепт счастья

Однажды у Яши сильно заболела левая рука. Это, конечно, не катастрофа, но, не зная мнительный характер его, не стоит спешить с выводами. Яша – это только для друзей и близких, а вообще-то его зовут Яков Аронович Зильбергерц. Имея потрясающие музыкальные данные, а кроме того, привитые родителями ответственность, усидчивость и прилежание, Яков стал великолепным скрипачом. А собственно кем ещё может быть человек с таким именем? Такого скрипача любой музыкальный коллектив оторвал бы, как говорится с руками и ногами. Он действительно был великолепным музыкантом. Во-первых, любые самые сложные нотные партии с лёгкостью читал с листа, во-вторых, что особенно ценилось в музыкальной среде, являлся прекрасным импровизатором. В любом музыкальном жанре чувствовал себя свободно: классика, джаз, рок, соул короче – буквально во всех. Товарищи относились к нему с большим уважением – никогда не подведёт, всегда готов помочь, даже в ущерб себе.

Все эти, казалось бы, положительные черты характера, зачастую оборачивались против него самого. Его эксплуатировали, к нему обращались с самыми разными проблемами, а он, как хорошо воспитанный, ответственный и интеллигентный человек, выполнял все прихоти друзей, и родственников. Да, да именно родственников. Уж они-то, зная его безотказность,

нешадно пользовались его доброжелательностью. А теперь болит левая рука! Болит рука – для Якова это конец всему. Его мнительность привела к тому, что рука не просто болела, а стала по-настоящему отниматься. Хочет сыграть пассаж на скрипке, а рука вдруг бац, и повисла. После первого же прокола Яша запаниковал. Перед глазами картины одна страшнее другой. Эта болезнь усугублялась мнительностью и превращалась в катастрофу вселенского масштаба. Вот, он подвёл друзей, вот подвёл музыкальный коллектив, а вот не справился со своей скрипичной партией. Словом, конец карьере, а может и жизни, нет, нет и ещё раз нет, об этом лучше не думать. Ведь парень-то молодой, а тут такая напасть. Не думать не получалось, а даже наоборот, только об этом и думал наш бедный Яков Аронович.

С кем только Яша не консультировался, но никто, даже бакинские светила ничего сделать не могли. Он жаловался на свою руку всем подряд, приставал ко всем, включая и тех, кому вообще не приходилось сталкиваться с болезнями, и, видимо, правильно делал, что приставал. Наконец нашёлся парень, который предложил что-то конкретное. Он сказал, что есть в Москве некий врач по фамилии Альтман, ортопед с большим стажем. Этот парень даже знал место работы врача. Что-то в фамилии врача, показалось Яше родным, а сочетание слов скрипка-альт, окончательно убедило его в том, что только этот врач сможет излечить его от болезненного недуга.

Яков как человек обстоятельный изучил карту Москвы. Определил, что от аэропорта Домодедово до этой поликлиники добираться надо не менее полудня (нет,

нужно этот полудень убрать, пополудни это 12 часов дня), взял билет на ночной рейс. Не забыл в качестве благодарности доктору прихватить пару килограмм чёрной икры наивысшего качества. Рано утром самолёт благополучно приземлился в Москве. Яша, замученный думами о будущем, вышел из самолёта и прошёл в здание аэропорта. Здесь, чтобы собраться с мыслями присел на скамеечку. Не успел усестись поудобнее, как уборщица, сообразуясь со своей профессией, прошлась по его ногам мокрой и зловонной тряпкой. Наш герой уже готов был извиниться перед этой многокилограммовой женщиной с бульдожьим лицом за то, что уселся в неправильном месте и в неправильное время, но та вдруг рывкнула:

– Чего расселся, чурбан нерусский? Не видишь, здесь люди работают? Понаехали тут.

Интеллигент Яша приуныл, на гастролях он познакомился с прелестями ненавязчивого советского сервиса, хорошо знал, что такое советский ненавязчивый сервис. Знал, что благоразумнее всего пересесть на другое место, а ещё лучше выйти на воздух. Он встал и ушёл в другой конец зала, но совслужащая уже положила на него свой нехороший глаз и очень хотела доконать (ей очень хотелось доконать чужака, как вариант, а то положила, очень хотела) чужака. Чужака, так не похожего на её сыновей и мужа, ведущих правильный советский образ жизни с игрой в домино, с бутылочкой водочки, ну, и как полагается с последующим традиционным мордобитием (мысль о разнице между положительным еврейским мальчиком и гойскими жлобами навязывается слишком явно, в лоб). Яша, увидев приближающуюся уборщицу,

бесславно, но согласитесь, благоразумно покинул поле несостоявшейся битвы радетеля чистоты с больным и мнительным представителем искусства. Одно непонятно – «радетеля чистоты» в смысле гигиены или чистоты в смысле нации?

Выйдя из здания аэропорта, Яков подумал, что не мешало бы спросить кого-нибудь поподробнее, как добраться до нужного места. Но, сами понимаете, как ему мучительно трудно подойти к незнакомому человеку и спрашивать о чём-либо. Недалеко прогуливались два милиционера, «у них и спрошу», – подумал Яша.

Подошёл и извиняющимся тоном произнёс:

– Вы, не подскажете, как проехать в...? – Те посмотрели на него так, как будто он спросил нечто несусветно-крамольное. Их взгляд, полный презрения, говорил о многом.

Стало понятно, что ещё один вопрос и можно попасть совсем в другое место. Отчаявшийся Яша снова позорно ретировался. Он стал искать справочное бюро, уж там то, должны ответить на все вопросы. О, счастье! Вот и спасительное бюро. Он набрал в лёгкие побольше воздуха и решительно подошёл к будке. Перед ним стояла девушка, изводившая работницу столь нужного заведения своим непониманием и задававшая один и тот же вопрос.

– Но, как вы не можете найти мне Серёжу, вы же называется «Справочное Бюро»?

– Откуда мне знать, где живёт этот ваш Сергей Иванов, ни года рождения его вы не знаете, ни даты приезда его в Москву, ни отчества. Сейчас же уйдите от окошка! Следующий!

– Что значит «следующий?» Вы в своём уме? Мне просто необходимо найти Серёжку. Как вы не понимаете? Я же говорю вам, что ему, примерно лет двадцать. Что вам непонятно? (У нее что, олигофрения у этой девушки? Или она натуральная блондинка?)

– Да этих Серёж Ивановых четыре тысячи! Хоть это вы понимаете? – Рычала, брызгая слюной, сидящая в будке пожилая блондинка.

– А мне плевать! Мне нужен Серёжа! Се-рё-жа! И всё тут. – Красивое лицо молодой девушки искажалось от негодования до неузнаваемости.

Наконец терпение блондинки лопнуло, и она принялась громко свистеть в милицейскую свистульку. Милиционеры, как будто только этого и ждали. Подбежали и без выяснения чего-либо стали выкручивать Якову руки.

– Да не его, Ваня! Он здесь не причём.

– Как не причём? – Удивился Ваня и, не отпуская Яшу, грозно спросил, – а кто причём-то?

– Да вот девушка..., ой, а где она? Удрала, скотина! Ну и чёрт с ней. Да отпусти ты беднягу. – Ваня нехотя отпустил Яшу, пару раз с сомнением посмотрел на него и пробормотал невнятно, но с угрозой: «ещё, дружок, встретимся».

Яша от испуга не знал, что и думать. Стал ощупывать свою руку, с ужасом представляя себе, что теперь даже доктор Альтман не сможет ничем помочь.

– Что молчишь? Чего тебе?

– Здравствуйте, – растерявшийся Яша хотел поздороваться как можно бодрее, а получилось

вымученно-заискивающе.

– Фамилия! – раздражённо рявкнула работница.

– Зильбергерц моя фамилия, – смиренно ответил Яков.

– Вы что, сами себя ищите? Что за народ пошёл?!

– Нет, нет, извините, просто я вас неправильно понял.

Я ищу поликлинику, в которой работает профессор Альтман, вот и адрес, а как туда добраться не знаю. Будьте добры подскажите, пожалуйста.

– Мы подобных справок не даём, если вам нужен конкретный человек, то домашний адресок дам.

– Очень прошу вас, я только сегодня прилетел из Азербайджана.

– Мне всё равно, откуда вы приехали, из Азербайджана или Биробиджана, – видимо хотела добавить или из Израиля, но в семидесятые годы слово Израиль вслух не произносилось.

– Что же мне делать? – совсем упал духом Яша.

– Ладно, – смиростивилась женщина, – уплатите пятнадцать копеек, и я расскажу вам, как туда добраться. Там у меня сын живёт.

Всё, маршрут определён, теперь в путь-дорогу. Сначала надо добраться на электричке из Домодедово в Москву, потом трамваем остановок пятнадцать, а потом с полчаса автобусом. На всё уйдёт не менее четырёх-пяти часов.

Сидя в электричке, в первом вагоне, Яша сразу почувствовал что-то неладное, и поспешил перейти в соседний вагон. И правильно сделал. Буквально через минуту там началась грандиозная потасовка. Яша спешно перебрался в самый конец электрички, где и отсиделся всю

дорогу, думая о руке, о жизни, о несостоявшейся (так ему казалось) карьере. Доехал до нужной станции, огляделся, и оказалось, что до трамвайной остановки нужно тащиться добрых два километра через лесок по тропинке. Делать нечего, пошёл, чувствуя дурноту. Сказалось напряжение, голод, а главное, тот самый важный вопрос – «что же будет с рукой? Впереди шла женщина с авоськами, иногда тревожно поглядывая по сторонам и не рискуя обернуться. Её можно было понять, ведь недалеко позади неё идёт кто-то, иногда сопя, иногда вздыхая, иногда громко отрывая, а иногда произнося: – О, Господи!

Когда тошнота подступила к горлу, Яша остановился и вырвал. Женщина обернулась и, увидев эту картину, с облегчением вздохнула. Она-то бедняжка думала, что за ней идёт маньяк или, по крайней мере, грабитель, желающий отнять покупки, доставаемые с большим трудом в стране «развитого дефицита». Так вот обернулась и увидела, что это просто какой-то измученный парень, а не грабитель, успокоилась и пошла дальше. Яков, справившись с недомоганием, продолжил свой путь, и благополучно одолел расстояние до поликлиники, сначала на трамвае, а потом на автобусе.

Вот и она – заветная поликлиника! Наконец-то! Надежда на выздоровление запылала с новой силой. Иногда неосведомлённость может сыграть и положительную роль. То же самое произошло и с нашим героем. Он не мог знать, принимает ли профессор в этот день, продолжает ли он работать в этой поликлинике, да и вообще существует ли в природе профессор Альтман? Никого ни о чем, не спрашивая, Яков Зильбергерц прошёл

по всем коридорам нашёл-таки кабинет доктора Альтмана и уселся в конце очереди. Просидел более двух часов, прежде чем вышел последний пациент. Профессор, пожилой человек с уставшим видом, удивлённо посмотрел на неожиданного пациента.

– А вы собственно, что здесь делаете? – Спросил он, разводя руками. – Вы у меня не записаны. И на ближайшие два месяца и не рассчитывайте, уважаемый.

Яша заикаясь, волнуясь и чуть не падая в обморок, рассказал о том, что произошло, что привело его сюда, а также как, и сколько он сюда добирался. Профессор поинтересовался, чем занимается молодой человек, как его зовут, и как ему живётся «в нашем, далеко не простом, мире». Выслушав его, доктор решил уделить Яше немного своего времени.

– Значит так, молодой человек, мне картина ясна. У вас очень простой случай, – сказал доктор и внимательно не мигая, посмотрел на Яшу. – Я пропишу вам таблетки, – и снова внимательно посмотрел прямо в Яшины глаза, – Они Вас сразу и излечат, Вы поняли? – И снова твёрдо и внимательно долгим взглядом посмотрел на Яшу.

Радость Яши была через край. Вот он – **Рецепт Счастья**. Жизнь снова заиграла всеми цветами радуги, заиграла всеми музыкальными инструментами, запела голосами всех райских птичек. Счастливый и окрылённый музыкант, напевая в уме самый сложный скрипичный пассаж, отправился в обратный путь, начисто забыв отдать доктору икру. И хорошо, что забыл, мало того, что доктор не взял бы, а ещё и отчитал бы «взяточдателя» (ой ли, в советское время подношения врачам были распространенной

практикой) Об этой икре он вспомнил уже в Домодедово, и выбросил её в ближайшую урну. (Тут вообще непонятно, если он ему выписал рецепт-плацебо, то он должен же был его отоварить как-то, тут не пишется)

Сидя в кресле самолёта ТУ-104, окрылённый надеждой на выздоровление пациент, находился в прекрасном расположении духа. Ему хотелось петь, играть на скрипке или на гитаре, да что там говорить, просто веселиться. Душа пела! Ликовала! Кстати, ничего удивительного в том, что он играл также и на гитаре, нет. Музыканты с большой буквы всегда умеют играть на нескольких музыкальных инструментах. Ароныч (Кто такой? Почему не знаю? Читатели тоже слышат о нем в первый раз, А-а! Это же Яшка, понятно!) тоже здорово играл на разных клавишных и струнных инструментах. Находясь в самолёте, пребывая в эйфории от мысли, что настал конец его мучениям, Яша откинулся на спинку сидения и прикрыл глаза.

Перед глазами возникла... тарелка?! Да, да именно тарелка, не летающая, не космическая, что, в общем-то, одно и то же, а самая обыкновенная тарелка, над которой витал пар. Аромат был потрясающим!!! Ноздри расширились. По телу разливалась «расслабуха» – как выражаются музыканты. «А что в тарелке?» – подумал Яша, человек с тонкой душевной организацией, но, как видим, не лишённый простых человеческих радостей. Тарелка в его воображении находилась на уровне лба, и поэтому он не мог видеть содержимого. Он даже привстал немного с кресла, как будто это могло помочь увидеть вожаделенную еду. На помощь поспешила фантазия

импровизатора. Появились пельмени, слепленные так, как это умела делать только его мама, и ел он их с уксусом и чесночком. Яша судорожно сглотнул слюну. За пельменями пошли душпара, хотя душпара и напоминает пельмени, но это кавказское блюдо готовилось немного по-другому. Фарш, обильно сдобренный луком, да и внешний вид этого чуда вызвала такой аппетит, что представив эту вкусность, Яша слегка застонал.

Сидящий рядом пассажир благоразумно отодвинулся от подозрительного соседа. За этими двумя блюдами последовали другие из еврейской кухни, кавказской, да что там говорить: даже те блюда, которые он никогда даже и не пробовал, а только видел на картинках, раздражали Яшин нюх до такой степени, что он заёрзал и застонал ещё сильнее. Сосед вызвал стюардессу и пожаловался на беспокойного пассажира, но в эту секунду Яша затих, мерно задышал, и выражение его лица стало безмятежным. Вспомнился эпизод всегда смешивший его.

Пирожки

В хрущёвке, на одной лестничной площадке с Яшей, за дверью напротив, проживала семья из трёх человек. Глава семьи - Ильдырм, его белокожая (они что, все индейца, а она бледнолицая?) жена Нигяр и пятнадцатилетний сын Низами (не вяжется белокожая с 15-летним – Мама русская, папа – адвокат). Чем занимался Ильдырм, никто из соседей не знал, он каждое утро уходил и возвращался вечером. Жили они неплохо, судя по обёрткам и пустым упаковкам, которые каждое утро выбрасывала Нигяр, предварительно старательно завернув мусор в газеты. Но, газеты имели свойство рваться и перед взором любопытных соседей бесстыдно появлялись пустые баночки, бутылочки или коробочки из-под таких деликатесов как, оливковое масло, чёрная зернистая икра, заморские конфеты и многое другое.

Всего этого в советских магазинах не было, но соседи, зная крутой нрав Ильдырма, не рисковали задавать какие-либо вопросы. Однажды Нигяр услышала волшебные звуки Яшиной гитары и ей в голову пришла неплохая мысль. Она рассуждала так: «чем мой Низамчик будет слоняться без толку со своими друзьями-балбесами, пусть лучше научится играть на гитаре». Долго не раздумывая, изложила свою просьбу соседу-музыканту. Яша с готовностью согласился, но категорически отказался от оплаты. Ему нравилось возиться со способными ребятами, а потом, не без гордости, радоваться их музыкальными достижениями.

На свой первый урок Низами, кроме гитары, принёс большую тарелку полную аппетитными пирожочками (пирожочки, лучок, чесночок) с разной начинкой. Тарелка эта опустела за двадцать минут. Что поделаешь, аппетит у

одинокоего музыканта был отменным. Мальчик оказался музыкально одарённым и быстро осваивал нотную грамоту с её «лигато», «стаккато», «форте», «пиано» и так далее. Яшу это радовало, но ещё больше его радовали тарелки и подносы, без которых Низами никогда не появлялся. Каждый раз, при появлении ученика, взгляд учителя приковывался к очередной тарелке или подносу. Однажды, как всегда перед уроком с Низами, у Яши сыграл условный рефлекс, то есть активно начал вырабатываться желудочный сок. Открылась дверь, и вошёл ученик. Алчущий взор Яши устремился на руку, но не на ту в которой была гитара, а на другую. О, горе – она была пуста. Низами поймав разочарованный взгляд учителя, поспешил пояснить:

– Дядь Яш, мама с утра пошла навестить свою больную сестру, и дома ничего не оказалось вкусного. И я ничего не принёс. Извините, да. Ладно? – И, в качестве компенсации рассказал Яше историю своего дяди Айдына. То бишь, накормил его басней.

Дядя Айдын был простого происхождения, родился и вырос в семье кабацкого музыканта. В последнем классе влюбился в свою одноклассницу и твёрдо решил жениться на ней. Их недолгие и невинные встречи проходили втайне от чужих глаз. Могли после уроков погулять часок недалеко от школы или поесть мороженого, в тени ветвистой чинары (конспираторы, блин, втайне, недалеко от школы...). Когда родители Айдына послали сватов, родственники Айгюн, так звали невесту, были категорически против этого брака. Во-первых, семья жениха не именитая, совсем не то, что семья невесты, в которой все при делах. Правда, то чем они занимались, тогда называлась спекуляцией, но разве это важно? Важно чтобы было много денег. Во-вторых, жених ещё не определился, специальности не имеет, и так далее всё в

этом же духе. Но под напором самих жениха и невесты, ещё и родственников жениха, пришлось сдаться и сыграть свадьбу. Однажды, когда молодой муж собирался купить на рынке фрукты для любимой жены, то увидел, что по тому же ряду идут в его сторону отец и дядя Айгюн, которые относились к Айдыну с некоторым пренебрежением и даже презрением. Айдын это прекрасно чувствовал, и, обладая хорошим чувством юмора, решил слегка их пошокировать.

Недолго думая, сунул двадцать копеек уборщику рынка, хватает его метёлку и начинает с остервенением подметать асфальтное покрытие между торговыми рядами. Постепенно приближаясь к своим новым родственникам, заводит дурным голосом песню несуществующую в природе. Дойдя до них, прошёлся по их лаковым туфлям и сильно скосив глаза, посмотрел на них снизу вверх, при этом продолжая вопить свою песню ненормальным голосом, чем и привёл их в полное смятение.

Эти воспоминания привели Яшу в ещё более приятное расположение духа.

Первая же таблетка, принятая нашим страдальцем, сотворила чудо. Мало того, что рука перестала болеть и отниматься, она как бы налилась новой энергией. Яша был счастлив безмерно. Репетиции, концерты, встречи с коллегами вернули его в прежнее русло. Однажды он случайно встретился с Рустамом, врачом из местной поликлиники. Тот, в своё время не смог помочь своему пациенту. Поговорили о том, о сём, ну Яша и рассказал о

своём чудесном излечении. Тот напрягся:

– Ну-ка покажи рецепт! – Потребовал он. Яша, не имея при себе рецепта, с готовностью назвал эти два лекарства прописанные доктором Альтманом.

– Ты просто ненормальный! – Буквально заржал врач поликлиники. – Да ты идиот! – Не успокаивался он. Это же обычные витамины, прописываемые детям дошкольного возраста. – Захлёбывался от смеха, врач.

Яша стоял потерянный и сконфуженный, уже ушёл этот горе-врач, а он всё стоял и не двигался. Вечером боль в руке вернулась с удвоенной силой. Страдания Яши возобновились. В голове крутились слова, «а как же Рецепт Счастья?»

Но есть, есть этот «Рецепт Счастья», самые близкие друзья сумели убедить Яшу, что профессор Альтман вселил в него самое главное – оптимизм и уверенность. И что это то и есть тот самый Рецепт Счастья! Таким образом, благодаря друзьям Яков Аронович Зильбергерц приобрёл уверенность, оптимизм и **Рецепт Счастья!**

Зависть

Аня кипела от негодования, она считала, что если сейчас же не расскажет своей лучшей подруге Лале о причине своих переживаний, то просто лопнет от злости. Лала, действительно умела сочувствовать, подкинуть дельный совет, и, казалось, была начисто лишена чувства зависти. Дружили они с детства, ещё с первого класса. В те годы в Баку мало кто обращал внимания на национальность, и поэтому дружба армянки Ани с азербайджанкой Лалой никого не удивляла. Их дружба продолжилась и после школы. Они продолжали делиться всеми секретами, в том числе и своими романтическими историями. Аня легко меняла «партнёров по любви», так они окрестили Аниных временных друзей, и очень скоро приобрела солидный опыт по охмурению ребят, по постельным играм и, естественно, по отваживанию надоевшего «партнёра по любви». Лала же послушно вышла замуж за парня, на которого указали её родители.

На одной из вечеринок Аню познакомили с Константином, чрезмерно скромным и глубоко порядочным молодым парнем. Она сразу решила взять быка за рога, преследуя свои меркантильные интересы. Рассуждения её были предельно простыми, если не сказать примитивными, раз Котик еврей, то обязательно когда-нибудь захочет уехать в Америку или на худой конец в Израиль. Её устраивал любой вариант лишь бы вырваться из этого «коммунистического рая», а там, как говорится – посмотрим. Итак, Костя и только Костя. Охмурять особенно и не пришлось, элементарно затащила в постель, и якобы преодолевая природную стыдливость,

преподнесла ему несколько волшебных мгновений. Потом разрыдалась и сказала, что после того, что она натворила, обязательно наложит на себя руки, но никто, ни одна девушка не устояла бы перед обаянием такого парня как Константин. После такого убийственного комплимента, наивный и неискущённый юноша ни о какой другой девушке уже и думать не мог. Они стали встречаться, ходили в кино, в театры, на концерты. Посещали родственников и друзей, в том числе и его друзей, хорошо знавших о её прошлых подвигах, но счастливый вид Кости не позволял им просветить его на этот счёт. Через некоторое время молодые поженились, потом родился сын Виктор, жизнь текла мерно. Аня регулярно затевала разговор об отъезде, но времена были такими, что выехать не представлялось возможным. Только с наступлением перестроечного периода забрезжил свет в конце тоннеля. Для Кости выбор был крайне мучительным. Он понимал Анино желание, но оставить одну старую болеющую мать или взять её с собой не представлялось возможным.

Аня кипела от негодования. Последний разговор с мужем вывел её из себя окончательно. Его доводы казались ей крайне глупыми:

– Кто тебе важнее, – иступлённо кричала она, – любимые жена и сын или мать, которая не сегодня, завтра умрёт? Идиот, подумай своей тупой еврейской башкой. А может ты и не еврей вовсе?

Слово «еврей» в её устах стало звучать всё чаще и чаще. Где-то в глубине души она понимала его, но всё равно собственные желания она ставила выше всего. Сейчас, в данный момент, когда она ехала к подруге, ей

хотелось одного, чтобы кто-то подтвердил её правоту. Вот она нажимает уже на кнопку звонка Лалиной квартиры.

– Анюта, что с тобой? На тебе лица нет. Проходи, проходи в комнату.

– Я на этого кретина угробила все свои молодые годы, а он прицепился к своей аидише маме и всё тут.

– Да, моя родная! Сволочь он и есть сволочь! – Ещё не понимая о чём речь, поддакнула Лала.

– Не могу же я ему сказать, что мне он нужен только для отъезда. Приходиться изображать любовь...

– Садись, садись Анечка и расскажи по порядку, что там у вас произошло. – Лала усадила подругу на диван, и всё время сочувственно поглядывая на Аню, поставила чайник на газ.

Аня взхлёб выложила свою проблему, ожидая от подруги дельного совета.

– Знаешь что? Тебя с ним ничего не связывает: ты его не любишь – раз, его мама тебя не признаёт – два, и наконец, свои мечты надо претворять в жизнь. Я бы вместо тебя взяла бы ребёнка и «гудбай» прямо в Америку.

– Как это? – Заинтересовалась Аня.

– Очень просто. Ты слышала, что творится в Нагорном Карабахе? Вот скоро вся эта заваруха дойдёт и до Баку и здесь начнётся такое, что просто ужас. Я не просто так говорю. Стоит только послушать наших мужиков, и будешь знать обо всех будущих событиях. Так что дорогая моя собирай манатки и чеши отсюда сначала в Москву, а дальше... куда угодно, хоть в Занзибар. Думай и решайся.

– А что? Действительно, я же буду беженкой. Лала, ты у меня умница.

Дальше пошёл просто треп о разных вещах, но в основном, об эгоизме мужчин, о том, что они такие-сякие и тому подобное.

События действительно начались, их последствия были вполне предсказуемыми. То тут, то там вспыхивали очаги насилия. Армянам оставаться в Баку стало невозможно, но Аня всё рассчитала правильно и уехала в Москву чуть раньше самых опасных дней. Расставание превратилось в муку. Котик, буквально плакал, понимая, что никогда их больше не увидит, но делать было нечего. Он остался с матерью в Баку, а жена с Витюшей улетели в Москву. Он тяжело переживал разлуку – она же занятая своими хлопотами и не вспоминала о муже. Пройдя немало испытаний: чиновничьи препоны, расспросы в посольстве и много других не очень приятных вещей, Аня и сын оказались в вожделенной Америке.

Имея твёрдую жизненную позицию и цель, Аня поставила перед собой задачу, во что бы то ни стало пробиться в миллионеры. Главное вжиться в американскую жизнь как можно быстрее, поэтому выбрала штат и город, в котором эмигрантов почти не было. Английский язык она изучала ещё в Баку по самоучителям, а главное по пластинкам, которые приобрела за большие деньги. Имея такую основу, ей не составляло труда совершенствовать язык на курсах, созданных для эмигрантов. Помощь, оказываемая государством, облегчала жизнь на новом месте. Трудно поверить, но буквально через пять лет Аня стояла на ногах настолько крепко, что уже подумывала о том, чтобы открыть свой офис по продаже и съёму недвижимости. Всем

премудростям подобного бизнеса она научилась, работая агентом по продаже квартир и домов у очень преуспевающего американца. Исподволь наблюдала за действиями других сотрудников, заглядывала в чужие документы и таким образом набиралась опыта. В один прекрасный день заявила боссу о своём увольнении. Босс, американец итальянского происхождения, бизнесмен до корней волос был человеком подозрительным. Он всё допытывался, с чего она вдруг оставляет такую денежную работу и чем собирается заняться в будущем. Аня не собиралась посвящать его в свои планы и поэтому наплела что попало. Босс рассчитал Аню, и выплатил ей неплохую сумму денег. Аня сочла, что настал её звёздный час и уже можно открывать своё дело. Будучи уверенной в себе, взяла очень большую сумму в банке, открыла своё бизнес, а через некоторое время приобрела шикарный, большой дом. Банк выдал ссуду без проблем, предварительно проверив её финансовую историю. Ежемесячный возврат денег был немаленьким, но Ане удавалось возвращать деньги в срок. Дела, вроде бы, шли в гору, она уже подумывала набрать ли новых работников, агентов по продаже

Все эти годы она переписывалась с Котиком и Лалой, а в последнее время стала частенько названивать им. Бесконечно хвастаясь своими достижениями, Аня предлагала свою финансовую помощь, вроде, «видите, я хоть и богата, но и благородна тоже». Костя отказывался от всякой помощи, его интересовал сын и Аня, по которым он очень скучал. Всегда оставшемуся человеку труднее, чем уехавшему. Ведь куда ни глянь, всё напоминает о

близких людях покинувших родные места. Лала же просила как-то организовать ей поездку к Ане, «хочу хоть разок увидеть Америку».

Телефон зазвонил длинной трелью. Междугородка всегда звонила так. Котик быстро поднял трубку:

– Аня, это ты?

– Да Кот это я. Ну, как ты там? Как твоя мама, жива ещё? Давненько я тебе не звонила. Что у тебя нового?

– Анечка, родная моя, мамы больше нет.

– Сожалею, – сухо отреагировала Аня и тут же без паузы с радостью сказала, – я купила двухэтажный дом, семь комнат, четыре туалета с ванной, подвал сто квадратных метров, два больших двора, планирую соорудить бассейн.

– Поздравляю... – Начал Костя, но был прерван ею.

– Ты ничего не понял, здесь совсем другая жизнь. Ты так и не врубаешься. Неужели тебе даже взглянуть не хочется на наше житьё? Ах, да у тебя же денег нет. Правда, ведь? Могу тебя обрадовать: нет, и никогда не будет! Ясно тебе? За мой счёт ты не захочешь приехать. Как же, ты у нас такой чистоплюй, что прямо тошно. Ладно, не хочешь и не надо. Я Лалку приглашу...

– Не делай этого! – Вдруг резко прервал её Костя. – Ни в коем случае! Слышишь?

– Что-о! У нас прорезался голосок? – Возмущённо, но в то же время с изрядной долей любопытства прозвучала её реплика.

– Анечка, послушай меня. Пригласив её, ты сделаешь себя и нашего сына несчастными. – Секунду помолчал и добавил. – И меня тоже. Мне спокойно осознавать, что у

вас всё в порядке. Пойми, Лала никогда видела роскоши, всегда их семья жила трудно, и сейчас ей не сладко. Ты же сама прекрасно обо всём знаешь. Увидит она твоё житьё, знаешь, что с ней будет? Зависть способна разрушить всё! И вашу дружбу, и твоё благополучие...

– Кот, замолчи, а? Это ты своим еврейским языком можешь всё испортить. И нечего настраивать меня против моей подруги. Она очень верная подруга и в Америке я оказалась, в какой-то степени, благодаря её совету. Ладно, будь здоров! – Закончила Аня и бросила трубку.

Аэропорт имени Кеннеди, Лала вся растерянная, толком не осознавая ситуацию, входит в зал ожидания со своим маленьким чемоданчиком. Аня сразу узнала слегка постаревшую Лалу и бросилась к ней. Та же сначала удивлённо смотрела на подругу, а узнав, не могла сдержать слёз. За этот вечер Лала несколько раз пережила небольшой такой шок. **Шок первый** – Аня нисколько не постарела. **Шок второй** – такой джип, как у подруги, мог только сниться Фирудину Лалиному мужу.

Аня лихо управляла своим джипом, Лала сидевшая рядом то и дело вертела головой, удивлённо цокала языком, иногда говорила:

– Как тебе Анюта удалось нисколючко не постареть?

Дорога отняла у них около трёх часов. Приехали затемно. Аня загнала машину в просторный гараж и оттуда, поднявшись несколько ступенек, вошли прямо на кухню. **Шок третий**, а впрочем, этих шоковых состояний будет столько, что и не пересчитать. Дом, работа, красивая жизнь, приобретённая беспечность в характере и многое, многое другое вводила Лалу в шоковое состояние и

вызывала сосущее чувство зависти. Зависть не отступала ни на мгновение. С каждой секундой пребывания в Америке зависть росла и ширилась, раскалялась и наливалась злобой. Никакая сила не смогла бы справиться с нею. Даже, если бы на голову Лалы свалились несметные богатства, то и они не справились бы с, невесть откуда взявшейся жаждой жестокого мщения Ане. Панацеей от этих двух, далеко не лучших чувств зависти и жаждой мщения, было только одно – полное низвержение Ани. Она должна пасть так низко, чтобы ей ничего другого не оставалось, кроме как стать побирушкой и попрошайкой. Всё это, зарождалось в душе Лалы на протяжении всей поездки, а пока...

– А где Витюша? Я ему гостинцев привезла.

– Для нескольких учеников из их класса организована поездка на месяц в горы. Полный пансион, инструкторы, тренеры, повторение учебного материала.

– А почему не все ученики?

– Не у всех родителей есть деньги оплатить это дорогое удовольствие.

– А у тебя значит есть!? – Аня кивнула головой.

Пока Лала принимала душ, Аня накрывала на стол.

Проболтали всю ночь. Вспоминали школу, товарищей, «счастливое советское детство». Начиная со следующего дня, начался период покупок, поездок, осмотра всего, что можно успеть. Две недели пролетели, как мгновение. Два тяжёлых чемодана с подарками стояли в прихожке. Аня решила сделать всё, чтобы эта поездка стала для Лалы, незабываемой. Естественно, что все подарки, включая чемоданы, оплачивались Аней. Настал последний вечер.

– Лала, подружка моя самая лучшая, – торжественно начала свою речь Аня, – прими, пожалуйста, от меня ещё один маленький подарок. – И протянула той десять стодолларовых купюр. Благородство Анюты било через край, и она ожидала бурной реакции со слезами и словами благодарности.

Реакция наступила незамедлительно. Всё смешалось в мыслях Лалиных. Сказалось долгое подавление чувств рвавшихся наружу.

– Заткнись! – Неожиданно и очень громко завопила Лала. – Заткнись, сейчас же! Плевала я на твои деньги и на тебя тоже. Ты обласкана судьбой, как никто другой. О, Боже, почему ты так несправедлив? Одним всё – другим ничего! Почему? Чем я хуже неё? А? Она жила в моей стране, а не наоборот. Она пользовалась мной, а не я ею. На неё засматривались школьные мальчишки, а не на меня. Она выбирала и строила свою судьбу, а я этого не смела делать. Она пользовала своего мужа так, как ей того хотелось, а со мной мой муж творит всё что хочет, я же и пикнуть не могу. Почему? Почему ты так несправедлив? А ты Анька, будь проклята, пусть он тебя накажет! Да! Да, я этого хочу! Так оно и будет!

Тут, она будто выдохлась, вышел весь её запал. По ходу своей тирады она швырнула деньги на пол, а теперь вдруг и сама упала и потеряла сознание. Аня тоже была близка к обмороку. Она ничего не понимала. Она была уверена, что одаряемый должен быть благодарен, а тут что-то непонятное. Принесла воды, привела Лалу в чувство, отвела её рыдающую в спальню, уложила в постель и ушла в свою комнату, предварительно прикрыв дверь.

Наутро Лала привела себя в порядок и вошла на кухню. Стол, как и каждое утро, был шикарно сервирован. Завтрак – на любой вкус. Напитки – разные, начиная холодными фруктовыми соками, кончая горячими кофе, чаем, какао. Лала выглядела сильно утомлённой, что усиливалось печальным выражением лица и новыми морщинками под глазами. Её удивило, что Аня выглядела как всегда, будто ничего и не произошло. Лала прослезилась, подошла к подруге и обняла её:

– Извини, меня дуру. Я сама не знаю, что на меня нашло. – Душась слезами вымолвила она.

– Да, ладно тебе. Я уже и не помню ничего. Давай завтракать, а то нам скоро выезжать. – Посмотрела на Лалу, и добавила. – Перестань ты расстраиваться и возьми деньги. Всё это стрессы и стрессы.

Всю дорогу до аэропорта Аня болтала без умолку, стараясь как-то развеять неловкость. Лала улетела, Аня вернулась в свою американскую жизнь. Прошло несколько дней со дня отъезда Лалы, и Ане всё время хотелось вернуться к тому эпизоду, чтобы осознать, что же такого она сделала не так как надо, но не получалось. Что-то изменилось на работе. Каждая сделка приносила много денег, поэтому два или три договора заключённых за месяц, могли обеспечить хорошую жизнь чуть ли не на год. Причём со всеми выплатами и без ограничения себя в чём-либо.

Первая тревожная ласточка залетела в виде заявления об отказе от совершённой сделки. Клиент категорически отказывался выплатить неустойку, ссылаясь на один из пунктов в договоре. Аня внимательно перечитала все

пункты и нашла злосчастный пунктик. Она хорошо помнила, что когда работала на босса, то там такого не встречала, и точно такие же бланки она выкрала из стола помощника босса. Дальше – хуже. Отказались ещё четыре клиента, это всё, это конец, это крах. Пришла беда – открывай ворота. Пришло ещё одно официальное письмо, на этот раз из банка. В нём говорилось, что после плановой проверки её кредитной истории всплыли данные о падении её бизнеса. В связи с этим банк предлагает выплатить весь остаток выданного кредита, а иначе будут применены санкции.

Аня впала в ступор: что случилось? как так может быть? кто виноват в этом? Обычно, первым шагом, в таких случаях бывает выяснение фактов и причин, приведших к таким последствиям. Но логика обозлённой женщины несколько отличается от общей логики. Она подумала и сделала вывод, во всём виноват Костя! Это он подлец накаркал! Это он ей отомстил! Это он молился своему еврейскому Богу, чтобы тот наказал её. Ну, я тебе покажу, подумала она и набрала номер его телефона. Её тирада, по накалу и страсти, мало чем отличалась от тирады Лалы. Она кричала, брызгала слюной, обзывала его по-всякому, не забыла упомянуть Костину маму, не чувствуя всю отвратительность и мерзость сказанного, она даже не поняла, что говорит в пустоту, он давно повесил трубку. О чём думал в это время Константин? Какие чувства владели им? Он думал о Витюше, не зная о том, что тот по-русски не хочет говорить вообще. Благодаря матери ничего об отце знать не хочет. Отцовское сердце висело на ниточке. Его мучило собственное бессилие, нерешительность и

безысходность. Когда Аня поняла, что он давно её не слышит, то бросила трубку, упала на диван и просто по-бабски заплакала.

Не понимала она, что бывший муж здесь не причём. Она недооценила своего босса, который мерил всех на свой аршин. Во всех видел мошенников и аферистов, в том числе и в Ане. Незаметная слежка его помощника за действиями Ани дала свои результаты. Босс сразу разгадал её помыслы и был готов ко всему. Он её легко рассчитал с работы. Затем снизил стоимость квартир в районе работы Ани на несколько процентов, тем самым переманив всех клиентов к себе. Позвонил к своему другу, чтобы тот дал ей большую ссуду. Даже анкеты с лишними пунктами были делом его рук. Мир жесток, ничего не поделаешь. Босс, несмотря на какие-то денежные затраты, чувствовал себя отомщённым.

Анюта, даже не подозревала, чьих рук это дело, она просто проклинала своего мужа. Пришлось всё распродать, переехать в Бруклин, ухаживать за престарелыми людьми и выплачивать остаток ссуды. Скоро и Виктор покинул мать и уехал навстречу своей судьбе в Бостон.

Чья же зависть сыграла свою роковую роль в судьбе Анны? Зависть Лалы – к её успехам или страстное желание Ани – к богатой жизни в чужой стране? Вопрос риторический.

Часть третья

Всё совсем не просто!

Чужой звонок (Даже два).

Мало кто, а вернее, вообще никто, не любит неприятные сюрпризы. В том числе и чужие звонки. Как правило, они, эти чужие звонки, раздаются неожиданно, и не вовремя, и неприятно, да и ни к чему.

Один такой звонок застал меня врасплох. Меня, пережившего немало стрессов, но уже несколько поуспокоившегося и не ожидающего от жизни ничего хорошего и ничего плохого. Меня, желающего простой спокойной жизни.

С женой мы развелись буквально через год после женитьбы. Не успев обзавестись детьми. Причина простая – неготовность к совместной жизни. Оба виноваты. Я считаю её более виновной в разрыве отношений, а она меня – в том же самом. Вот уже несколько лет живу один. Ничего страшного, человек ко всему привыкает.

В тот вечер сидел я против своего старенького телевизора, лениво потягивал пиво и радовался запылённому виду моего телефона. Никто не звонил, не мешал предаваться привычным для меня удовольствиям, и всё было тип-топ. Неожиданный звонок отправил меня в лёгкую оторопь. Затем никак не мог решить. отвечать или не отвечать? Решился и ответил:

– Алло, я слушаю.

– Добрый вечер! – Услышал я спокойный приятный мужской голос. – Мне нужно с вами поговорить.

– А кто вы, собственно говоря? И о чём вы собирае-

тесь говорить со мной? – Как можно безразличней отреагировал я, но почему-то почувствовал лёгенькую панику.

– Я один из лучших судей нашей страны. Правдивый, справедливый бесребреник, жаждущий слышать правду и только правду и ничего кроме правды.

– А причём здесь я? – Поинтересовался мой голос.

– Вспомните все случаи, в которых вы провинились, и покайтесь передо мной, а я обязуюсь быть снисходительным к вам. – Не реагируя на мой вопрос, предложил судья.

– А вы уверены, что я обязан покаяться перед вами? – Спросил я, пытаюсь унять дрожь, внезапно появившуюся в пальцах рук.

– Абсолютно. – Строго ответил судья.

– Да ни в чём я не виноват, и каяться мне незачем! – Как-то неуверенно проговорил я.

– Вы уверены? Хорошо, я вам помогу вспомнить кое-что. Ну, например: за что, а главное, так часто вы несправедливо наказывали своего сына?

– Нет у меня никакого сына, и не было никогда!

– Для начала успокойтесь и постарайтесь говорить со мной как с близким другом. Всё-таки расскажите о своём сыне и его проделках, так мешавшие вам.

Я понял, что отвязаться от него будет нелегко и хотел, приняв эту игру, превратить всё в шутку. Но мне что-то мешало, и ещё эта противная дрожь, не дающая сосредоточиться.

– Баловался он сильно, и мне ничего другого не оставалось, как отвесить ему пару шлепков, – выпалил я

против своей воли.

– Вот видите? Признались, и стало на душе полегче. Смелее, рассказывайте дальше.

«Что я делаю?» – Подумал я. – «Совсем с ума сошёл, признаюсь в том, чего вообще не было».

– Послушайте, уважаемый судья! Сотни миллионов людей отвешивают своим детям оплеухи, и никому не приходит в голову судить их. Так что прошу оставить меня в покое.

– Вы не представляете, к каким ужасным вещам привели ваши оплеухи! Хотите знать правду? Отвечайте на мои вопросы. Облегчите свою душу, и наказание будет минимальным. – Во-первых, он полностью игнорировал меня, во-вторых, его спокойно-вежливый тон мог привести в замешательство кого угодно.

– Господин судья, это уже не смешно...

– Какой уж смех! Лучше рассказывайте или, если хотите, я вам расскажу о ваших злодеяниях.

Тут меня прорвало:

– Хватит меня терзать! Никого я не бил! Никаких детей у меня нет! Никаких сыновей или дочерей никогда, слышите, никогда у меня не было! Сейчас же положите трубку на место! – Я орал как ненормальный. Во мне всё дрожало. Голос срывался. Откуда только взялся этот судья на мою голову?

– Хорошо, буду краток. Но обязан предупредить, что вы несколько усугубили своё положение. Вы оскорбили суд! Вы не сотрудничаете со мной! Ладно, исключительно из симпатии к вам не буду вас мучить. Я вам расскажу, как и что произошло, вы подпишете признание, а я расценю

это как явку с повинной. Вы, естественно, согласны? Вам просто деваться некуда.

– Я вас слушаю. – Мой голос являл собой самую покорность. Честно говоря, я плохо осознавал происходящее. Не мог понять своего неадекватного поведения. Оставалось покориться и слушать.

– Первую затрещину ваш сын получил от вас, будучи ещё крохой. В основном за то, что не давал никому спать по ночам своим плачем. Потом, оплеухи вошли в вашу привычку. Свою злость вы вымещали на нём...

– Простите, а где была моя жена? – Варварски и ехидно перебил его я.

– Молчать! Не смей перебивать суд! – Истерично заорал судья. – Ещё раз посмеете встрянуть – получите по максимуму! – Но тут же, вдруг, вкрадчиво, как-то по-лисий продолжил. – Скажите, к вам никогда не являлся лукавый?

– Какой, какой? – Переспросил я.

– Вдохните побольше воздуха и сделайте то, что я вам скажу. Вдохнули? Вот и хорошо. А теперь, взгляните на противоположную стенку. Внимательно! Я понимаю, что у вас, в данный момент, сильно бьётся сердце, но будьте благоразумны и выполняйте все мои указания.

Я автоматически уставился на стенку. Поразительно, откуда судья мог знать, что и где находится у меня дома. Поразительно, почему я не вешаю трубку, а как агнец следую его приказам. Поразительно, что я, не совершавший ни одного преступления, так ему покорен. Тем не менее, я посмотрел на стену. То, что там показалось, ввело меня в полный ступор. В таком состоянии я бывал в детстве, когда видел страшные сны. В

которых не мог позвать на помощь – не было голоса, не мог убежать – ноги не слушались. Как бы из ниоткуда появился чёрт, внимательно, пронизывающе посмотрел на меня, встал ровно посередине стены. Согнул правую ногу в колене и опёрся правым копытом о левое колено. Правую руку вытянул в сторону, держа в ней кончик своего хвоста. И завершил всё это стыдливым выражением лица, и виноватым видом. Этот самый виноватый вид, притягивал меня как магнит. Я перестал шевелиться, дышать, думать. Я смотрел и видел его, смотрел и видел его. Вдруг он подмигнул мне, и я потерял сознание.

– Что же вы замолчали? – Услышал я голос судьи. – Вы не имеете права не слушать меня.

Я притих. В груди неприятно ныло. Хотелось проснуться, но, увы, это был не сон.

– Свою злость вы вымещали на нём. – Продолжал судья так, как-будто и не было этого эпизода с лукавым. Да и я стал сомневаться в подлинности произошедшего. – Во всех ваших бедах, виновным оказывался он и только он, то есть ваш сын. Это не могло не сказаться на психике мальчика, и он покорно сносил всё это, считая, что так и должно быть. Затем подросток и стал задумываться: «А справедлив ли мир? А может, стоит изменить его? В какую сторону?» Он понял, что единственный приемлемый для него способ это мстить, мстить, и ещё раз мстить. Мстить всем без разбору. Мужчинам за то, что они все (так он считал) такие же, как его отец. Женщинам за то, что они все такие же, как его мать, неспособные защитить своего ребёнка от внешних угроз.

– Не знаю, – продолжал свой монолог судья, – не знаю,

читаете ли вы газеты, смотрите ли телевизор. Во всех газетах, по всем каналам телевидения сообщается о серийном убийце. Это ваш сын! У меня никаких сомнений по этому поводу нет.

– Да вы просто сумасшедший! – Вырвалось у меня. Тут такое началось, страшно сказать.

– Не смееееть!!! – Заорал он хриплым фальцетом. – Я тебя, идиот, зарюю, уничтожу! Я тебя в тальк превращу! Понял, кретин? – Вдруг замолчал. Помолчал. Потом, также вдруг заговорил прежним спокойно-дружелюбным тоном, так как будто ничего и не было. Это было более чем странно.

Он говорил и говорил, не переставая, а я слушал его с затуманенным мозгом. Я ничего не понимал. «У меня же нет детей!» – восклицал я в душе неоднократно, но чувство непростительной вины (только вот за что?) не покидало меня. Но последние его слова грозно и отчётливо дошли до моего сознания:

–...На основании всего выше сказанного, я лично, как самый справедливый в мире судья, приговариваю вас к неоднократной смертной казни всеми известными человечеству способами...

Он хотел ещё что-то добавить, но... (Я был на грани помешательства), но в это время в трубке раздался женский крик:

– Смотрите, опять он добрался до телефона. Санитары, быстро сюда! Вяжите его! Алло, – обратилась она ко мне, – алло, не обращайтесь внимания. Это один из больных нашей психбольницы добрался до телефона и наговорил вам чёрт те что. Будьте здоровы! – И повесила трубку

Я долго приходил в себя. Потом пытался представить личность этого псевдо судьи. Может, он действительно был судьёй, но потом сошёл с ума? Или он тот самый мальчик, которого несправедливо наказывали, и он стал мстить всему человечеству. Но, ему не дали разогнаться, и упрятали в психушку за невменяемость? Кто знает?

Прошло много лет. За эти годы я успел влюбиться и жениться. Мы с женой нарожали троих детишек, переехали в другую страну и зажили, в общем-то, совсем неплохо. Однажды, когда все уже спали, а я смотрел футбольный матч по телевизору, раздался телефонный звонок. Я, чтобы никто не проснулся, сразу поднял трубку и тихо сказал:

– Говорите, я вас слушаю.

– Добрый вечер. – Сухо, по-деловому, начал незнакомец. Назвал моё имя, фамилию, отчество. Назвал место моей работы, страну исхода, и поинтересовался, не напутал ли он чего-нибудь.

– В общем-то, верно, но чем обязан? – Затревожился я.

– Не беспокойтесь и выслушайте внимательно моё предложение. Я из института безопасности нашей страны. Все данные вы получите при личной встрече, если, конечно, захотите встретиться. Излагаю цель своего звонка. У нас есть специальный прибор, способный..., впрочем, подробности сейчас не важны. Важно ваше принципиальное согласие. За выполнение некой операции с этим прибором вы получите миллион долларов. Итак, вы согласны на встречу!?

– Да! – Без колебаний ответил я и назначил час встречи, когда никого, кроме меня дома не будет.

На следующий день, в назначенный час, минута в минуту, раздался звонок в дверь. Открываю, входит высокий мужчина в чёрном костюме, белой рубашке, чёрной шляпе и с кейсом в руках. Вид его полностью совпадал с образом людей в чёрном из голливудских кинофильмов.

Он поздоровался, поставил кейс на стол и открыл его. Внутри находился прибор, очень похожий на подзорную трубу, с какими-то кнопками сверху. Я смотрел, но ничего не понимал.

– Этот прибор по умерщвлению людей. Каждый раз, как только вы посмотрите в окуляр, то увидите кого-нибудь, и если нажмёте на эту красную кнопку, то этот человек умрёт тотчас. Будьте уверены, что это тот, кого **мы** не хотели бы видеть в живых. За первого человека вы получите пятьдесят тысяч долларов, за каждого следующего по тридцать. Ваше имя нигде фигурировать не будет. От вас никакой расписки не надо. Оставляю вам свою визитку, и если вы согласны, то просто позвоните и скажите о своём согласии. Нам нужен человек, не имеющий никакого отношения к нашей конторе. Если вы не согласны, то нажмите чёрную кнопку, и мы получим сигнал, что вы не хотите участвовать в этом. Придёт наш человек и заберёт кейс. Удачи. – Сухо и чопорно закончил свой монолог человек в чёрном.

М-да, проблема. Сiju, смотрю на кейс и думаю. «Да так можно и пять миллионов скопить! Совсем не помешает. Осчастливлрю детей. Куплю нормальное жильё. Выгодно вложу во что-нибудь. Прекрасная перспектива! И убью-то людей, которых совсем не знаю. Они наверняка враги нашей страны. Так что и не жалко вовсе. А?» – В таком ключе я думал несколько минут. Приятно помечтал

о деньгах, и уже собрался звонить. Но, дурья моя башка стала нащёптывать мне совсем другие вещи: - «А ты подумал о том, что, может, эти мужчины и женщины и не враги вовсе. Что у этих людей есть дети, нуждающееся в родителях. А может, и им сейчас предлагают такую же трубу, но только против тебя?» Последние слова застучали молотком по темени, и я твёрдо решил нажать на чёрную кнопку. Но не нажал. Во-первых, я не уверен, что незнакомец пришёл именно из конторы по безопасности страны. Во-вторых, в благих намерениях конторы, тоже имеются некоторые сомнения. В-третьих, не убийца я, не убийца. Не убийца, и всё тут».

Я позвонил и чётко сказал, что не согласен, требую забрать этот чёртов кейс немедленно. Я говорил долго и горячо, не обращая внимания на то, что мне никто не отвечает. Похоже, таким образом, я боролся с собственным искушением. Через минуту пришёл тот самый человек и молча, не отрывая от меня взгляда, полного презрения, взял кейс с подозрной трубой, сплюнул на мой пол и ушёл.

Впервые в жизни я получил несказанное удовлетворение от презрительного взгляда. Так приятно получить такой взгляд после победы над собой. Минутное искушение – вещь очень опасная, не стоит поддаваться ему. Я посидел, успокоился, попил пиво. Вдруг мой взгляд остановился на нашей семейной фотографии, висевшей на стене. Долго смотрел я на неё, испытывая нежность к жене и детям. Гордость за себя и радость за саму жизнь. Прекрасная штука – жизнь.

Наши невидимые шрамы, рубцы, раны...

«Я знаю, как болит душа». - Люба Ратман.

Раннее утро. Мы спим в одной комнате. Папа, мой средний брат Хизгиль и я, Шолом. Раздался длинный, тревожащий звонок в дверь. Мы проснулись практически сразу. Папа, будто ожидая чего-то подобного, быстро оделся и открыл дверь. На пороге стояла папина сестра. Холодным, лишённых всяких эмоций тоном сказала:

– Она хочет вас видеть.

По папиному лицу пробежала быстрая тень.

– Быстро одевайтесь и поедem. – Сказал он и отвернулся.

Я понял, что видеть нас хочет моя старшая и единственная сестра. Наша семья – это папа, мама, старший брат Зоволу, сестра Ляля (так мы её называли), средний брат Хизгиль и я, Шолом, самый младший. Через несколько минут мы уже сидели в такси и в полном молчании ехали в больницу. Буквально три-четыре дня назад нашей общей любимице стало плохо, и её госпитализировали с диагнозом аппендицит. Все ночи мама проводила с ней в больнице, а этой ночью и тётя осталась с ними.

Такси остановился у ворот лечебницы, и до нужного больничного корпуса надо было пройти некоторое расстояние. Мы шли молча, не разговаривая, вдруг тётя начала что-то горестно причитать. Меня это раздражало,

но не настораживало. Папа правой рукой стал тереть глаза и качать головой, якобы говоря «нет, нет, нет». Я обратил внимание, что все мы не смотрим друг на друга. Мне показалось, что каждый из нас чувствует какую-то вину. Вошли в корпус, поднялись на второй этаж. Широкий и как будто пустой коридор, посередине которого стояла кровать. Рядом с кроватью сидит мама, в глазах надежда и ожидание чуда. Хизгиль вдруг побежал к маме. Папа, держась за сердце, спотыкаясь, прибавил шаг. Тётя монотонно причитала. Я, пока ни во что не врывающийся балбес, почувствовал ноющую боль в области груди. Сейчас я могу сказать, что это ощущение можно выразить словами:

«Я знаю, как болит душа».

Подойдя ближе, я понял, что мы потеряли нашу любимицу Лялечку. Она, совершенно бледная, такая родная, такая близкая, лежала не шевелясь. Глаза – полуоткрыты, лицо с выражением страдания и муки. Стоны и рыдания, исходящие из нас, превратили только что пустующий коридор в скопление любопытствующих людей. Нам было не до них.

Срочно вызвали Зоволу. Он приехал со своей семьёй, но, к сожалению, на похороны не успел. Военное начальство его вовремя не отпустило. Невозможно было передать словами нашу безутешность. Мы все чувствовали, и каждый из нас мог сказать:

«Я знаю, как болит душа».

В наших сердцах кипело негодование. Каждый из нас думал: «Разве можно было забирать у нас любимого человека? Молодая мать троих детей, не сделавшая за

свою жизнь никому и ничего плохого. За что? Что за несправедливость? Кому нужна была эта жертва? Неужели лично я сделал что-то такое, что Всевышний наказал меня таким образом? Нет, нет – это просто глупый сон. О, Боже, разбуди меня! Разбуди! Разбуди меня!!!»

Мы каждый день ходили в синагогу, читали «Кадиш», но ничего не менялось, её с нами не было, она не возвращалась. Чуда не было. Я слепо верил, что седьмой и тридцатый (почему-то называющийся сороковым) дни не зря существуют. Именно в эти дни произойдёт чудо, и мы снова обретём нашу Лялечку. Но чуда не было. Была боль, чувство утраты и ощущение беззащитности, безысходности и обиды. Существует образное выражение «не могу есть» – оно верно. Потребность в еде исчезла вообще, съесть что-нибудь казалось кощунством.

Женщины плакали денно и ночью, тем самым разрывая наши сердца. Мужчины плакали редко, но душевная боль не оставляла ни на секунду. Переживая собственную боль, мы и не заметили перемен в здоровье нашего папы. А у него на седьмой день после нашего горя случился первый инфаркт. Именно в то время, когда мы были на кладбище. Свой удар папа перенёс на ногах, иногда держался за сердце, а на вопрос о самочувствии отвечал; «всё нормально». Ровно в тридцатый день нашего папу ударил второй, обширный инфаркт. О, Боже, разве можно так? Не отнимай его у нас. Пожалуйста!

Папа лежал на кровати в той самой комнате, где мы спали в тот самый роковой день, когда Всевышний забрал нашу любимицу. Мама и папины сёстры всегда находились рядом, а мы, его дети, ночевали у

родственников. Начались визиты врачей, а они разные, с разными характерами, разными намерениями. В то время был в Баку некий профессор кардиологии, Иса-заде, честно говоря, воспоминания о нём, самые что ни на есть неприятные. С большим трудом, через одного влиятельного человека, по большой протекции нашли к нему путь. Мне поручили привезти его к папе. Профессор сам назначил время, и отметил, что каждая минута - это чья-то жизнь и опоздание к нему недопустимо.

В половине пятого я уже стоял у его кооперативного дома в центре города. Постояв полчаса, я ровно в пять, как и было договорено, позвонил в профессорскую дверь. Открыла её миловидная женщина, я спросил, дома ли профессор. Она оглядела меня презрительно и процедила:

– Жди внизу. Его ещё нет.

Я не боялся пропустить его, так как мне его хорошо и точно описали. Минут через сорок-сорок пять во двор дома въехала белая «Волга, ГАЗ-24», очень редкая машина в семидесятом году. Профессор вышел, на мой «Добрый вечер» сделал рукой останавливающий жест. Открыл дверь своего гаража и загнал туда автомобиль. Подозвал меня пальцем и нервно произнёс:

– А на чём ты собираешься меня везти? Где машина?

– Сейчас, сейчас, – торопливо ответил я, – одна минута, и такси будет здесь.

– Я поднимаюсь домой, и если, спустившись, я не увижу такси – ты больше не увидишь меня. – И высоко подняв голову, вошёл в подъезд.

Бросаюсь на улицу, никакую машину поймать не удаётся. Пять минут, десять – нет ничего, и всё тут.

Каждые две-три минуты забегаю во двор, боясь пропустить профессора. Наконец, удалось поймать далеко не новый «Москвич». Умоляю водителя, молодого парня азербайджанца, подождать и обещаю заплатить столько, сколько он запросит. Сказать к его чести, много денег он не запросил. Ждали не менее получаса. Парнишка-водитель посматривал на часы, но зная, что надо отвезти врача к тяжело больному, ждал.

Выходит врач:

– На этой машине собираешься везти меня?

Пришлось просить его и объяснять, что в час пик найти машину трудно. Он показал рукой на заднюю дверь, я открыл её, и он уселся на заднее сидение. Мы поехали. Вся поездка занимала минут десять-пятнадцать. По дороге профессор спросил:

– А ты знаешь, сколько стоит мой визит?

Он назвал сумму такую, что у меня отнялся язык, но здоровье папы не измерялось какими-то бумажками. Мы хотели продлить папе жизнь. Доехали, доктор обратился к водителю:

– Ты будешь ждать! – Сказал профессор и вышел из машины.

Шофер вопросительно посмотрел на меня. Я, конечно, отпустил его, но предварительно расплатился. Поднялись домой, не успели войти, как профессор бравым голосом начал «лечение»:

– Ну, где наш больной? А, это ты? Какой же ты больной? Ты прекрасно выглядишь, вот я сейчас выпишу тебе лекарства, и через неделю будешь бегать.

Чтобы не гневить профессора, быстро спускаюсь вниз,

ловлю такси. К счастью, поймал машину, практически сразу. Через пять минут маститый врач спустился. Когда я вручил ему деньги, взгляд его потеплел. Водитель, получив свою долю, резво увёз врача. Выписанные профессором лекарства, у нас уже были, их назначал ещё врач из местной поликлиники. Они мало помогали, но в случае с профессором мы надеялись на психологический момент. Всё-таки маститый врач с высоким званием, думали, что это как-то повлияет на самочувствие папы.

Случайно узнали, что есть один доктор, по фамилии Кнабенгоф. Он без каких-либо званий, работает в одной из загородных больниц и имеет большой врачебный опыт. Мы разузнали его адрес, и мой брат Хизгиль поехал за ним. Дверь открыл ему сам доктор. Пожилой человек с суровым не улыбочивым лицом. Брат объяснил ситуацию, тот внимательно выслушал:

– Хоть мы с вами не договаривались заранее, но медлить нельзя. Дайте мне пару минут, и мы поедem.

Брат хотел уже бежать ловить такси.

– А вы куда? – Поинтересовался доктор

– Какое такси? От меня до метро пять минут ходу, и от вашей станции метро, как я понял, идти пару минут. Так что ждите меня здесь.

По дороге доктор задал кучу вопросов о состоянии папы. Приехали домой, доктор Кнабенгоф помыл руки и вошёл в комнату к папе. Взял папу за руку:

– Рассказывайте. – Тихо попросил он.

Папа стал говорить, он говорил так, как будто разговаривает с самым лучшим своим другом. Папа говорил о том, что чувствует. Нет не о болезни, а о своих

переживаниях. Он, скорее даже не рассказывал, а жаловался. И жаловался так, как жалуются Б-гу. Доктор ни разу не перебил его. Лицо врача выражало сострадание и желание помочь.

– Дорогой мой, – начал он, – я вам помогу, но и вы должны помочь мне и себе. Я могу запретить вам смотреть телевизор, читать газеты, много разговаривать, но я не могу запретить вам думать. Ваше горе безмерно, но все любящие и любимые люди нуждаются в вас. Сейчас вы нужны им как никогда. Помогите всем нам. Я сделаю всё для вашего выздоровления.

Так, или примерно так, доктор Кнабенгоф разговаривал с папой. К концу визита папино лицо просветлело, он с благодарностью и надеждой смотрел на доктора.

Перед уходом доктор тихо сказал на кухне:

– Я не люблю юлить и скажу прямо: к моему величайшему сожалению, этому человеку, так сильно любящему своих родных, осталось жить не более двух недель.

Брать деньги за визит категорически отказывался, но мы настояли. Нам казалось, что это как-то поможет выздоровлению.

Каждое утро, когда я приходил домой, папа просил меня купить ему газет, я спускался в киоск и покупал их. Это, повторяю, случалось каждое утро. Однажды, выйдя из метро, я вспомнил, что надо купить папе газет. Поднимаюсь с кучей газет домой; дойдя до второго этажа, я услышал громкий женский плач. Я всё понял. Прошли точь в точь две недели со дня визита, я считаю, одного из

лучших врачей. Папа пережил свою дочь ровно на два месяца. Пустота в сердце поселилась надолго. Такая боль не отпускает **никогда**.

«Я знаю, как болит душа».

Как она ноет. Как она щемит. Как она плачет. Беззвучно. Беззащитно. Безысходно. Для неё нет времени. Она помнит всё и всегда. И каждый раз, даже если прошли десятилетия, переживает так, как переживала в самые первые шоковые минуты.

Эти потери не могли не сказаться на мамином здоровье. Давление её стало зашкаливать. Мысли о безвременно ушедших близких людей покоя не давали. Мы, три брата, молили Всевышнего дать нам передышку. Наша мольба была услышана.

Прошло несколько лет. К этому времени мой брат Хизгиль и я обзавелись своими семьями. Мама с Хизгилем и его семьёй жила в одном районе нашего города, а я с женой и детьми - в другом. Зоволу к тому времени, тоже переехал в Баку. Жили мы обычной жизнью. Встречались по праздникам, в дни рождения. Вроде бы жизнь вошла в своё русло, но... но только внешне. В те минуты, когда мы вспоминали наших близких, оставивших нас волею каких-то небесных сил, нам становилось неважно

Однажды позвонил Хизгиль и сказал, что маме плохо, и мне надо приехать. Я приехал; мама лежала в кровати. Лицо её выражало и боль, и страдание, но не за себя, а за нас. Болезнь долго примеривалась к ней и нашла момент, когда вцепилась мёртвой хваткой. Я хорошо помню, что когда у мамы поднималось давление, она боялась только одного - чтобы инсульт не обезобразил её. Становилось

больно от подобных опасений. Теперь и мы боялись и не хотели этого. Мы искали хороших врачей и находили их, но медицина тех лет не в состоянии была не только излечить болезнь, но и хотя бы облегчить страдания мамы. У меня был товарищ, Низами, окончивший мединститут, и инсульт входил в его специализацию. Мама его хорошо знала, и когда я его привёл, смотрела не него, как на Бога. Конечно же, и он ничего сделать не мог, но, по крайней мере, несколько дней маме было лучше. Каждый из нас старался сделать всё для облегчения маминых страданий. Вся нагрузка была на Хизгиле, он всегда был рядом с ней, и первую помощь оказывал именно он. Зоволу и я очень ему за это благодарны.

Незадолго до этого мы решили уехать на постоянное жительство в Израиль. Документы на выезд были готовы. У нас оставалась надежда, что израильская медицина вылечит нашу маму. Настал день, когда надо было приобрести билеты в Тель-Авив, в московском израильском консульстве. В Москве я остановился у нашей двоюродной сестры. Утром, когда я собирался ехать в консульство, раздался телефонный звонок. Звонил Зоволу:

– Родной мой, – обратился он ко мне, – крепись, мамы больше нет.

«Я знаю, как болит душа».

«Я знаю, как болит душа».

«Я знаю, как болит душа».

Гитарист, потерявший память (Верность).

Дора Гликерман как всегда спешила домой. Как всегда торопливо и тревожно. Она считала, и не без основания, что пока её нет дома, что-то может случиться с Дэни.

— Скорее, скорее домой. — Подгоняла она себя. — Как он там без меня? Только бы всё обошлось без приключений.

Каждый раз повторяла она эти слова, возвращаясь с работы или ещё откуда-нибудь. Началось это давно, несколько лет назад, но вспоминать об этом не хотелось. Дора любила вспоминать о том, что было до того рокового случая.

Дора и Даниэль познакомились на танцплощадке, и с тех пор не расставались. Первое время Дора называла его, то Дани, то Дэн, то Дэни, но никогда полным именем. Отношения между ними складывались в особую гармонию, состоящую из любви, привязанности, постоянной заботы друг о друге, и нежелания расставаться ни за что и никогда. Вскоре все родные Доры и отец Дэни уже знали об их решении пожениться, и были за них рады.

Дэни, несмотря на молодость, уже был популярен

среди фанатов джазовой музыки. Почти во всех его музыкальных композициях угадывался характер Дэни - чувствительного, тонкого, сентиментального человека, не умеющего предавать. В импровизациях чувствовалась недосказанность и ощущение неотвратимости чего-то трагического. Правда, замечалось это музыкантами искушёнными и посвящёнными в тонкости джаза, а обычные слушатели восторгались его виртуозной игрой и применением разной техники исполнения на гитаре.

Отец Дэни, Марк Рудштейн, имел небольшой бизнес, который и передал молодожёнам в качестве свадебного подарка. Родители Доры преподнесли молодым уютненький домик, недалеко от центра города.

Медовый месяц оказался действительно медовым. Путешествовали по всей стране, жили в лучших отелях, ни в чём себе не отказывая. Вернувшись, продали бизнес, в котором ничего смыслили. Вырученные деньги положили на общий банковский счёт. Дэни хорошо зарабатывал на своих аранжировках, композициях и концертах. Дора, как и мечтала, взяла на себя миссию секретаря и администратора. Заводить детей не торопились, хотели сполна насладиться друг другом. Первые четыре года безмятежной жизни убедили их в том, что ничто и никогда не омрачит их счастья.

Однажды, спускаясь в подвал по какой-то надобности, он оступился и, скатившись по ступенькам вниз, потерял сознание. Целый час, пока Дора была в супермаркете, Дэни находился в бессознательном состоянии. Дора всегда делала покупки, не торопясь, но сейчас что-то подсказало ей, что надо спешить домой. Войдя в дом, она кинулась

искать Дэни, а найдя его бледного, без сознания, нашла в себе силы не паниковать, а сразу вызвать скорую помощь.

Диагноз был неутешительным, он потерял речь и память. К счастью, речь вернулась довольно быстро, а вот память не восстанавливалась. Бедняга не узнавал никого, кроме своей любимой Доры. Кроме этого, он стал забывать, все что делал. Забывал поесть, или наоборот, поев, забывал, что ел и просил ещё. К нему приходили родственники Доры и его отец, но он их не узнавал. Многочисленные вопросы посетителей сильно раздражали Даниэля. Каждый почему-то считал, что уж его-то Дэни должен помнить. После каждого посещения гостей Дэни замыкался в себе и впадал в меланхолию. Дора поклялась себе, что обязательно вернёт его в нормальное состояние, чего бы это ей не стоило.

Для начала, она запретила всем без исключения приходить к ним домой. Старалась не оставлять любимого надолго дома одного. Много гуляла, разговаривала с ним, если он чего-то не понимал, то терпеливо, с любовью, разъясняла каждое непонятное ему слово. Каждый раз, когда Дора возвращалась домой, у неё с Дэни происходил примерно один и тот же диалог:

– Ты пришла, моя родная! – Радостно восклицал он.

– Да, да, мой дорогой! Как ты провёл время? – Отвечала она, обнимая и целуя его.

– А где ты была так долго? – Наморщив лоб, спрашивал он.

– На работе, мой любимый. – Она устроилась служащей в местном банке на полставки.

– Понимаю, а это всегда так долго?

– Это не так уж и долго, но сейчас, видишь, я с тобой. Ты доволен? – Спрашивала она.

– Сегодня ты больше не уйдёшь? – В его голосе слышалась небольшая паника.

– Нет, нет. Давай пообедаем, ты уже поел чего-нибудь?

– Я не помню. – Виновато склонив голову, отвечал он.

– Ну, и ничего страшного, сейчас я накрою на стол.

За столом Дора старалась говорить так, чтобы вызвать у него хоть какие-то воспоминания, но всё тщетно.

Однажды Дора показала ему гитару, он посмотрел равнодушно, ничего не понимая, а на её предложение сыграть что-нибудь, как-то боязливо отстранился с бормотанием «я не умею».

Мысль о том, чтобы вернуть ему память, не покидала Дору ни на минуту. Она хорошо понимала, что это нелегко и придётся запастись терпением и потратить много времени. Вытащила всю его нотную библиотеку, сначала просто из любопытства, а потом, обнаружив много интересного, увлеклась всерьёз. Библиотека состояла из книг, альбомов и нотных тетрадей. Среди книг было два самоучителя игры на гитаре, автором которых был он, её Дэни. Дора стала листать один из самоучителей. Учебник поразил её простотой изложения темы. Да и название привлекало внимание: «Играть на гитаре? Нет ничего проще». «А что если я попробую научиться игре на гитаре?» – С иронией подумала она о себе, но, тем не менее, принялась всерьёз заниматься.

Чтобы чем-то занять Дэни, Дора купила ему несложный пазл и объяснила, как его собирать.

Каждый раз, оставаясь один, Дэни видя на столе игру, заинтересовывался ею и пытался разобраться в ней. Когда удавалось собрать что-нибудь, радовался как ребёнок, но досадовал, что Доры нет рядом, чтобы похвалиться перед ней. Дора приходила, видела плоды его труда, хвалила его, говоря, что он самый умный и самый лучший мужчина на свете.

Постепенно пазлы становились всё сложнее и сложнее, а сбор простых пазлов давался ему все легче и легче. Дэни увлечённо собирал пазлы, а Дора, в другой комнате, постигала азы нотных премудростей и гитарных выкрутасов. Прошло немало времени, прежде чем Дора научилась наигрывать лёгонькие песенки, разучивая их по нотам. Обладая от природы хорошими музыкальными данными и логикой, Дора высоко оценила труд Дэни, и очень радовалась тому, что он такая умница. Ведь создать такой хороший учебник не каждому под силу – гордилась она мужем.

Пришло время, и Дора решила использовать последний, как ей казалось, шанс.

– Дэни, дорогой, ты хочешь мне помочь?

– Конечно, конечно! – С готовностью отозвался он.

– Я хочу научиться играть на гитаре, а сил нажимать на струны у меня нет. Может, ты попробуешь, а я посмотрю. – Неуклюже начала Дора.

– Но я никогда не умел, родная моя, но ради тебя, конечно же, попробую. – Неуверенно сказал он.

Дэни взял в руки гитару, осторожно провёл пальцем по струнам, поморщился и посмотрел на Дору.

– Да, да, ты можешь покрутить колки. – Догадалась она.

Дэни, инстинктивно настроил гитару и вопросительно посмотрел на Дору.

Дора, приговаривая «всё у тебя получится, ты самый умный и самый хороший, и самый лучший гитарист», расставила его пальцы на струнах. Построив, тем самым один из красивейших джазовых аккордов. Дэни взял аккорд, потом ещё и ещё раз. От удовольствия прикрыл глаза и выдохнул:

– Как красиво! Как волшебно!

Робко перебирая пальцами по струнам, он вслушивался в звуки. Они поражали его, Дэни плохо понимал, что это за магия такая. Иногда, недоуменно поглядывал на Дору, как бы прося разъяснения, но сразу же отвлекался, прислушиваясь к звукам.

Дора не мешала, она просто молчала.

Дора наблюдала за ним, слёзы душили её.

Дора понимала – она на правильном пути.

Дора знала, впереди долгий путь возврата, Дора, эта великая женщина, понимала, что надо затратить немало сил для полного восстановления. Но первый, самый важный шаг сделан!!!

О, Великая Дора! О, великая Женщина!

Сынок, я очень тебя прошу!

Раннее утро. Ещё не светает. Старик, лёжа на спине, смотрел на потолок, совсем не мигая. Смотрел, ничего не видя, безучастно. Зрение стало ухудшаться пять лет назад. Сначала медленно, а потом набирая обороты. Раньше зрение было отменным, теперь же он мог различать только силуэты, но при ярком свете мог распознавать лица знакомых ему людей. Сна не было. Частенько приходилось лежать без сна, наедине со своими мыслями.

Этим утром, уже который раз, старик перебирал страницы своей жизни. Строчку за строчкой, букву за буквой. Вспомнил тот несчастливо-счастливый день, который принёс ему радость отцовства, но в то же время он потерял жену. Она была для него всем. Он очень любил её и всегда твердил, что никогда не расстанутся, даже на минуту. Судьба же распорядилась по-иному. Он наверняка тронулся бы рассудком, но ответственность за сына, за эту милую, близкую сердцу кроху, придавало ему сил и решимости вырастить сына и отдать ему всю свою отцовскую любовь. Сейчас сын жил с женой и уже выросшими детьми отдельно, в большом доме в двадцати минутах ходьбы от отца.

На тумбочке, рядом с кроватью, находились электронные часы. Нажатием кнопки старик высвечивал экран с контрастными большими цифрами и определял время. Кроме этих часов, на стене висели другие часы, каждый час возвещавшие текущее время, а каждые полчаса били коротко и один раз. Вот и сейчас, услышав удар, посмотрел на свои электронные часы, горестно

вздохнул и не спеша, с большим трудом и стонами поднялся с кровати. Через довольно большой промежуток времени, он уже сидел за столом и думал свои невесёлые думки. Регулярные приступы кашля, вызываемые болезнью лёгких, прерывали ход его мыслей, но откашлявшись, он снова и снова возвращался к ним. После очередного боя часов, он решил, что уже можно звонить и пододвинул телефон поближе к себе. Нащупал кнопку быстрого набора и нажал на неё.

– Я слушаю, папа. Что случилось? Что звонишь так рано? – Раздался голос сына.

– Сынок, я очень тебя прошу. Я хочу, чтобы ты зашёл ко мне. Прямо сейчас. – Глухо проговорил старик и в очередной раз закашлялся.

– Папа, – не срывая раздражения, скороговоркой сказал сын, – папа, ты вообще понимаешь, о чём ты просишь? Если ты по поводу лекарства, то привезу его завтра вечером, а сегодня никак не могу. – И не давая отцу вставить, хотя бы словечко продолжил. – Я же работаю, чёрт возьми. Хоть это ты понимаешь?

– Сынок, я очень тебя прошу. Я жду тебя.

– Ну, что тебе вдруг так приспичило? – Заорал сын.

Рядом стояла его жена, она успокаивающе положила руку на плечо мужа и тихо сказала:

– Не кричи Томас, может человеку что-то нужно? Спокойно.

– Не лезь! Я сам знаю, как мне нужно разговаривать. – Прервал её Томас.

– Сынок, мы с тобой пройдемся по парку, поговорим. Приходи.

– Па-па, пойми я ра-бо-та-ю. Я не могу пропускать работу из-за твоей блажи.

– Сынок, я очень тебя прошу

– Ну ладно, я зайду к тебе вечером. На минутку. Если смогу. – Всё это, он выговорил медленно, громко и нарочито внятно. Так разговаривают с детьми-несмышлёнышами или с иностранцами, или вообще с умственно неполноценными.

– Сынок, мне нужно кое-что показать тебе.

– Папа, давай в другой раз. А? Пойми мне нужно работать, а ты сиди себе дома и отдыхай. Понял? – Уже кричал в трубку сын.

Отец закашлялся. Кашлял долго. Томас хотел бросить трубку, но жена, взяв его за руку, прошептала: «Не надо». Старик, откашлявшись, промолвил:

– Это очень важно для меня. – Секунду помолчал и добавил. – И тебе. Сынок, я жду тебя. Я знаю, ты придёшь.

– Ладно, успокойся, иду уже. – Повесил трубку Томас и недовольно пробурчал жене.

– Совсем расклеился старик.

Потом, злясь на самого себя, сказал:

– Ну, забыл, забыл я купить, это чёртово лекарство от кашля. Неужели нельзя подождать до завтрашнего вечера?

– Томас, иди навести отца, он нуждается в тебе. Ему трудно, он прожил нелёг

– Хоть ты помолчи, ладно? Все языки пораспускали. Хватит меня воспитывать!

Через двадцать минут Томас подходил к дому отца.

Домик явно нуждался в хорошем ремонте. «Никак руки не дойдут». – Мимолётно пробежало в голове. В этом

доме прошли детство и юность Томаса. Многое могло вспомниться, но раздражение как бы заслонило все мысли, и было не до сантиментов.

– Входи, входи сынок. – Обрадовался отец, заслышав звук открываемой двери.

– Привет, папа! – Поздоровался сын, стараясь скрыть своё недовольство.

– Ну, как ты сынок? Как дела на работе?

– Папа, ну не для этого же ты позвал меня сюда?

– Сынок, я так горжусь тобой. Ты многого добился в жизни. Я очень рад за тебя.

– Я тоже собой горжусь. – С нескрываемой иронией сказал Томас, и добавил просительным тоном, – папа, не томи, говори уже, что ты хотел сказать?

– Я понимаю, понимаю, сынок. Ты помнишь нашего бывшего соседа, дядю Альберта?

– Что-то припоминаю, но очень смутно. И что?

– Конечно, смутно, ты тогда был маленьким. Он с семьёй переехал в другой город, когда тебе было пять лет.

– Очень рад за него. – Продолжал ёрничать Томас.

Старик закашлялся, причём как-то беззвучно. Лицо покраснелось, вены на шее вздулись, а, главное, ничем и не помочь. «Надо было всё-таки зайти в аптеку и купить это лекарство», – подумал сын. Старик откашлялся, но долго ещё приходил в себя. Несколько раз посмотрел в сторону сына, ориентируясь на голос.

– Иногда, когда мы с тобой выходили погулять, он брал свою маленькую кинокамеру и снимал нас. Ты на него совсем не обращал внимания. Ты был поглощён своими детскими вопросами. Жалко, что эти камеры

снимали без звука, а то я хотя бы послушал сейчас твой детский голосок.

– Не понял, а что у тебя есть этот фильм? Ты никогда о нём не упоминал. – В голосе Томаса слышался неподдельный интерес.

– Прошло так много лет с тех пор, как уехал Альберт с семьёй. Я даже не знал куда, в какой город они переехали, но он то знал наш адрес. Никогда не писал, не звонил. Вчера, совершенно неожиданно, почтальон принёс бандероль. Я попросил его вскрыть посылочку и прочитать вложенное письмо. Оказалось, что у Альберта... – Старик опять надолго закашлялся. Жалко было смотреть не его мучения.

«Какая я скотина». – Подумал Томас, – «а ведь было у меня время купить лекарство». Сейчас он ничем не мог помочь отцу

– Оказалось, что у Альберта были какие-то неприятности, и ему было не до нас. А недавно, когда он копался в старом шкафу, обнаружил старые киноплёнки, и магнитофонные записи. Как пишет Альберт, он пытался синхронизировать звук с изображением, но удалось не очень хорошо. Затем перевёл их на видеокассету и прислал мне, то есть нам. Хочешь посмотреть, сынок?

– Давай посмотрим, – потеплевшим голосом ответил Томас.

– Кассета рядом с телевизором, на тумбочке. – Совсем слабо сказал отец. – Ты мне рассказывай, что там снято.

– Ладно, ладно. – Сын, предвкушая кадры своего детства, не обратил внимания на слабость отцовского голоса. Включил кассету и с первых же кадров увлёкся

просмотром. Звук, мало того, что не синхронизировался с видеокадрами, был очень слабым и не качественным. Томас различал отдельные слова, а для отца просто комментировал.

– Папа, жалко, что ты не видишь. Вот мы вышли из дома. Я маленький, наверно мне два или два с половиной года. Я что-то болтаю. Нет, скорее что-то спрашиваю. Вот, вот я слышу, как дотошно спрашиваю: «А что это? А кто это?» Всё в этом духе. Вот ты присел на корточки, и куда-то показывая пальцем, объясняешь мне что-то. – В этом месте голос сына немного дрогнул. Одновременно с этим отец снова закашлялся. Как всегда в последнее время беззвучно, и сотрясаясь всем телом. Томас, увлечённый просмотром и сидя спиной к отцу, этого не видел.

– Вот я опять что-то спрашиваю, а ты умиленно улыбаясь, гладишь меня по голове. Смотри, смотри, ты подхватил меня на руки и подбросил вверх. Я, видимо, завизжал. Потом, потом, – здесь голос сына намного задрожал, – потом ты прижимаешь меня к своей груди, целуешь. У тебя очень радостное лицо.

Фильм длился долго, наверное, с полчаса. Смонтированный кое-как, он весь состоял из разрозненных эпизодов. В каждом эпизоде маленький мальчик задавал много вопросов и теребил отца, а отец терпеливо и с любовью к сыну отвечал ему. Всегда прижимал сына к груди, восхищался и гордился им. Томаса стала раздражать собственная надоедливость. «Сколько можно болтать? А папа ни разу даже не нахмурился». Он почувствовал что-то. Возможно, что-то тёплое к отцу. Нет, скорее тоску по прошлому. Но отвлекаться, как он считал, «на всякую

ерунду» не хотел. Томас подмечал каждую мелочь. Рассказывал и комментировал любую деталь. Не заметил он лишь одного, что отец его уже не слышал. Свесив голову на грудь, он уже не дышал. Коварная болезнь выполнила *свою* миссию, а отец – *свою*. Старик завершил воспитание сына.

– Молодец дядя Альберт! Прекрасный сюрприз! – Восхищённо сказал Томас и обернулся.

Несколько секунд ничего не понимал, а когда понял, то, надеясь на чудо, бросился к отцу:

– Папа, папочка, ты не можешь так поступить со мной! Это нечестно. – Кричал сын. – Пойми, я не самый плохой сын на этом свете!

С ним остались пустота, одиночество и обида, жгучая обида. А на кого обида?

Узник

Эта мысль захватила его полностью. Одна мысль. Единственная мысль. Она долбила его в самую макушку. Мысль простая, состоящая из двух слов. Всего-то «Я – Грегори!». Он не отдавал себе отчёта, что такое «Я – Грегори», и не понимал того, где он находится, что делает в этот момент, да и вообще, существует ли он?

«Я – Грегори!»... «Я – Грегори!»... «Я – Грегори» Много-много раз.

Всё, что он был в состоянии делать, сидя на полу в самом углу комнаты, да и то чисто механически – это раскачиваться взад и вперёд. Он также не понимал, что всему приходит конец, и даже эта ненавистная мысль когда-нибудь покинет его. Он не мог этого понять просто потому, что мысль «Я – Грегори» заполнила его целиком. Не оставалось места ничему. Ни каким-то другим мыслям, ни каким-то действиям, ни любви, ни ненависти, вообще ничему. Ни-че-му!!! «Я – Грегори!». Неизвестно, сколько времени он сидел и раскачивался. Вперёд – назад. Вперёд – назад.

Не приходило в голову скинуть оцепенение. Ничего не приходило в голову. Только «Я – Грегори!». Эта мысль, казалось, хочет его убить. А иначе что ей нужно? Откуда она пришла? Что означает «Я – Грегори!»? Он превратился в механический маятник, резко вперёд – резко назад, и так до бесконечности. Но все ведь когда-нибудь заканчивается. А он всё раскачивался, не думая ни о чём. Он и не помнил, что в это состояние впал после последнего разговора с отцом. Точнее даже не разговора, а

монолог отца. Именно монолога, ответить что-либо, а тем более возразить, он не мог. Авторитет отца был незыблем. Возражения исключались, правда, позволялись редкие, робкие оправдания. Отец контролировал каждый его шаг. Хотел «сделать из него человека». Много запрещалось. С кем дружить – вопрос непростой. Выбор мог быть одобрен или нет. Робость и стеснительность порой ставили его в положение, что сделать какой-либо простой выбор не представлялось возможным.

Наклон вперёд – наклон назад. Сколько можно?

После школы некоторые ребята спешили на стадион поиграть футбол, а он должен спешить домой. Вовсе не потому, что может быть наказан, а просто страх наказания был настолько велик, что игра в футбол ничего кроме тревожного ожидания и не принесла бы.

Наклон вперёд – наклон назад.

Он не вспомнил и того случая, когда посмел пойти в кино с товарищем на вечерний сеанс. Как, дрожа, и покрываясь холодным потом входил домой. В тот вечер судьба оказалась к нему милостивой, отец где-то задержался, а домашние его не выдали.

Наклон вперёд – наклон назад. И так довольно долго. Наклон вперёд и чересчур резко назад. Качнувшись назад, он больно стукнулся головой. Стоп! Где я? Что со мной? Ах да, «Я – Грегори!». Но почему? Разве так меня зовут!?

Медленно, очень медленно сознание стало возвращаться. Вспомнил кто такой этот Грегори. Он, этот «Грегори» всего-навсего герой одного из жутких рассказов Франца Кафки. Он помнил этот рассказ до последней точки. Досконально! Рассказ о том, как этот самый Грегори постепенно превращался в паука. О том, как мать

и сестра пытались облегчить его страдания. Каждый раз, когда его внешность менялась, и он всё больше становился похожим на насекомое, тем больше безгливости появлялось в глазах матери и сестры. И когда он окончательно превратился в насекомое, они просто выбросили его в мусорное ведро. Когда-то, прочитав этот рассказ, юноша сделал для себя открытие, глубоко потрясшее его своей страшной правдивостью. Можно всем поделиться с кем угодно. Всем, кроме собственных страданий! Страдают в одиночку! Все сопереживания и сострадания – не стоят ничего. Никто не в состоянии почувствовать страдания другого. Просто одни сопереживающие более циничны, а другие менее. Вот и всё!!! Страшное открытие, но правильное.

Да! Он стал вглядываться в пропасть, несмотря на опасность, что с какой-то минуты пропасть начнёт вглядываться в него. Он прочитал все доступные ему произведения Кафки, затем увлёкся Альбером Камю. Прочёл всего Достоевского. По мере прочтения делал всё больше и больше ненужных ему открытий и выводов. Потом стал задумываться и, в какой-то степени, удивляться, а почему бы не читать просто – без выводов. Просто прочитал и забыл, а потом читать что-то другое. Нет – так читать он уже не сможет. Страдания и страх держали его цепко.

А, собственно, что за страдания и что за страхи такие? «Задумайся!» - говорил он сам себе.

Стали всплывать картинки детства. Перед глазами Строгий взгляд отца. Отец никогда его не бил, не наказывал физически. Просто, этот самый строгий взгляд, действовал сильнее любого наказания. Он, маленький мальчик, из-за всех сил старался заслужить похвалу отца. Удавалось плохо. Всю жизнь старался чем-то удивить папу. Или вот, он уже взрослый двадцатилетний парень, а

обязан приходить домой не позже девяти часов вечера. Да, и то последние полчаса ежеминутно бросать взгляд на часы, только бы не опоздать. Авторитет отца давил. Мозг юноши жил в оцепенении, ограниченный со всех сторон. Он ни разу не подумал, просто не приходило в голову, почему отец к нему более строг, чем к другим детям. Скорее всего, боялся думать об этом, как собственно боялся многого на этом свете. Иногда приходила мысль, которую он гнал, как только мог. «А может я пленник своего образа мышления? Пленник чего? Может, я не правильно живу?»

Однажды, он услышал фразу: «Как себя поставишь, так к тебе и станут относиться!». «Что за чушь?» - подумалось тогда. «Разве можно повлиять на окружающих»? А потом, «А если повлиять не на окружающих, а на самого себя?»

Не зная как поступить, не видя выхода из своего заключения, он просто сжал голову руками. Вдруг подумалось: «А зачем что-то менять, кто знает, а будет ли мне лучше вне моего заключения?»

Полный сумбур в голове, мысли скакали из одной стороны в другую. Возможно, ещё недавно эти скачки его насторожили бы, а сейчас...

А сейчас, его губы расплылись в улыбке.

Стало хорошо как никогда.

Никакие посторонние мысли не беспокоили его больше НИКОГДА.

Блаженная улыбка так и не покинула его до конца жизни.

Душа

Я твоя душа, и ничего с этим не поделаешь. Все эмоции, которые ты считаешь своими - во мне. И когда ты гневаешься, готовый смести всё на своём пути, и когда ты радуешься, готовый одарить весь мир. Вот ты маленький человечек, совсем ребенок, ты искренне рад подарку, глазки светятся... весело и заразительно смеешься. Весь мир для тебя - одна сплошная радость, все-все кажутся тебе наимилейшими и наидобрейшими людьми. Будь осторожен! Береги свою душу. Я должна обо всём предупреждать тебя, но и я подвержена порокам, падка на лесть, иногда самообманываюсь. Всё зависит от моего состояния. Не усыпляй меня, я - то, что делает тебя человеком. Слушай зов души своей.

Не пытайся залить свои беды алкоголем или ещё чем-то, ведь в итоге страдаю. Я не всегда могу достучаться до тебя. Страдания, беспокойства и фобии - это то, что губит меня.

Это не все. Особенно ранит несправедливость, нанесенная кем-то из близких. Тогда весь мир сужается до маленького шарика, становится тесно, ничто не мило, хочется исчезнуть, раствориться. Ещё хуже, если порыв душевный не понят или истолкован неверно, если обвинение, появилось неведомо откуда и не имеет под собой реальную почву. Остановитесь, люди, я ведь всего лишь Душа! Всего лишь?

Ты должен охранять, защищать, возносить, наделять эпитетами, холить, лелеять, но, ни в коем случае не тол-

кать в бездну. Запомни, Я - это ТЫ!!!

Иногда ты такое творишь, что мне хочется покинуть тебя, уйти, исчезнуть, перестать существовать, но это не в моих силах. Существует мощная, серьезная сила, не дающая мне самостоятельно решать такое.

Почему ты молишься только тогда когда тебе плохо? И делаешь это неправильно, без меня, без души твоей? Бездушная молитва никогда не доходит туда, куда ты её направляешь.

Не будь эгоистичным, он, этот эгоизм, рождается в твоей голове. Гони его, иначе я чернею и привыкаю ко всему неправильному, настает момент, когда исправить ничего невозможно.

Главное, о чём мы должны помнить:
«Гармония между Духом, Душой и Телом».

Вчерашний день

*«Кто сказал, что можно в жизни
по прямой пройти?»*

Повороты на дороге, их не обойти». - Р.Эткин

Я часто задаюсь вопросом – «Что нам сулит вчерашний день?». На первый взгляд вопрос кажется странным. А, ведь действительно, именно «сулит», потому что вчерашний день - это не обязательно прошедший день? Вовсе нет! Иногда «вчера» - это наше «сегодня», или даже наше «завтра». Этот вчерашний день может преследовать нас всю нашу жизнь. Без жалости, без понимания, без эмоций. Совершенно не считаясь с тем, что мы люди, что мы способны переживать, что душа наша ранима, что мы не хотим потерь – чёрт возьми.

«Вчера» – это начало «сегодня», и начало «завтра». «Вчера» – это продолжение «сегодня», и продолжение «завтра».

Что нам сулит вчерашний день? Почему не оставляет нас в покое? Вчера мы потеряли близкого человека, и будем помнить о нём всю жизнь. Вчера мы пережили жестокую войну, и будем помнить о ней всю жизнь. Вчера мы перенесли личную драму, и будем помнить о ней всю жизнь.

Такой вчерашний день преследует людей с тонкой душой. Тех, кто способен чувствовать. Тех, кто способен любить. Тех, кто способен прийти на помощь.

Вчерашний день мне видится не так как тебе. Тебе - не так, как ему. Ему - не так, как им. Читаешь историю, а там пишут, что в такой-то стране жизнь была ужасной. Но в

той, же стране найдутся люди, которым жилось прекрасно. Где правда?

Вчерашний день накладывает свой отпечаток на взаимоотношения людей, на взаимоотношения стран. Странно, но разобраться во взаимоотношениях стран гораздо проще, чем во взаимоотношениях людей. Объясняется это очень просто. Каждая страна преследует свои финансовые или территориальные интересы. У человека к этому добавляется ещё масса разных чувств, порой самых противоречивых.

Человек с обидой, или мнимой обидой (что, кстати, ещё хуже) носится с нею, как с писаной торбой. Его обидели вчера, а помнить об этом он будет долго, если не всю жизнь. С ним так, то есть плохо, поступил вчерашний день. Печально!

Вчерашний день поступает по-всякому. Иногда...

Иногда совсем не хочется, чтобы вчерашний день заканчивался. Никогда! Никогда!

Вчерашний день был днём моего рождения. Папа и мама радовались безмерно. Я не хочу, чтобы он кончался. Вчера у меня была радость. Вчера я был счастлив. Вчерашний день наградил меня великолепным настроением. Он, такой вчерашний день, не должен заканчиваться.

Эх, вчерашний день, вчерашний день! Ты такой разный! Ты такой всякий! Ты такой глупый! Ты такой мудрый! Оставайся с нами, вчерашний день. Но, знаешь что? Всё-таки не во всяком своём обличие. Ладно?

«Держу пари, что я ещё не умер» (Размышления пессимиста).

Это - вырванная из контекста строка гениального поэта двадцатого века Осипа Мандельштама. Многие по праву могут применить её к себе. Многие, но только не я! Я могу только сказать...

Неправда! Я уже умер. С тех пор, как только увидел этот жестокий и несправедливый мир. Достаточно только шире раскрыть глаза, оглянуться вокруг и немного поразмыслить, как многое становится ясным. Ничего не поделаешь, это хоть и жестокая, но, правда.

Я, конечно, слухавил когда сказал: «я умер, как только увидел этот несправедливый мир». Да, я видел и раньше этот мир, но степень его несправедливости я понять не мог. Не мог в силу своего сильного желания видеть его другим. Я жаждал другого мира! Я его искал и не находил. Очень надеюсь, что я не ожесточился, не противопоставил себя всему миру. Но душа изранена, а это серьёзный симптом.

Ранит слово, сказанное грубо. Ранит вопрос, не вовремя заданный. Ранит жест. Тебе говорят одно, а ты видишь по позе, по выражению лица, что смысл сказанного прямо противоположный. По каким-то мелким ужимкам или новому прищуру глаз, чувствуешь фальшь. Это невыносимо. Также невыносимо, когда разговор принимает скандальный характер. Тут возможны варианты: оба кричат, или один кричит, а другой молчит. В любом случае, спасти может интеллект, хотя бы одного из

них. Любой человек когда-нибудь сталкивался со скандалом. Если сам не был участником ругани, то уж свидетелем подобных безобразий был точно. Множество проблем преследуют человека: решаемые или нет, вечные или временные, реальные или надуманные - в общем, проблем много и они разные.

Среди всех этих проблем, есть одна, многогранная, принимающая самые различные формы. И ранит в самое сердце, в самую душу. Чем же она так сильна? Тем, что исходит от близкого человека, того, кто создаёт проблему, одновременно ее не замечая. Можно сказать, что, мол, человек такой. Он по-другому не может. Конечно, есть и такие люди, но, зачастую бывает и иначе. В какой-то момент у человека, создающего проблемы близким людям, меняется мышление. Вместе с этим, меняется характер, и также оценка происходящего, а уж самооценка и подавно.

Я – это ты, или он, или она! Я – это мы, каждый из нас! Не всё просто в нашей человеческой (так и хочется слово «человеческой») жизни.

Каждый из нас – лживый политик, или небрежный математик, путающий цифры, и не всегда случайно. Иногда каждый из нас – нерадивый муж или сварливая жена.

Я не держу пари, а точно знаю – я уже умер или трусливо сдался обстоятельствам, а это ещё хуже. Не согласен я с поэтом.

Зачем я здесь?

Зачем Я здесь? Это ты спрашиваешь? Кто Я? Откуда пришёл? А может Я всегда был здесь? А, сколько Я существую? А, был ли Я таким, какой сегодня? Всегда? Или пять веков назад Я был другим? Десять веков назад? Ты всё время спрашиваешь у меня, зачем Я здесь? Действительно, зачем Я здесь?

А, кто мои друзья? Кто мои враги? Неужели у меня есть друзья и враги? И что такое друг, и что такое враг? Что произойдёт скорее, друг перестанет быть другом, или враг врагом? Я уверен, что он друг, но не уверен, что он считает также, а как на самом деле? Я здесь, потому что меня изгнали отсюда? Тогда где же мой дом, здесь или там? Действительно, зачем Я здесь?

Если мой дом там, то, что Я делаю здесь? Голова идёт кругом, но если во всём разберусь – голова станет ясной? Станный мой друг, скажи мне, почему Ты всё время спрашиваешь: – Зачем Я здесь? Ты действительно хочешь разобраться, или хочешь убедить меня, что Я не существую? Что? Таких как Я, не должно быть? Да – Я еврей!!! Но, что за вопрос? Зачем Я здесь? Ты, современный интеллигент и спрашиваешь, одно и то же. А может в душе Ты такой же, как тот который хочет скинуть меня в море? Внешне Ты импозантен, рассуждаешь красиво, но почему так часто спрашиваешь меня? Об одном и том же.

Ты забыл? Ты забыл, что такая теория уже была? И чем она закончилась, тоже забыл? Тебе не страшно своих

ТАКИХ мыслей? Если меня не будет, поищешь другого ВИНОВНИКА в своих бедах и ошибках? И кто же это будет? А вдруг, это будешь ты сам. А вдруг, тебя самого сочтут виновным во всём? Нет? Не допускаешь? Не хочешь допускать? Для этого есть еврей? Меня уже нет, и кто остался? И кто же тогда станет виноватым? Неужели: – близкие тебе люди, кто? Папа? Мама? Брат? Сестра? Сын ? Дочь? Посмотри на себя внимательно, что же ты видишь? Смотри, смотри, чего Ты отворачиваешься? Боишься увидеть правду? А хватит ли у тебя честности объективно оценить? Признаться, хотя бы самому себе, в том, что ты видишь? Нет! Нет и нет! У тебя один вопрос, и он адресован мне. Зачем Я здесь?

Я тебе отвечу. Я здесь для того, чтобы открыть тебе глаза, чтобы тебя защитить. Не будет меня здесь – ты станешь виноватым во всём! Тебя обвинят! Тебя будут взрывать! Тебя будут похищать! Ты будешь плакать по погибшим! Пойми это, а то, как бы не было поздно. Всё, в этом мире с твоего молчаливого согласия. А то, и с твоей помощью. Зачем Я здесь?

Затем Я здесь! Дом мой здесь! Но друг мой – там! А может и не друг вовсе.

Зачем Я здесь? Затем! Затем! Затем!!!

Утраченные грёзы юной русалки

*«Небо любило море. Море любило сказку. Сказка
вселяла надежду. Надежда исчезла как тень».*

Вынырнув из воды, Русалка посмотрела на небо. Оно было синим-синим. Редкие облачка медленно скользили по нему, как бы приглашая в путешествие по небу. Вокруг радостно, тепло и приятно. Казалось, что море тоже любит эту красоту вместе с Русалкой. Лицо Русалочки

выражало блаженство, но уже через секунду оно нахмурилось. Она тряхнула головой, и прежнее выражение вернулось к ней. Просто перестала думать о неприятных вещах. Тут в её красивую головку пришла такая мысль: «Вот сейчас нырну и через некоторое время вынырну, и если что-то изменится на море, то я постараюсь вырваться из этого замкнутого круга».

Русалка нырнула, погладила нескольких рыбёшек, успела построить рожицу вслед вечно недовольной акуле, и перевернулась на спину. Тут она заметила, что прямо над ней медленно проплывает яхта. «Надо посмотреть на этих людей, обычно в этих местах они не отдыхают». — Подумала Русалка. Она знала, с какой стороны надо смотреть, чтобы разглядеть кого-нибудь. А на яхте сидели

двое, парень и девушка. Приняв удобное положение, стала наблюдать. Она видела, как юноша обнял девушку и что-то шепчет ей на ухо. Было заметно, что ей приятно то, что он ей говорит. Широко открытые глаза девушки выражали восхищение то ли юношей, то ли его словами. Потом он поцеловал её в щёчку, открыл какой-то ящичек и достал оттуда маленькую коробочку. Девушка, что-то сказав, всплеснула руками. Юноше её радость явно доставляла удовольствие. Он взял её руку, поцеловал каждый её пальчик, а потом открыл коробочку, достал оттуда колечко и надел ей на безымянный палец, и, не теряя ни секунды, подхватил девушку за талию и закружил её под музыку, которая зазвучала как нельзя кстати.

Русалка радовалась за них, но душа её была в цепких объятиях тоски. «Ну, почему так? Как здорово всё устроено у людей. Все только и радуются, и наслаждаются жизнью, а у нас...» – ей даже думать не хотелось, «как у нас».

А у русалок было так:

Все они подразделялись на несколько групп. Назывались все сёстрами. Самая Старшая Сестра Русалок, старшие сёстры, просто сёстры, младшие сёстры и наконец, самые младшие сёстры. Строго соблюдалось старшинство, любое нарушение дисциплины наказывалось. Задачей русалок было завлечь мужчину и отдать его старшим сёстрам, а они передавали его Самой Старшей Сестре Русалок. Что она с ними делала – никто не знал, но поговаривали, что она их ест. Нашу Русалку наказывали больше других. Она не справлялась со своей задачей, никого не завлекала, а даже помогла некоторым

бедолагам спастись от этой ненасытной Самой Старшей Сестры Русалок. Зачастую наказание сводилось к тому, что её выталкивали на сушу и держали её без воды до тех пор, пока она не теряла сознания. После таких наказаний она долго не могла придти в норму, но пересилить себя и делать то, что делали другие русалки, она не могла.

«Надоело, надо на что-то решаться. Разве это жизнь?» – подумала Русалка, и решила взобраться на ту невысокую скалу, что находилась почти у берега. Она ползла из последних сил, ей было невыносимо жарко, хотелось пить. Её красивое личико исказилось от страданий, но она доползла. Теперь оставалось только броситься вниз, и конец всем мукам. Она не знала, что за всеми её действиями следил ангел по имени Буоно, и он знал все её мысли. Его прозвали Буоно (Хороший) за то, что он был самым добрым из ангелов. Он не хотел, чтобы красавица погибла, и просил у Верховного Ангела разрешения помочь бедняжке.

– Хорошо, – сказал Верховный Ангел, – ты её спасёшь, но потом ты не смеешь вмешиваться в её судьбу.

В это время Русалка подползла к самому краю скалы, но Буоно уже был готов ко всему. Она оттолкнулась от скалы и полетела вниз, тут же потеряв сознание. Буоно подлетел, подхватил её на руки и мягко опустил на траву. Пока она была без сознания, он освободил её ноги от рыбьего хвоста, и надел на неё простенькую одежду. Сейчас она выглядела как обыкновенная, но очень красивая девушка. И прежде чем улететь, Буоно не только пожелал ей счастья, но и научил её становиться невидимой в необходимых случаях. То есть, не то, что она становилась

невидимкой, просто люди переставали её замечать. Теперь он мог лишь наблюдать за ней, но не вмешиваться в её дальнейшую судьбу.

Она поднялась на ноги, с удивлением оглядела себя, но сразу приняла свой новый облик как должное, и инстинктивно пошла в сторону шоссе. Радуюсь перемене в своей жизни, решила отдаться судьбе. «Будь что будет – думала она, – ведь я хотела к людям, а как это случилось, не имеет значения». Думалось легко и приятно, будущее виделось ей безоблачным. Дышалось хорошо, хоть и хотелось поплескаться в воде, но было понятно, что и без воды она может обойтись.

Через некоторое время дойдя до города, Русалка с любопытством вслушивалась в разговоры прохожих. Из бесед её заинтересовали две вещи – спектакль «Отелло» и кинофильм «Ромео и Джульетта». Правда, она не знала, что такое «кинофильм» и «спектакль», но твёрдо решила увидеть всё это своими глазами. Люди говорили о фильме и спектакле с таким восхищением, что Русалка слушала их, просто затаив дыхание.

В кинозал девушка вошла без каких-либо проблем, вошла и всё, и никому в голову не пришло остановить или окликнуть её. Сначала она уселась в проходе между рядами, но потом какой-то парень принёс ей складной стульчик:

– Садитесь синьорита, так вам будет удобнее, – смущаясь и не сводя с неё восхищённого взгляда, – сказал молодой человек.

Русалка благодарно кивнула, уселась и приготовилась увидеть никогда в жизни не виденное. С первых же кадров

она почувствовала себя в неведомом ей волшебном мире. Весь фильм она проплакала, сопереживая героям. Фильм закончился, Русалка оставалась сидеть – подавленная и огорошенная, ей хотелось кричать: «Люди, что вы делаете? Зачем вы губите близких вам людей? Неужели вы так бессердечны?» Но она не кричала, она молча страдала. Ей так было жаль этих молодых людей, ей так было жаль этих неразумных людей, но больше всего ей было жаль себя.

– Синьорита, – раздался голос того самого молодого человека, – синьорита, сеанс закончился. Здесь больше оставаться нельзя. Может, вам нужна помощь?

Кто знает, как бы сложились дальнейшие события, если бы Русалка приняла помощь этого молодого человека. Но она лишь отрицательно покачала головой и быстро ушла.

Бродила по городу, любовалась архитектурными достопримечательностями города, но мысль о том, что у людей всё не так, как она себе представляла, не покидала её.

Вот и здание Театра, монументальность его давила так сильно, что девушка поторопилась войти внутрь. Театральный зал поражал своей роскошью и великолепием. Костюмы артистов и актёрская игра просто очаровали Русалку. Правда, эту самую актёрскую игру она воспринимала как настоящую человеческую жизнь. Правдивая игра артистов и искусно выполненные декорации создавали полную иллюзию настоящих жизненных ситуаций. Ей и в голову не приходило, что всё это не настоящая жизнь, а всего лишь проживание чужой жизни.

Русалку пленяли красота Дездемоны и мужественность Отелло, возмущало коварство Яго, и вообще, каждый

герой трагедии вызывал в ней много эмоций. После спектакля, Русалка просто брела по улицам, ни на кого не обращая внимания, и ни о чём не думала. В душе было пусто. Затем она сделала для себя очень важный вывод – у людей всё как у нас, а может быть, что даже хуже.

Зря, зря она не познакомилась поближе с молодым человеком из кинотеатра. Ведь он был такой добрый, такой солнечный. Он наверняка показал бы ей другую сторону человеческой жизни, в которой есть веселье, радость, любовь и счастье. Но, увы, она приняла решение довести до конца задуманное ранее самоубийство. В темноте добралась до той самой скалы и взобралась на неё. На этот раз восхождение оказалось не трудным. Долго не думая, бросилась вниз, но Буоно не мог допустить гибели красавицы. Он знал, что за нарушение приказа Верховного Ангела его ждёт суровое наказание, но он решил пожертвовать своим будущим.

Буоно подхватил потерявшую сознание Русалку и нежно опустил её в воду. У неё снова вместо ног появился её прежний хвост. Опуская её в воду, Буоно повторял: «Будь счастлива, девочка, и не забывай, что каждый должен жить среди своих, на своей родине, какой бы ужасной она не казалась».

Верховный Ангел видел, что Буоно нарушает его приказ, но, как, ни странно гордился своим учеником. Он уже обдумывал, как поощрить своего непослушного ученика.

В воде Русалка сразу очнулась и, не подозревая, что повторяет чужие слова, несколько раз произнесла: «Каждый должен жить среди своих, на своей родине». Она

предвкушала встречу с сёстрами. Ей хотелось плескаться в воде. Ей хотелось играть с рыбками. Ей хотелось корчить рожицы вслед вечно недовольной акуле. Ей хотелось тех привычных и обычных радостей её жизни. Даже существование СССР, Самой Старшей Сестры Русалок, не омрачало радости ощущения дома.

Русалка нырнула поглубже, где и повстречала своих, равных ей по рангу, сестёр. Окружив её со всех сторон, наперебой расспрашивали, где она пропадала, да что там делала, и что нового она расскажет. Русалка загадочно улыбалась и молчала, а потом, поняв, что надо что-то придумать, сказала:

– Вы не поверите, я просто уснула на берегу, и долго-долго спала и видела волшебные сны.

– Пока ты видела свои сны, мы тебя обыскались. Ты знаешь? Ведь завтра тебя обязательно накажут. Сегодня ты не завлекла ни одного человека. – Сказала одна из сестёр.

– Ну и пусть! – Озорно прокричала Русалка и, дёрнув её за волосы, стала быстро уплывать, тем самым вовлекая сестёр в их обычную игру.

Все бросились за ней, забыв обо всём на свете.

Душа Русалки ликовала: «Я дома!!! Я снова дома!!! Я наконец-то дома!!!»

Радости её не было предела!

Выдержки из дневника женщины

*«Дано мне тело - что мне делать с ним?
Таким единственным и таким моим». -
О. Мандельштам.*

В моём дневнике не найдёте ни одной даты. Я пишу о себе такой, какой я видела себя на протяжении всей моей жизни. Желая нарушить хронологию, я все листочки с записями сознательно меняла местами. Вот здесь я пятнадцатилетняя и тут же рядом сорокалетняя и сразу же – мне десять. И это объяснимо, вроде бы не хотелось мне, чтобы кто-то прочитал дневник, и в то же время, подспудно, хотела, чтобы весь мир прочитал его и возмутился или одобрил, но не оставался равнодушным. Весь дневник ни за что и никому не покажу, но выдержки – пожалуйста, читайте, если вам интересно. А чтобы удобнее было читать, я в некоторых местах дописала несколько слов. Думаю, что от этого мой дневник не перестал быть дневником.

Анна – это я. Так, называю себя в этом дневнике, это такое имя не позволяющая определить кто я, откуда и каков мой менталитет. Я – женщина незаурядная, а может и самая что ни на есть заурядная, теперь решать вам.

Люблю стихи, но сама не пишу. Оскорбительно, когда некоторым людям смешны хорошие, серьёзные строки того или иного поэта. Считаю большим везением, что

один из вечеров начался у меня с томика Осипа Мандельштама, со строчек:

***"Дано мне тело – что мне делать с ним?
Таким единым и таким моим".***

Резко захлопываю томик! Всё дальше не буду читать. «Это же для меня?» – воскликнула я. – «Это же обо мне! Он меня вычислил, он понимает меня, как никто другой!» – Продолжала восторгаться я. И тогда решила, что можно опубликовать дневник, но... но, в общем потом. После всего, когда всё произойдёт, и всё закончится для меня.

Поэт написал: – Дано мне тело... Тело, тело, тело! Как мы относимся к своему телу? Я, к своему телу относилась по-разному. Это зависело от многих вещей. От настроения, от погоды, от моего наряда, от чужого наряда, от не понравившегося или, наоборот, от понравившегося взгляда обращённого ко мне. Были моменты, когда я ненавидела своё тело. Но были моменты, когда я восхищалась им. Много позже, я поняла, что всё зависит от внутреннего состояния, от собственной оценки мира или ещё от чего-то. А чего – чего-то? Может, у меня раздвоена личность? Не думаю. Я вообще справедливо считаю, что я единственная нормальная женщина, единственный нормальный человек, во всём мире. Все остальные же просто... Ладно, прочитав, сами убедитесь, что я права и безгрешна.

Выдержка из дневника.

«Утром, перед школой, смотрелась в большое во весь рост зеркало. До чего же я уродлива. Сама тощая, ножки тонкие, лицо глупое и мысли идиотские. Ненавижу весь

мир. Вот вчера, мальчик со второй парты покрутил пальцем у виска, только за то, что я ему несколько раз улыбнулась. Или я глупа, или он ничего не понимает в силу своего подросткового возраста. Ненавижу себя! Но его ненавижу больше!»

Спустя пару десятилетий:

«Сижу рядом со своим третьим мужем. Вдруг он меня обнял. Как приятно! Но у меня в это самое время нет настроения. Я и напомнила ему о чём-то неприятном, о том, о чём он не любит вспоминать и говорить. Он задумался, отодвинулся от меня. В тот самый момент мне казалось, что если у меня нет настроения, то пусть и у него его не будет, пусть ни у кого его не будет. Скажите женщины, разве я не права? Наверно не все женщины согласятся со мной. Ну и пусть, ну и дуры. Я вижу, как некоторые мужья заискивают и лебезят перед своими жёнами. А мой нет, замыкается в себе, иногда надолго, а потом всё приходит в норму, и он по-прежнему мил и внимателен. Ты уж как-нибудь определись муженёк, а то непоследовательный ты какой-то. Как бы то ни было расслабиться я тебе не дам».

Выдержка:

«Звоню на работу мужу, уже и не помню какому по счёту. Всего их было пятеро, сколько ещё будет – не знаю. Звоню ему и говорю, чтобы по дороге домой купил две буханки хлеба. А он мне, что у нас как раз две буханки и есть. Кретин он и есть кретин. Как будто я не знаю, что у нас есть, а чего нет. Причём здесь это? Я хочу, чтобы он купил эти две буханки и всё тут. Я и высказала ему все свои мысли, наделяя его теми эпитетами, которые он

заслужил. Да! Мне было известно, что после работы он не может, ему надо закончить работу, которая принесёт много денег. Но какое это не имеет отношения к моим желаниям? И что же, отвечает эта лиса? Он мне говорит, что ладно мол, он выкроит несколько минут и выскочит в магазин за хлебом. И, что, мол не надо его золотцу (золотце – это я) беспокоиться, вечером хлеб будет дома. Ну, теперь-то вы поняли, каков негодяй? Он не стал настаивать на том, что у него нет времени, а просто согласился. Убедились в его коварстве? Убедились в его низменных мотивах? Убедились в чудовищности его планов? Почему он согласился? Ясно, как божий день! Его согласие продиктовано только тем, что он хочет меня УНИЗИТЬ! Унизить, как личность! Унизить, как женщину! Хочет доказать мне, что я, как человек, никуда не гожусь. Какая низость? Конечно же, я с ним развелась, предварительно отвоевав у него всё, что можно было. Он отдал всё без сопротивления. Мерзавец, он и есть мерзавец!»

«Мандельштам не знал, что делать «С таким единым и таким моим», а я знаю. Благодаря своему телу, которое я полюбила, мне никогда не приходилось оставаться без мужчины. Женщины, призываю вас – любите себя! Любите себя разных: хороших – противных! Притягательных – отвратительных! Верных – неверных! Любых, любых, любых! А если вы стерва, так, тем более. Представьте себе: сколько мужчин вы поставите в стойло? Действуйте!»

Выдержка:

«Тяжело студентке материально, но страдать не буду. Профессор по кличке «Пузырь» не сводил глаз с моих

бёдер и грудей. Вопрос, «Дано мне тело – **что** мне делать с ним?» был снят с повестки дня, окончательно и бесповоротно. Позже, когда он вдоволь насладился моим молодым телом, он же женил на мне своего непутёвого племянника, с которым я прожила несколько лет. Он был плох тем, что выполнял любые мои прихоти. А какой нормальной женщине интересен такой муж? Тряпка, да и только!»

Выдержка:

«Этот мой муж был полной противоположностью племянника «Пузыря». С ним было интересно. Его неожиданные фокусы с разными тусовками, встречи с известными артистами, очень привлекали меня, но.... Вот опять «но». Его непререкаемость возмущала, мало того, я даже пикнуть, не смела. Когда пыталась пикать, то оплеуха отвешенная им отбрасывала меня в другой конец комнаты. Считаю что это настоящий мужик, много позже я поняла, что только его я и любила. Он считал, что весь мир должен ему завидовать. Тому, что у него красавица жена. Тому, что у него обширные связи. Тому, что красавица жена не смела ни на кого поднять глаз. Тому, что я смотрела на него с обожанием, и готова была идти за ним хоть на край света. Он был щедр на всё и на наряды, и исполнять мои немногочисленные, робкие капризы. Щедро обеспечивал шикарную жизнь, и был особенно щедр на пощёчины, о которых, о которых я забывала после его ночных щедрот. О, с какой тоской я вспоминаю эти бурные, полные непредсказуемости ночи. Я любила его и продолжаю любить сейчас. Мы прожили вместе два года. Он был убит в неравной драке. Тешу себя мыслью, что дрался он,

защищая мою честь».

Выдержка:

«Вспоминаю, как в детском саду с обожанием смотрела на мужа руководительницы заведения. Он был красивым и добрым. Иногда приходя за своей женой, умудрялся немного поиграть с детишками.

Однажды он грозился «отвинтить ушки» тому, кто этого захочет. Я понимала, что дядя шутит, и вышла вперёд. Он, сделал страшные глаза, взял в один кулак одно моё ухо, в другой кулак другое, и давай, вроде бы из-за всех сил крутить их. Все дети, и я в том числе, громко и весело смеялись. Вечером я спросила маму, «где мой папа? Я так хочу жить с папой». Мама зло посмотрела на меня, и отчеканила: «Забудь! Твоего папы для нас нет. Он очень злой и нехороший человек. И все дяденьки такие же, как он. Поняла? Всё!» Беда в том, что ребёнок быстро смиряется со злом и также быстро привыкает к нему. Я тоже сделала свой вывод и продолжаю делать эти выводы всю жизнь».

Выдержка:

«К выпускному классу, я превратилась в красивую девушку. Никаких авторитетов и идеалов я не признавала и не видела. В меня влюбился одноклассник. Я его отшивала всякий раз, когда он только собирался сказать мне что-нибудь, важное для него или помочь мне в чём-то. Однажды решила поставить на нём точку, и решила сделать это по-своему. Я назначила ему свидание, а сама заплатила соседским мальчишкам, чтобы они его проучили. Они и проучили его до того, что он оказался в больнице с двумя переломами. Я никогда не жалею о своих

поступках, и об этом тоже не жалею».

Дальше, в дневнике на новом листочке шли абсолютно не понятные каракули. Потом эти каракули стали похожи на какую-то невиданную кардиограмму, дальше в подобие прямой линии, и где-то в середине листа линия резко прервалась.

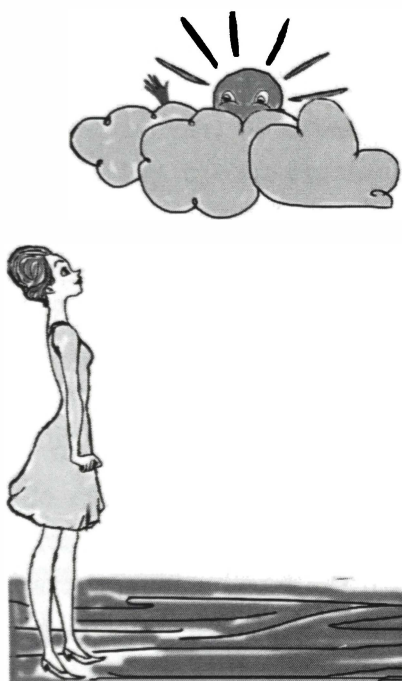

Дневник был найден в доме престарелых в комнате Анны. На газовой плите, в большой сковороде находились кусочки обгоревшей не до конца бумаги. По этим клочкам, было видно, что некоторые листочки дневника Анна пыталась сжечь. Она оставила только те листочки, которые хотела донести до читателя. Сама она сидела в кресле с застывшей на лице маской безгрешности, уверенности в собственной правоте и немного злорадства. Никому не хотелось копаться в чувствах этой прожившей сложную жизнь женщины. Да и некому. Хоронили её за счёт заведения при полном отсутствии родственников или друзей. Их, у неё никогда и не было.

Облачко

Талина Эмануэль

В прошлую субботу сидим вечером с Соломоном, чаёвничаем. Сами знаете, что просто так чай не пьют, при этом, как правило, ведутся сладкие беседы. Ну, и болтаем, о том, о сём. Я, как всегда жалуюсь и на то, и на сё. И так, между прочим, говорю:

— Ну что это за жара такая? Утром иду на работу, ещё нормально, но когда возвращаюсь, просто ужас. Солнце в зените, нигде ни тенька, жарит немилосердно.

Пока доберусь до дому....

Вижу, что он хочет что-то сказать, замолкаю.

— А ты представь себя тургеневской барышней, и пользуйся зонтиком. — Говорит Сол, а в глазах смешинка.

— Ну-у..., — обиженно надуваю губы — ты же знаешь, что в Израиле, это вовсе не популярно. Хочешь, чтобы над твоей женой смеялись?

— Ни за что в жизни не позволю — ответил он смешно, с грузинским акцентом. — Буду для тебя молиться. — И стукнул себя кулаком в грудь.

На следующее утро, отправилась я к своим «мучителям» (это я в шутку). Мои «мучители» — больные,

прикрепленные к нашей поликлинике. Среди них много старых и очень старых людей, дай Бог им здоровья. Каждое слово надо повторять по несколько раз, но у нас есть терпение на каждого - с улыбкой и уважением разьясняем все, что им непонятно. Отработала свой рабочий день, возвращаюсь домой. Иду и чувствую, что-то не то, как-то чересчур комфортно. Да и солнце жарит не так как всегда. Смотрю наверх, и вижу над собой небольшое облачко. Вы не поверите, именно надо мной.

«Вот здорово». – Думаю. А потом – «А что здорово? Вот дойду до того угла, а там и тени то никакой нет».

Иду, а облачко движется за мной. Стоило мне поднять голову, так оно ещё и подмигивало мне, так мне казалось. Так и пришли домой вместе. Хотела рассказать Соломону, но домашние хлопоты не позволили.

В понедельник повторилось то же самое, и не смейтесь, пожалуйста, я бы сама не поверила, если бы это не случилось со мной.

И во вторник облачко сопровождало меня. И в среду. И в четверг. И в пятницу.

Всю неделю ничего дома не рассказывала, не хотела, чтобы подтрунивали надо мной.

В субботу, ближе к вечеру, после вечерней прогулки, сели за традиционное чаепитие. И вдруг Сол говорит мне:

– Ну что, понравилось тебе облачко-маген (щит)? – А у самого лукавинка в глазах.

Я просто обомлела. Я же ему ничего не рассказывала! Откуда он мог об этом узнать? А потом подумала:

«Любящий и любимый тобой человек способен и не на такие чудеса».

И тут возникают вопросы:

А что он придумает на следующей неделе? А в следующем месяце? А в следующем году? А как всё-таки пройдет вся жизнь? А??? Ну что же, проживем - увидим!

Ты помнишь!?

*Завершаю свою книгу, как всегда,
посвящением своей жене Галине.*

«Ты помнишь?» —

Правда, вопрос беспрельдно глупый? Конечно же, ты всё помнишь и скорее всего, помнишь лучше меня. Женщины всегда более романтичны и сентиментальны и поэтому запоминают то, что порой проходит мимо внимания мужчины. И всё-таки мне приятно ещё раз напомнить тебе те прекрасные моменты нашей жизни, что вызывают

у нас обоих умиление и радость. Радость от того, что они были и так крепко связывают нас.

Ты помнишь тот день, когда я впервые пришёл к тебе в аптеку и, увидев тебя, совсем запутался? Вместо эластичного бинта я почему-то попросил несуществующий в природе гигиенический бинт. И когда весь ваш женский персонал смеялся, мне было жутко неловко. Но, к счастью, разобрались, и этот эпизод остался для нас просто смешным эпизодом.

Вспоминаю наше первое свидание, то есть даже не свидание, а просто я взялся проводить тебя домой. Ты сказала: «Только до метро». А я подумал про себя: «Ну,

давай показывай, на что ты способен. Сможешь ли ты заболтать её своими рассказами так, что она, пропустив метро, позволит проводить себя до дома? Если да, ты – молодец, нет - грош тебе цена». Уболтал и проводил до самого дома. Чувствовал себя счастливым, но твоя фраза о том, что завтра у тёти день рождения и мы не сможем встретиться, меня очень огорчила. Я-то сначала подумал, что это просто отговорка, но, к счастью, оказалось, что это действительно так. А ведь это совсем другое дело. Правда ведь?

Ты помнишь мой первый визит к твоему дедушке с бабушкой? Опять спрашиваю, помнишь ли ты? Ну конечно, помнишь! Я впервые переступил порог их дома и тот тёплый приём, который оказали мне твои родственники, я не забуду никогда. Помню, как твой дедушка с большим интересом расспрашивал меня о всякой всячине. Бабушка тем временем приносила из кухни вкусные яства. Твои тети рассматривали меня, как бы оценивая, достоин ли я их племянницы.

После визита к старшему поколению семьи, я был приглашён в дом твоих родителей. И там приём был выше всяких похвал.

А знаешь что? Я ведь всё это уже описал! Вот и приведу всё описание целиком, как говорится, «без купюр».

Моя любовь!!!

Двадцать семь лет. Какой хороший возраст! Позади армия, гастроли, учёба, позади много хорошего, и не всегда очень весёлого. О «не очень весёлом» вспоминать не буду. Значит, вернулся я домой, после всего перечисленного, а мама, любимый мой человек, светлая ей память, часто стала говорить, что сыночку пора бы уже и определиться. Сыночек, естественно, проявляя беспечность, думает об этом не более нескольких секунд. Уже и тётюшки начинают в этом плане наседать, предлагая разные варианты развития событий. Все это вызывает у меня усмешку, потому что не вижу, в таком роде знакомств ни перспективы, ни драйва, ни романтики, ни вообще ничего интересного. Другое дело, увидел ЕЁ где-то, например, как там, у Пушкина «Средь шумного бала, случайно». Впрочем, не важно где, и остановился как вкопанный, поражённый молнией любви. Хорошие ведь слова, жаль не мои. Приводили меня в бешенство доводы вроде: у неё семья хорошая (как вариант, знатная). – Да не собираюсь я жениться на семье! – восклицал я, злясь на всех за непонятливость.

Когда допекли окончательно, решил пойти на хитрость. Соглашаюсь пойти посмотреть на кандидатку. Ну, думаю, я вам устрою свадьбу. Посмотрю и скажу – не нравится, хотите – режьте, хотите – убивайте. Сказано – сделано, спрашиваю; кто да что? Тётя Соня, которая много и во всём мне помогала, сказала, что девочка эта работает в аптеке. Рассказала, где эта аптека находится, что зовут девушку Галина, и для оправдания моего посещения

аптеки, заказала купить там эластичный бинт. Я и отправился на метро в эту аптеку. Вхожу, народу мало, стоит девушка за прилавком, у меня в душе, ничего не возражает, – спрашиваю: а можете позвать сюда Галину? – Одну минутку, был ответ. Выходит Галина, я чувствую – онемел.

– Вы что-то хотели? – Спрашивает она, видя во мне не более чем обычного покупателя.

Помню, что надо что-то купить, а что именно вылетело из головы, начисто. Пытаюсь сообразить, а ни мозги, и ни язык, не подчиняются мне. Пауза затягивается, надо сказать что-нибудь, вот и выдаю:

– У в-вас г-гигиенический б-бинт есть? – Заикаясь, произношу я.

Галина прыснула от смеха и скрылась внутри. Через некоторое время она вернулась и положила на прилавок гигиенический пакет. После этого снова скрылась. Я стоял весь пунцовый, не соображая ничего, готовый от стыда провалиться сквозь землю. Тут, на моё счастье, снова появилась Светлана (так звали первую девушку), и с понимающей улыбкой говорит:

– Вы, наверно, имеете в виду эластичный бинт?

– Да, да, но позовите Галину!

Галя принесла бинт. В глазах ее я прочитал любопытство, и, похоже, некоторое одобрение. Я знал, что банальным вопросом «Что вы делаете сегодня вечером?» испорчу всё, и больше не смогу к ней даже подойти. Быстро везу этот бинт (спасибо ему) тётке Соне. Она понимает, что пока не позвонит к родителям Гали, и не получит у них разрешение на

свидание, я не отцеплюсь. Тётя Соня, конечно же, позвонила Галиным родителям и обо всём рассказала. К счастью всё сложилось как нельзя лучше. На следующий вечер, к семи часам, я как штык стоял у аптеки. Вот оно – первое свидание. По-моему, таким болтливым я не был никогда. Я говорил и говорил, рассказывал о гастролях, о товарищах, о любимых книгах, фильмах, музыке. Впрочем, о чём только я не говорил.

Галя оказалась весьма благодарным слушателем. Мы и не заметили, как добрались до Галиного дома пешком, хотя собирались пройти всего лишь до метро. Потом обручение, потом свадьба, даже две, (одна свадьба организуется стороной жениха, а другая стороной невесты) и вот наш стаж совместной жизни равен нескольким десяткам лет. Милая, дорогая, любимая Галя – как же сильно я люблю тебя, родная моя!

На этом рассказ завершается, но непременно хочу кое-что добавить.

С тех пор прошло много лет, и, к счастью, ничего в наших отношениях не изменилось. Некоторые моменты вспоминаются с улыбкой, некоторые – с радостью, к ним относятся и наша свадьба, и рождения детей, и дни рождения близких нам людей. Семейные поездки тоже

оставили массу приятных впечатлений. Были и грустные моменты в нашей жизни. О них мы вспоминать не будем. Наш с тобой оптимизм всегда выручал нашу семью в самые тяжёлые моменты нашей совместной жизни.

А ещё я очень тебе благодарен! За многое, многое.

За то, что ты есть!

За то, что ты моя!

За то, что мы вместе!

За то, что у нас хорошие дети!

За то, что ты добрая и сердечная!

За то, что для тебя семья – это самое важное!

Этих «за то» наберётся такое количество, что ни в одной книге им не хватит места.

Галочка! Да будет всегда свет в нашем доме!

И пусть Бог не оставит нас никогда!

Рассказы на иврите

Перевод: Иосеф Берелехис

Котёнок

Прохожу я как-то мимо одного из окон нашего завода и, как говорится, никого не трогаю. Вижу через большое окно: подъезжает на автокаре, с грузом, наш Костя, ответственный за доставку, и медленно, не спеша, собирается опустить этот самый груз. Мгновенно возникает идея, не осуществить которую – большой грех.

Чуть-чуть приоткрываю окно, чтобы ему было лучше слышно и, в тот самый момент, когда он почти опустил груз, я громко мяукнул. Да не просто мяукнул, а очень жалобно и тоскливо, этак удивленно-возмущенно, и в то же время осуждающе-предсмертно, слог «мя» громко, а «у-у» – как бы уже с того света. Костя, этот сибиряк с железными мышцами, не оставляющий никаких шансов Валуеву, прекратил все действия мгновенно. У него была одна слабость – он любил кошек, и я об этом знал. Костя взвёл глаза к небу, видимо, моля о чём-то Господа, при этом багрово-пурпурная краска залила его лицо, начиная с горла и до самого лба. Затем краска стала бледнеть, лицо бедного Костя стало похоже на восковую маску и приобрело плаксивое выражение. Он медленно спустился из автокара, лег на землю, стал заглядывать под каждое колесо по несколько раз. Причитал: «ну, где же ты, мой родной, появишься, кисонька моя, неужели ты хочешь, чтобы я повесился?...».

Всё, примерно, в этом духе. Как правило, человека подводит любопытство. Я, чтобы лучше его рассмотреть, чуть всунул в окно, и... о, горе мне! Костя меня заметил. К моему сожалению, у меня не хватит слов описать ту гамму чувств, которые отразились на его лице. Я даже не успел осознать, какие действия предпринять, как ноги сами сделали своё дело, и я бросился бежать. Небольшая

справка: мне седьмой десяток, ему тридцать три года, он спортсмен, а я, увы, нет. Но у меня было одно преимущество – я очень чётко представлял последствия. Пока Костя пролезал в окно, я успел отбежать, нет, отлететь на приличное расстояние. В этот момент я сожалел только об одном, что не было рядом представителя издательства Рекордов Гинесса. По дороге встречались препятствия в виде коробок, груд картона, встречаемых людей – всё преодолевалось с поразительной легкостью. Честно говоря, подобной прыти я давно не проявлял. Таким образом, мне удалось добежать до северных ворот, а кросс начался со стороны южных. Добежав до мастерских, я юркнул в один из инструментальных шкафов. О моём тайнике знал только складчик Моше. Он меня и спас, показав Косте неверное направление.

В этот день, к счастью, Костя меня так и не нашел, но на следующий день он пришёл извиняться – за то, что заставил бегать немолодого человека. Ну, а я, конечно, великодушно его простил, только выговорил ему: «И что это за манера гоняться за людьми? А?».

חתלתול

יום בהיר אחד הסתובבתי בשטח של מפעלנו, וכמו שאומרים לא הפרעתי לאיש. בהיותי עובר ליד אחד החלונות הבחנתי בקוסטיה, אחראי המשלוחים שלנו, שבדיוק בזמן זה עבר עם המלגזה. ראיתי שבדיוק ברגע זה הוא התכוון להוריד מטען, שהיה מונח על שיני המלגזה, כהרגלו בזהירות, וללא חופזה. לפתע עלה לראשי רעיון זדוני אחד...

פתחתי טיפה את החלון, כדי שהוא יוכל לשמוע אותי היטב, וברגע שהבחור כמעט והניח את המטען על הרצפה השמעתי קול חזק של

חתול. אל לכם לחשוב שמדובר היה ב- "מיאו" מן השורה, אותו אתם שומעים מחתולים הרגילים, כלל וכלל לא. זה היה "מיאו", שספג בתוכו את כל המרידות, העצב, הפליאה וההתמרמרות של המין החתולי מכל הדורות, "מיאו" המגנה, על סף המוות, כאשר ההבהרה הראשונה - "מי" - השמעתני בקול רם וצוהל, ואילו ההבהרה השנייה "או" הושמעה כאילו היא באה כבר מהעולם הבא. קוסטיה, אולי אתם לא מכירים אותו, בחור רוסי חזק, שעלה מסיביר, בעל שרירי ברזל, שלא משאירים אף סיכוי לשוורצנגר ודומים לו. בחור זה נעמד בתדהמה... ידעתי שיש לו חולשה לחתולים. קוסטיה הסתכל השמימה, נשא את תפילתו לאלוהים, פניו הסמיקו והפכו לאדום-ארגמן, החל מהצוואר ועד המצח. אחרי זה הוא החוויר וצבע עורו הפך ללבן, פניו נהיו מסכת שעווה, דמעות עמדו בעיניו. הוא ירד מהמלגזה באיטיות, נשכב על הרצפה והתחיל בחיפושיו אחרי החתול המסכן. בדק מתחת לכל אחד מגלגלי המלגזה מספר פעמים ובעיון רב. במקביל שמעתי את קולו הבוכה: "איפה אתה, יקירי, הראה לי את עצמך, החתלתול החמוד שלי, אינך רוצה במותי..." ועוד כיוצא בזה. כידוע, הסקרנות היא הדבר שתמיד הורס את הכול. הכנסתי את ראשי דרך החלון, כדי לראות טוב יותר את כל המתרחש... ואוי ואבוי לי... קוסטיה הבחין בי. לצערי, אין בפי מספיק מילים כדי לתאר את מגוון הרגשות, שחלפו על פניו של קוסטיה. לפני שהתת-מודע שלי הספיק לעכל את הסיטואציה, הרגליים כבר הגיעו להחלטה ברורה וחד-משמעית - התחלתי לברוח כמו מטורף. הערה קטנה: אני בן אדם בשנות השבעים לחיי, ואילו קוסטיה הוא בחור צעיר בן שלושים ושלוש, ספורטאי מצטיין, להבדיל ממני. יחד עם זאת, במרדף הזה לי היה יתרון ברור אחד: ידעתי במדויק מהם ההשלכות של מעשי עבורי. להגיד בכנות, מזמן כבר לא רצתי כל כך מהר. בזמן שקוסטיה טיפס דרך החלון, הספקתי לעבור בריצה, ליתר דיוק, בטיסה, מרחק לא קטן. במהלך הספרינט שלי הצטערתי רק על דבר אחד: שאין לידי נציג של ספר שיאי הגינס, שיוכל לקבוע את שיא העולם החדש בריצה. בדרך פגשתי מכשולים רבים בצורה של קופסאות, ערימות של קרטון ועובדי המפעל - את כולם עברתי בקלות וללא הפרעות. יד על הלב, מזמן לא הייתי כה זריז. בקצב המסחרר זה עברתי מהשער הצפוני של המפעל לשערו הדרומי. כאשר הגעתי לבית המלאכה, קפצתי לתוך אחד הארונות, המיועדים לאחסון כלי העבודה. מקום המסתור שלי היה ידוע רק למחסנאי משה, והוא היה זה שהציל אותי מכעסו של קוסטיה בכך, שהטעה אותו והראה לו את הכיוון השגוי. באותו היום, למזלי הרב, קוסטיה לא תפס אותי. למחרת הבחור בא אלי וביקש סליחה על כך, שהריץ את האדם בגילי. אני, כמובן, ברוחב ליבי, סלחתי לו, ורק נזפתו בבחור קלות, כאשר אמרתי לו בחיוך האבהי: "מי לימד אותך לרדוף אחרי אנשים מבוגרים? תתבייש לך, לא יפה".

Осторожнее с жестами

На нашем заводе, из-за шума, вообще невозможно обойтись без жестов. Например, надо подвезти какой-либо машине сырье, а докричаться до автокарщика просто невозможно. Вот мы и придумали систему жестов, понятную всем нам.

К примеру, есть такие специальные платы, которые называются «ножки». Ну и вот, проезжает мимо автокар, я показываю жестом на свои ноги, количество пальцами, и в завершение – направление рукой.

Водителю всё понятно, он привозит эти платы, и мне не надо надрываться и кричать. А если он моих ног не видит, то я делаю жест базарных торговков, то есть, якобы поправляю груди, между которыми они обычно прячут деньги. В данном случае «груди» – это «ножки». Сначала все смеялись, а потом привыкли, и всё выглядело довольно естественно.

Как-то приехали к нам предприниматели из России. Пять человек: руководитель с женой, и ещё три деятеля. Показываю я им производство, рассказываю о продукции. Мне без разницы, что по-русски говорить, что на иврите. Но по-русски, в данном случае, всё-таки лучше, и, зная наш менталитет, я вставлял специально для гостей шуточки, и даже анекдоты.

Всё шло гладко, гости были чрезвычайно довольны увиденным, и, надеюсь, рассказчиком тоже.

Через некоторое время мужики пошли рассматривать разные механизмы, а Светлане, жене руководителя, не очень хотелось смотреть на механику, и она осталась рядом со мной. Мы говорили на разные темы, чему-то смеялись, короче, было нескучно. Но работа есть работа.

Видю проезжающего автокарщика, и автоматически

«поправляю груди», показываю пальцами «два», и жестом направление, как раз в сторону Светы. Она остолбенела. Вся раскраснелась и, возмущенная, покрутила пальцем у виска: «Я вижу, у вас, у мужиков одно на уме!», – сказала она.

– Что на уме? – не понимаю я, а она уже бежит к мужу. Вскоре они ушли, но почему-то не попрощались со мной.

А я подумал: «Неизвестно еще, у кого «одно на уме» – у мужчин, или у женщин...».

זהירות עם שפת הסימנים

במפעלנו בגלל הרעש הגדול של המכונות בלתי אפשר לעבוד ללא שפת הסימנים. למשל, אם יש צורך להביא חומר גלם למכונה כלשהי בגלל הרעש מלגזנים לא יכולים לשמוע אותך, אפילו אם תצרח. מסיבה זו המצאנו לעצמנו סימנים מוסכמים, שברורים לכל העובדים. במפעלנו יש סוג המשטחים, שאנחנו קוראים להם בשם "הרגליים". אם ברצוני לבקש ממלגזן להביא משטחים אני מצביע על רגליי, מראה את הכמות הנדרשת של המשטחים באמצעות האצבעות ומצביע לכיוון של אותה המכונה, לשם נדרש להביא אותם. מצד אחד, מלגזן מבין את בקשתי, ומצד שני, אנחנו לא צריכים להתאמץ ולצרוח כמו מטורפים. במידה וחפץ כלשהו מסתיר את הרגליים שלי, ישנה אופציה אחרת: אני בדומה לסוחרות בשוק הרוסי, שמרימות את השדיים כדי לסדר חזייה עם המזומנים המוחבאים בתוכה, עושה את התנועה של "הרמת הציצים". לצורך זה הרגליים והשדיים זה אותו הדבר. בהתחלה התפוצצנו מצחוק מכל הסיפור הזה, אבל עם הזמן התרגלנו, ועכשיו

התנועות שתיארתי דבר רגיל שלא מרגש את אף אחד. יום מן הימים הגיע למפעלנו איש עסקים מרוסיה. ליתר דיוק, משלחת בת חמישה אנשים: הבוס, בכבודו ובעצמו, בליווי רעייתו ועוד שלושה נציגים. אני עשיתי להם סיור במפעלנו, הסברתי לגבי התוצרת שלנו. לי אישית אין הבדל, באיזו שפה לדבר, בעברית או ברוסית. אבל, כמובן, דברתי איתם ברוסית, אני גם מכיר את המנטאליות שלהם, הכנסתי בתוך ההסבר פה ושם סיפורים ובדיחות. הכול עבר חלק, האורחים היו מאוד מרוצים מהמפעל, וכולי תקווה שגם מהמדריך. עבר זמן מה והגברים הלכו לראות מכונה כלשהי, ואילו סבטלנה, אשתו של הבוס, לא אהבה את הרעיון ונשארה לידי. שוחחנו בנושאים שונים, צחקנו, היה נחמד. אבל עבודה זו עבודה.

ראיתי מלגזן, שעבר לידי, וכבר באופן אוטומטית עשיתי את התנועה של "הרמת הציצים", הצבעתי באצבעות מספר שתיים, וכיוונתי אותו למכונה, שעמדה לידה סבטלנה. הבחורה כנראה לה הבינה במה מדובר, נדהמה, הסמיקה, סיבבה את האצבע ליד הראש ואמרה לי בכעס גדול: "אתם, הגברים, כולם אותו דבר, יש לכם רק דבר אחד בראש!"

- איזה דבר? על מה את מדברת? – נבהלתי אני, אבל היא לא השיבה לי ורצה לבעלה. לאחר זמן קצר הם עזבו, ולא אמרו לי שלום. ואילו אני חשבתי לעצמי: "עוד לא ברור, למי הוא 'הדבר האחד הזה' יושב חזק בראש - לגברים או דווקא לנשים..."

Хваленая медицина

– Как вы нам надоели, а? Ну, сколько можно? Я же вам говорю, с таким букетом болезней, который у вас есть, долго не живут! А вы всё ходите и ходите. Зря время отнимаете, у себя и у других больных. – Раздражённо выговаривала врач Евдокия Ивановна.

– Но... я, же все ваши рекомендации выполняю. И лекарства принимаю вовремя, и хожу много. Что же мне делать, умереть, что ли?

– Юлия Абрамовна, вам, что, нравится издеваться над нашей бесплатной медициной? А знаете что? Ехали бы вы в свой Израиль, к своим хваленым врачам. – Усмехнувшись, она добавила: – вложите в свою стенку плача записку, авось поможет.

Юлия Абрамовна открыла рот, чтобы вставить своё слово, но, не тут-то было.

– Ну, всё, всё, идите, дайте заняться нормальными больными.

– Хорошо, извините меня, Евдокия Ивановна. Я, наверно, воспользуюсь вашим советом, и уеду в Израиль. Кто знает, может, действительно, там помогут.

Евдокия Ивановна даже поперхнулась от смеха:

– Давайте, давайте, но, для начала не мешало бы долететь до Израйля.

Настроение у доктора явно поднялось. Проводив взглядом пациентку, Евдокия Ивановна позвонила в регистратуру.

– Катюша, умрёшь со смеху. Ты представляешь, наша Цоценцукер собирается в Израиль, и надеется там вылечиться.

– Да вы что? Вот смеху - то! Секунду... Вот она идёт. – И громче: – Юлия Абрамовна, счастливого исцеления вам. Не забудьте телеграмму прислать.

Выйдя из поликлиники, Юлия Абрамовна медленно шла по направлению к дому. Разные мысли роились в её голове. Она пыталась представить себе, что бы сказал её покойный муж по поводу решения репатриироваться. Давид Семёнович Цоценцукер был замечательным человеком, эрудит и балагур, и житейские проблемы решал с лёгкостью. Погиб он крайне нелепо. В давке, после футбольного матча, не выдержало сердце, даже молодость не помогла. Единственную дочь Юлия Абрамовна растила одна. Всегда хотела воспитать её в лучших традициях советского образа жизни. С самого детства читала ей стихи детских писателей, книжки о патриотизме, и прочие, соответственные тому времени, литературные произведения. Но, как говорится, «не в коня корм». Настя росла непослушным ребёнком, очень скоро позабыв всех

литературных классиков, связалась с компанией молодых оболтусов, увлекавшихся мелкими кражами и аферами. Но ей повезло, не успев натворить глупостей, выскочила замуж за Васю Воробьёва.

Вася относился к теще высокомерно, и ещё любил её подкалывать.

– Ты, дорогая тёща, какая-то неправильная еврейка, у всех евреев полно денег, золота, а у тебя дырка от бублика.

Тёща только отмахивалась, она вообще не умела обижаться, и это сохранило ей много нервных клеток. Дочь Настя всегда была на стороне мужа, и все её интересы сводились к Васе. Однажды Вася сказал:

– Смотри, тёща, все родители помогают своим детям, а твоей пенсии не хватает даже тебе самой. Ехала бы ты в Израиль, и помогала бы нам с Настей и своей внучке.

Сейчас, вспомнив эти слова, Юлия Абрамовна подумала: «А что, и поеду, и не умирать, а лечиться». Природный оптимизм частенько выручал её в жизни.

Вернувшись домой, Юлия Абрамовна поделилась с домочадцами своими планами. Дочь отнеслась к этому равнодушно, а Вася аж обнял тещу.

– Ну, ты даёшь, тёща. Ты только представь, пальмы, ананасы, бананы, солнце круглый год. Вот это житуха!

Начались хлопоты по оформлению документов, подготовка к отъезду. Время пролетело быстро. Вот и день отлёта. Перед прощанием, Вася, отозвав Настю в сторонку, сказал:

– Ты уж попрощайся, как следует, кто знает, придётся ли увидеться когда-нибудь ещё. Неплохой она человек.

Самым трудным для Юлии Абрамовны было прощание с внучкой, она только начала лопотать, и всё время плакала: «Бабуя, бабуя».

В аэропорту всё было в новинку. Юлия Абрамовна никогда и никуда еще не летала, но всегда есть «первый

раз». В полёте тоже всё казалось удивительным. Эти стюардессы – совсем молодые девочки. И некоторые даже говорят по-русски... и еда, и телевизор перед каждым пассажиром. Короче, есть от чего закружиться голове.

В Израиле Юлие Абрамовне повезло. Почти сразу получила комнату в хостеле. Это говорится – комната, а на самом деле, это мини-квартира, с кухонькой, туалетом, и душевой. Назначили социальное пособие, прикрепили к поликлинике, в которой лечение началось почти сразу. Перед лечением провели все проверки, определили точный диагноз, начали физиотерапию. Довольно часто в хостель приезжали артисты, устраивали концерты, пели вместе с пенсионерами. Иногда желающих приглашали на экскурсии. В общем, скучать не приходилось, и даже болячки стали отходить куда-то далеко.

Прошло семь лет. За эти годы удалось скопить немного денег, поправить здоровье. Юлии Абрамовне не раз говорили, что она хорошо выглядит. Забывать о своих болячках она стала уже через год после репатриации. Появилось желание одеваться по-другому, не забывала о макияже. Летом всегда ходила на пляж, благо, совсем рядом. И вообще, её внутреннее состояние улучшилось, всё было в радость. Исправились осанка, ходить она стала уверенно, а не, как раньше, ковыляя на отёкших ногах.

Мысли о том, что неплохо бы навестить своих близких в Москве, всё чаще посещали Юлию Абрамовну. Решившись, стала приобретать подарки родным. Накупила много разных сладостей, причём, самых диковинных, включая арабскую «пакляува» и халву. Все эти годы она названивала домой, и теперь позвонила и предупредила о своём приезде.

Встретили Юлию Абрамовну очень радушно, все были несказанно рады. Подарки приняли с удовольствием. Видно было, что скучали. Подростая внучка не отходила

от бабули. Настя призналась, что ей очень не хватало маминого присутствия. Даже Вася разговаривал с почтением, иногда срываясь на «вы». Как-то Юлия Абрамовна решила навестить свою поликлинику. Набрала привезённых сладостей, и отправилась туда с самыми добрыми намерениями.

Вот и регистратура, никто не обратил внимания на вошедшую пенсионерку. Прошла по коридору к кабинету врача.

В это время дверь распахнулась, и Евдокия Ивановна, собственной персоной, предстала перед Юлией Абрамовной.

– Здравствуйте, Евдокия Ивановна, а я к вам.

– Во-первых, приём окончен, а во-вторых, на приём надо записываться.

– Неужели я так изменилась, что вы меня не узнаете? Ну, посмотрите внимательно.

– Да некогда мне тут с вами... – сердито сказала Евдокия Ивановна, но осеклась. – Это вы, вы... неужели, не может быть...

– Всё правильно, это я. Приехала навестить вас, да и гостинцев принесла.

– Ой, да вы покрасивели, что ли? Идёмте в кабинет. – И, уже в дверях, крикнула: – Катя, Катюша, быстро иди сюда! Обалдеешь!

Вопросы, вопросы, удивление, немного недоверие. Неужели может быть всё так хорошо? Ведь в газетах пишут совсем другое.

– Ну, неужели так всё замечательно? Это рай какой-то, – всё поражалась Катя.

– А вкусы какие, ну, вы молодцы. Да, евреи всегда знали, как надо жить. – Подытожила Евдокия Ивановна.

– Теперь у меня одна мечта, уговорить своих переехать в Израиль, – сказала Юлия Абрамовна.

Поболтав с полчаса, женщины тепло распрощались. Юлия Абрамовна шла домой с лёгким сердцем. «Хорошие они люди», – думала она.

– Что тебе сказать, Катенька? Среди евреев тоже встречаются хорошие люди.

הרפואה המהוללת

- כמה שאת נמאסת עלי, אין לי מילים. כמה אשפר? אמרתי לך מאה פעם, שעם אוסף כזה של המחלות לא נותר לך הרבה זמן לחיות! ואת ממשיכה לבוא שוב ושוב. את סתם מבזבזת את זמנך וזמן של שאר החולים. – כך בכעסנות הפצירה יבדוקיה איוונובנה בפציינטית הלא צייתנית שלה.

- אבל... אני עושה הכול מה שאת אומרת לי. נוטלת את התרופות בזמן, הולכת הרבה ברגל. מה עלי לעשות? אולי למות?

- יוליה אברמובנה, את כנראה נהנית להתעלל במערך הרפואי שלנו, אותו את מקבלת ללא כל תשלום. את יודעת מה? אולי תעזבי אותנו כבר לנפשנו ותעופי לישראל שלך, לרופאים המהוללים שלכם – גיחכה הרופאה, - שימי שם פתק בכותל המערב, אולי זה יעזור. יוליה אברמובנה ניסתה להשיב לרופאה, אך ללא הצלחה.

- זהו, זהו, תלכי כבר, תני לי להתעסק בפציינטים הנורמאליים. טוב, סלחי לי, בבקשה, יבדוקיה איוונובנה. אני, ככל הנראה אשמע להצעתך ואטוס לישראל. מי יודע, אולי שם באמת יעזרו לי. יבדוקיה איוונובנה כמעט נחנקה מצחוק:

- קדימה, אבל בתור התחלה לא יזיק לך לפחות להגיע לשם בשלום. מצב רוח של הרופאה השתפר בצורה ניכרת. לאחר שעקבה במבטה אחרי הפציינטית וראתה שהיא עזבה את החדר, היא התקשרה למשרד הקבלה.

- קטיושה, תמותי מצחוק. רק דמייני לעצמך, צוצנצוקר שלנו מתכוונת לעזוב לישראל, היא חושבת ששם היא תבריא.

- מה את אומרת? איזה קטע! רגע... הנה היא באה. – הפקידה פנתה

ליוליה אברמובנה בקול רם: - יוליה אברמובנה, רפואה שלמה, אל תשכחי בהגעתך לישראל לשלוח לנו מברק.

לאחר שיוליה אברמובנה יצאה מקופת החולים היא דשדשה לכיוון הבית. מחשבות רבות עברו בראשה. היא ניסתה לדמיין, כיצד בעלה המנוח היה מגיב להחלטתה. דויד סמינוביץ' צוצנצוקר היה בן אדם נפלא: חכם, שנון, שמח ומצחיק. מכל הצרות של החיים תמיד היה יוצא בשלום. מותו היה מוות מטופש. הסיבה למותו הייתה צפיפות הקהל, ביציאה מאצטדיון לאחר משחק כדורגל. למרות גילו הצעיר, הלב הפסיק לעבוד... את בתם היחידה יוליה אברמובנה גידלה לבד. היא תמיד ניסתה לחנך אותה בהתאם לערכים הסובייטים. כשבת הייתה קטנה קראה לה ספרים של סופרי ילדים סובייטים, ספרים על פטריוטיות, אהבה למולדת, וכיוצא בזה. אבל כמו שאומרים, "קשה לשמוע – מהר לאבד". נסטיה לא הייתה צייתנית וממושמעת במיוחד, מהר מאוד שכחה מכל הקלסיקונים של הספרות, הסתובבה לה עם חבורת החוליגנים, שעסקו במעשי קונדס, גניבות קטנות ומעשי תרמית. התמזל מזלה ולפני שעשתה את השטויות של חיה התחתנה עם בחור רוסי בשם וואסיה וורובייב.

וואסיה התייחס לחמתו בהתנשאות, זלזל בה, אהב להקניט: - את, חמתי היקרה, יהודיה לא טיפוסית. ליהודים תמיד יש מלא כסף, זהב, ומה יש לך? כמו שאתם אומרים, גורנישט מין גורנישט. יוליה אברמובנה לא הייתה נעלבת, היא בכלל לא ידע להיעלב, וזאת הייתה התכונה שתמיד הצילה אותה. בתה נסטיה תמיד הייתה בצד בעלה, דואגת אך ורק לוואסיה שלה. יום אחד הוא אמר: - תראי, חמתי, כל ההורים עוזרים לילדיהם, ואילו את עם הפנסיה המסכנה שלך, בקושי מכלכלת את עצמך. אולי סעי לישראל ותתחילי לעזור לי, לנסטיה ולנכדתך.

עכשיו, כאשר יוליה אברמובנה נזכרה במילים של חתנה, היא הגיע להחלטה הסופית: "מה יש, אסע, אסע לחיים, לא למוות". תמיד שר בתוכה רוח האופטימיות הטבעית, אופטימיות, שהעניקה לה כוח לחיות.

בחזרתה הביתה יוליה אברמובנה גילתה לקרובים את תוכניתה. הבת הגיבה באדישות לדברי האם, ואילו וואסיה שמח עד השמים, ואף חיבק את חמתו:

- כל הכבוד, גברתי. רק דמייני לעצמך: עצי דקל, אננסים, בננות, שמש כל השנה. איזה כיף של חיים!

התחיל התהליך של אסיפת המסמכים הדרושים לעליה: הכנות, ריצות. הזמן עבר מהר. והנה כבר יום הטיסה. לפני הפרידה, וואסיה לקח את אשתו הצידה ואמר לה בשקט:

- היפרדי ממנה יפה. מי יודע, אולי זאת הפעם האחרונה שאתן רואות זו את זו. היא אישה טובה.

הדבר הקשה ביותר עבור יוליה אברמובנה היה להיפרד מנכדתה, שרק התחילה למלמל. הילדה כל הזמן בכתה: "בבושקה, בבושקה". בשדה התעופה הכול היה חדש עבור יוליה אברמובנה. היא בחיים לא טסה לשום מקום, אבל, כמו שאומרים, "תמיד יש את הפעם הראשונה". בטיסה כל דבר הפליא אותה: הדיילות הצעירות, שבחלקן דיברו רוסית... האוכל, הטלויזיה מול כל נוסע. בקיצור, היה ממה להתלהב.

בישראל המזל שיחק לה. היא תוך זמן קצר קיבלה חדר בהוסטל. חדר... רק קוראים לזה חדר, בעצם זו דירה קטנה עם מטבחון, שירותים וחדר אמבטיה. יוליה אברמובנה התחילה לקבל קצבת הביטוח הלאומי, נרשמה לקופת חולים. הטיפולים התחילו מייד בתום סדרת האבחונים, שהיו קפדניים ומדויקים מאוד. היא התחילה בטיפול פיזיותרפי.

לעתים תכופות בהוסטל ביקרו אומנים, היו הופעות, ערבי שירה בציבור. מי שהיה מעוניין נסע לטיולים. בקיצור, משעמם לא היה. גם המחלות לאט-לאט התחילו להתפוגג. עברו שבע שנים. בתקופה זו יוליה אברמובנה שיפרה בצורה ניכרת את מצב בריאותה, חסכה קצת כסף. לא פעם ולא פעמיים אמרו לה שהיא נראית ממש טוב. היא התחילה לשכוח מהמחלות כבר בשנה השנייה של עלייתה לישראל, התחילה להתלבש אחרת, שוב, כמו לפני הרבה שנים, התחילה להשתמש באיפור. בקיץ תמיד הלכה לים – למזלה הוא היה במרחק ההליכה מההוסטל. ובאופן כללי, מצבה השתפר מכל הבחינות, ורוח של שמחה שרר בחייה. היציבה גם התחילה לגלות סימני שיפור, ההליכה הפכה לבטוחה יותר והיא כבר לא גררה את רגליה הבצקתיות כמו פעם.

חלומה היה לבקר את קרובי המשפחה במוסקבה. עם הזמן החלום הלך והתחזק. בסופו של דבר היא החליטה לעשות זאת, ופתחה במסע הקניות של מתנות ליקיריה. קנתה הרבה דברי מתיקה מזרחיים, ובתוכם חלווה ובקלאווה. במשך כל התקופה של שהותה בישראל היא שמרה על הקשר הטלפוני עם המשפחה, לפני הטיסה התקשרה כדי להודיע על ביקורה.

הקרובים פגשו את יוליה אברמובנה בהתלהבות, כולם שמחו לראות אותה. שמחו גם למתנות. היה ברור שהתגעגעו אליה מאוד. נכדתה, שגדלה מאוד, לא עזבה את הסבתא אף לרגע אחד. נסטיה סיפרה לה, שאימא הייתה חסרה לה מאוד. אפילו וואסיה דיבר איתה בכבוד,

מספר פעמים אף פנה אליה "גברתי". באחד הימים של ביקורה היא החליטה לקבר בקופת החולים. לקחה איתה ממתקים שהביאה מהארץ, והלכה לשם עם כוונות טהורות בלבד.

הנה הוא משרד הקבלה, מאז הפעם האחרונה הוא לא השתנה כלל. איש לא שם לב על הפנטסיונרית הצנועה שנכנסה למבנה. היא עברה בפרוזדור לכיוון חדרי הרופאים. הדלת של החדר נפתחה, והופיעה מול עיניה יבדוקיה איונובנה, בכבודה ובעצמה.

- שלום לך, יבדוקיה איונובנה, באתי לבקר אותך

- אלף כול, זמן קבלת הקהל הסתיים, ודבר שני עליך להירשם לפני שאת באה אלי.

- אני לא מאמינה, מה, השתניתי עד כדי כך, שאת אפילו לא מזהה אותי? תסתכלי עלי היטב.

- אין לי זמן לכל השטויות שלכם... – אמרה יבדוקיה איונובנה ברגזנות, ולפתע נעצרה. – זאת את, את... זה לא יכול להיות. אני לא מאמינה

- נכון, זאת אני. באתי לבקר אתכם, הבאתי מתנות.

- איזו יפה נהיית. כנסי לחדר. – וכבר בדלת הרופאה צעקה: "קטיה, קטיושה, בואי לכאן מהר! את תשתגע ממראה עיניך!"

שאלות, שאלות ושוב שאלות, פליאה, חוסר אימון קל. האם באמת הכול כל כך טוב? הרי בעיתונים כותבים משהו הפוך לגמרי.

- זה פשוט בלתי יאומן. גן עדן עלי האדמות, - נדהמה כל פעם מחדש קטיה מסיפוריה של יוליה אברמובנה

- ואיזה ממתקים טעימים, כל הכבוד לכם. אתם, היהודים, תמיד ידעתם לחיות טוב. – סיכמה בסוף המפגש יבדוקיה איונובנה.

- עכשיו יש לי רק חלום אחד, - אמרה יוליה אברמובנה, - לשכנע את הקרובים לעלות ארצה.

לאחר מפגש בן חצי שעה הנשים נפרדו בחום. יוליה אברמובנה הלכה הביתה בהרגשה טובה. "איזה אנשים נפלאים הם", - חשבה היא לעצמה.

- נו, מה אני אגיד לך, קטינקה. גם בין היהודים תמצא לפעמים בן אדם טוב.

Оглавление
Часть первая
Очень просто!

1. Предисловие. Жизнь прекрасна.	5
2. Нечаянное счастье.	11
3. Быть холостяком – опасно!!!	17
4. Абрам и Натан.	25
5. Наши ребята (с продолжением).	37
6. И снова наши ребята.	55
7. Гул базары.	76
8. Мечты сбываются.	80
9. Ну, нельзя же так!!!	83
10. Влюблённый Рафик.	89
11. стакан воды.	93
12. Сосед по лестничной площадке.	99
13. Налей шампанское и загадай желание!	102
14. Кошмарный сон Ниджадыча.	114
15. Собрание II.	120
16. Как я стал заикой.	127
17. О чём хотелось бы забыть.	134
18. Первая любовь.	138
19. Признание и раскаяние авантюриста.	142
20. Золотая рыбка.	150
21. В очереди.	158
22. Исцеление любовью.	162
23. Скоротаем вечерок.	165
24. Чудо избавления.	172
25. Как я сегодня устал.	176

Часть вторая

Не всё так просто!

26. Фитнес-клуб.	185
27. Старая пластинка.	197
28. Неотправленное письмо нытика.	200
29. Обещание еврея.	203
30. Рецепт счастья.	207
31. Пирожки.	217
32. Зависть.	221

Часть третья

Всё совсем не просто!

29. Чужой звонок. (Даже два).	235
30. Наши невидимые шрамы, рубцы, раны.	244
31. Гитарист, потерявший память.	253
32. Сынок, я тебя очень прошу.	259
33. Узник.	266
34. Душа.	270
35. Вчерашний день.	272
36. Держу пари, что я ещё не умер.	274
37. Зачем я здесь?	276
38. Утраченные грёзы юной русалки.	288
39. Выдержки из дневника женщины	285
40. Облачко.	292
41. Ты помнишь!? Моя любовь!!!	294

Рассказы на иврите

42. Котёнок.	303
43. Осторожнее с жестами.	306
44. Хвалёная медицина.	309

СОЛОМОН БЕН-ЭМАНУЭЛЬ (АГАБАБАЕВ) (31.03.1948) – член Союза писателей Израиля. Родился в поселке Красная Слобода Кубинского района Азербайджанской ССР.

Окончил музыкальное училище им. Асафа Зейналлы и Азерб. Институт Нефти и Химии.

Во время службы в Краснознамённой Каспийской

Флотилии выступал в Ансамбле «Песни и Пляски».

Соломон Бен-Эмануэль работал в ансамбле музыкального коллектива «Дан Улдузу» («Утренняя Звезда»), под руководством Гюлары Алиевой; в цыганском коллективе «Любимые ритмы» (рук. М.Шишков); в Художественном Фонде Азербайджана – фотографом, по фотосъёмке произведений искусств.

В 1990 г. репатриировался с семьей в Израиль.

Литература, является постоянным спутником Соломона Бен-Эмануэля, начиная со школьной скамьи. Его рассказы и повести публикуются в газете «Секрет» (ред. В.Плетинский, Израиль) и «Новый рубеж» (ред. Н.Евдаев, США).

«Замена в оркестре» - один из его лучших рассказов вошел в Антологию поэзии и прозы «Звезды горских евреев» – «Астарахой чуһурһой доги» (ред. Э.Гуршумов и Ф.Юсфова).

В этом издании работы более ста писателей и поэтов горских евреев на пяти языках – на языке горских евреев, иврите, азербайджанском, русском и на английском языке. Произведения С. Бен-Эмануэль опубликованы на интернет сайтах: juhuro.com (США); gorskie.ru (Россия); druzya.com (Израиль).